ПИОНЕР

ИЮНЬ 6

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1962 г.





ПИОНЕРИЯ НАГРАЖДЕНА ОРДЕНОМ ЛЕНИНА

18 мая 1962 года. Кремлевский Дворец съездов. Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев прикрепляет орден Ленина к знамени Всесоюзной пионерской организации.

Будьте всегда готовы к борьбе за дело Коммунистической партии!

Приветствие Н. С. ХРУЩЕВА Всесоюзной пионерской организации

Дорогие ребята, юные пионеры Советского Союза!

Сегодня у вас замечательный юбилей — сорокалетие Всесоюзной пионерской организации имени Владимира Ильича Ленина. Сердечно поздравляю вас, юные ленинцы, с этим светлым и радостным праздником.

Вместе с вами день рождения пионерии отмечает и весь советский народ. Красный пионерский галстук с гордостью носили те, кто создавал первые колхозы, воздвигал в тайге новые города и заводы, покорял могучие реки, поднимал вековую целину, штурмовал космос, кто самоотверженно трудится в бригадах коммунистического труда. Всегда были верны своей пионерской клятве, заветам Ильича те, кто отдал жизнь в боях за нашу Родину, за ваше счастье.

Сегодня пионерский галстук — частицу красного знамени носите вы, наша юная смена.

Большой и славный путь прошла за 40 лет пионерская организация имени Ленина. Советский народ любит свою детвору, гордится делами и подвигами юных пионеров.

Мы, люди старшего поколения, с любовью и благодарностью вспоминаем первых пионеров, которые боролись с детской беспризорностью, обучали неграмотных, помогали партии и народу строить новую жизнь. В грозные годы Великой Отечественной войны юные пионеры сражались в партизанских отрядах, были разведчиками, дежурили в госпиталях, заботились о семьях бойцов, трудились на полях и заводах.

Навсегда останутся в истории нашего народа имена пионеров-героев — Павлика Морозова, Коли Мяготина, Кычана Джакыпова, Гриши Акопяна, Вали Котика, Лени Голикова, Марата Казея и многих других отважных ребят, совершивших героические подвиги во славу любимой Отчизны.

Мы видим, как юные ленинцы наших дней свято выполняют ленинский наказ: «Только в труде вместе с рабочими и крестьянами можно стать настоящими коммунистами». Ребята украшают Родину садами, выращивают богатые урожаи кукурузы и сахарной свеклы, собирают металлолом, охраняют природу. И это очень хорошо.

Вы празднуете свой юбилей на заре коммунизма. XXII съезд нашей партии принял программу построения коммунистического общества, в которой воплощены идеи великого Ленина. Коммунизм — это светлая мечта миллионов людей, это общество, где человек человеку друг, товарищ и брат.

Старшее поколение, которое много поработало во имя прекрасного будущего, передает эстафету коммунизма молодежи, Ленинскому комсомолу. А вы, юные ленинцы, будьте готовы взять эту эстафету у своих старших братьев и сестер.

Коммунистическая партия и советский народ обеспечили вам счастливое детство. Для вас построены замечательные школы и дворцы, стадионы и здравницы, пионерские лагеря и парки. «Все лучшее — детям!» — этот ленинский наказ Коммунистическая партия претворяет в жизнь.

Широкие горизонты, ясные цели открывает перед юным поколением Программа Коммунистической партии. Вам предстоит умножить богатства нашей родной земли, изменять течение рек, строить сложные, умные машины. Вы продолжите штурм космоса, раскроете многие тайны природы. Мечтайте, творите, дерзайте!

Дорогие ребята! Чтобы стать достойными продолжателями великих дел советского народа, вы должны уже сейчас, в пионерском возрасте, воспитывать в себе черты строителя коммунистического общества.

Растите трудолюбивыми, уважайте всякий труд. В труде на благо народа, Родины — смысл жизни, настоящее счастье каждого советского человека. Помните, только трудом, трудом и трудом миллионов можно построить коммунизм.

Настойчиво овладевайте основами наук. Самое главное для вас, ребята,— отлично учиться, применять полученные знания в жизни. Чем больше знает и умеет человек, тем больше принесет он пользы обществу. Без знаний — нет коммунизма.

Любите нашу великую, многонациональную Родину, умножайте ее славу, живите дружно и весело, закаляйте себя, во всем равняйтесь на своего вожатого — Ленинский комсомол.

Юные пионеры!

На вашем знамени — имя Ленина. Растите коммунистами-ленинцами. Трудитесь по-ленински. Учитесь — по-ленински. Любите Советскую Родину так, как любил ее наш дорогой Ильич.

Будьте всегда готовы к борьбе за дело Коммунистической партии!



Год издания 39-й

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

ИЮНЬ 1962



ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

С. МАРШАК

СКОЛЬКО ЛЕТ ВОЖАТОМУ



Ребята-октябрята,
Примите поздравленье.
Сегодня ваш вожатый
Справляет день рожденья.

Сегодня ровно сорок лет,
Как появился он на свет.

— Да что вы? — слышу я в ответ.—
Гораздо он моложе,
Нет и четырнадцати лет
Вожатому Сереже!

— Он пионер?
— Да, пионер.
— СССР?
— СССР.

— Ну так считайте: сорок лет
Сегодня миновало
С тех самых пор, как был надет
Впервые галстук алый.

Наступит день, настанет час —
И галстуки вожатый
Повяжет каждому из вас,
Ребята-октябрята!



СТАРШИЕ И МЛАДШИЕ

— Кто вспахал пустынный
Край в СССР —
Дальний край целинный?
— Бывший пионер.

— Кто пустырь у школы
Превращает в сквер?
— Нынешний веселый
Юный пионер.

— Кто проник недавно
В глубь небесных сфер?
— Наш Гагарин славный,
Бывший пионер.



— Что за ловкий парень
Взял прыжком барьер?
— Будущий Гагарин,
Юный пионер.



Баранкин! Будь человеком!

Восемь вполне ВЕРОЯТНЫХ и двадцать восемь совершенно НЕВЕРОЯТНЫХ событий из жизни Юры Баранкина...

Валерий **МЕДВЕДЕВ**

Рисунки Ю. Владимирова, Ф. Терлецкого.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

БАРАНКИН, К ДОСКЕ!

СОБЫТИЕ ПЕРВОЕ

ДВЕ ДВОЙКИ!

Если бы я и Костя Малинин не умудрились получить две двойки в самом начале учебного года (в субботу на уроке геометрии), то, может быть, ничего такого невероятного и фантастического на следующий день (в воскресенье) с нами бы не приключилось, но двойки в субботу мы схлопотали, и поэтому в воскресенье случилось что-то невероятное, фантастическое и даже, можно сказать, сверхъестественное!..

На перемене, сразу же после этого злополучного события, Зинка Фокина, староста нашего класса, подошла к нам и сказала:

— Ой, Баранкин и Малинин! Ой, какой позор! На всю школу позор!

Потом она собрала вокруг себя девчонок и стала с ними, судя по всему, составлять против нас с Костей какой-то заговор. Совещание продолжалось всю перемену, пока не прозвенел звонок к следующему уроку.

За это время Алик Новиков, специальный фотокорреспондент нашей стенгазеты, сфотографировал нас с Костей и со словами: «Двойка скачет! Двойка мчится!» — прилепил наши физиономии к газете, в разделе «Юмор и сатира».

После этого Эра Кузякина (главный редактор стенгазеты) посмотрела на нас уничтожающим взглядом и прошипела:

— Эх вы! Такую красивую газету испортили!

Газета, которую, по словам Кузякиной, испортили мы с Костей, была действительно красивой. Она была вся раскрашена разноцветными красками, на самом видном месте от края до края был выведен великолепными буквами лозунг «Учиться только на «хорошо» и «отлично»!».

Честно говоря, наши мрачные физиономии типичных двоечников как-то не вязались с ее нарядным и праздничным видом. Я даже не выдержал и послал Кузякиной записку следующего содержания: «Кузякина! Предлагаю снять наши карточки, чтобы газета была опять красивой!»

Слово «красивой» я подчеркнул двумя жирными линиями, но Эрка только передернула плечами и даже не посмотрела в мою сторону...

СОБЫТИЕ ВТОРОЕ

НЕ ДАЮТ ДАЖЕ ОПОМНИТЬСЯ...

Как только прозвенел звонок с последнего урока, все ребята гурьбой ринулись к дверям. Я уже собирался толкнуть дверь плечом, но Эрка Кузякина успела каким-то образом встать на моем пути.

— Не расходиться! Не расходиться! Будет общее собрание! — закричала она и добавила ехидным тоном: — Посвященное Баранкину и Малинину!

— Никакое не собрание,— крикнула Зинка Фокина,— а разговор! Очень серьезный разговор!.. Садитесь на места!..

Что здесь началось! Все ребята стали возмущаться, хлопать партами, ругать нас с Костей и кричать, что они ни за что не останутся. Мы с Костей вопили, конечно, больше всех. Это еще что за порядки? Не успели, можно сказать, получить двойки, и на́ тебе — сразу же общее собрание, ну, не собрание, так «серьезный разговор»... Еще неизвестно, что хуже!.. В прошлом учебном году этого не было... То есть двойки у нас с Костей и в прошлом году тоже были, но никто не устраивал из этого никакого пожара. Прорабатывали, конечно, но не так, не сразу... Давали, как говорится, опомниться... Пока такие мысли мелькали у меня в голове, староста нашего класса Фокина и главный редактор стенгазеты Кузякина успели «подавить бунт» и заставили всех ребят сесть на свои места. Когда шум постепенно затих и в классе наступила относительная тишина, Зинка Фокина сразу же начала собрание, то есть «серьезный разговор», посвященный мне и моему лучшему другу Косте Малинину.

Мне, конечно, очень неприятно вспоминать, что говорили о нас с Костей Зинка Фокина и остальные

наши товарищи на том собрании, однако, несмотря на это, я расскажу все так, как было на самом деле, не искажая ни одного слова и ничего не прибавляя от себя...

СОБЫТИЕ ТРЕТЬЕ

КАК В ОПЕРЕ ПОЛУЧАЕТСЯ...

Когда все расселись и в классе наступила тишина, Зинка Фокина закричала:

— Ой, ребята! Это просто какое-то несчастье! Новый учебный год еще не успел начаться, а Баранкин и Малинин уже успели получить две двойки!..

В классе снова сразу же поднялся ужасный шум, но отдельные выкрики, конечно, можно было разобрать:

— В таких условиях я отказываюсь быть главным редактором стенгазеты! (Это сказала Эра Кузякина.)

— А еще слово давали, что исправятся! (Мишка Яковлев.)

— В прошлом году с ними нянчились! (Нина Семенова.)

— Вызвать родителей! (Костя Никаноров.)

— Только класс наш позорят! (Ирка Пухова.)

— Решили все заниматься на «хорошо» и «отлично» — и вот вам, пожалуйста! (Это я не разобрал, кто крикнул.)

— Позор Баранкину и Малинину! (Нинка и Ирка вместе.)

Меня и Костю больше всего разозлило, что громче всех орал Венька Смирнов. Уж чья бы корова, как говорится, мычала. У этого Веньки успеваемость в прошлом году была еще хуже, чем у нас с Костей. Поэтому я не выдержал и тоже закричал.

— Рыжий, — закричал я на Веньку Смирнова, — а ты-то чего орешь громче всех? Если бы первым вызвали тебя к доске, ты бы не двойку, а единицу схлопотал! Так что молчи в тряпочку.

— Эх ты, Баранкин! — заорал на меня Венька Смирнов. — Я же не против тебя, я за тебя ору! Я что хочу сказать, ребята. Я говорю: нельзя после каникул так сразу вызывать к доске. Надо, чтобы мы сначала пришли в себя после каникул...

— Смирнов! — крикнула на Веньку Зинка Фокина.

— И вообще, — продолжал кричать на весь класс Венька, — предлагаю, чтобы в первый месяц никому не задавали никаких вопросов и вообще не вызывали к доске!..

— Так ты эти слова ори отдельно, — крикнул я Веньке, — а не со всеми вместе!..

Здесь опять все ребята закричали в один голос и так громко, что уже нельзя было разобрать ни одного слова.

— Ой, тише, ребята, — сказала Фокина, — замолчите! Пусть говорит Баранкин.

— А что говорить? — сказал я. — Мы с Костей не виноваты, что Михал Михалыч в этом учебном году вызвал нас к доске первыми. Спросил бы сначала кого-нибудь из отличников, например, Мишу Яковлева — и все началось бы с пятерки...

Все стали шуметь и смеяться, а Фокина сказала:

— Ты бы, Баранкин, лучше не острил, а брал пример с Миши Яковлева.

— Подумаешь, «пример-министр»! — сказал я не очень громко, но так, чтобы все слышали.

Ребята опять зашумели, засмеялись, Зинка Фокина заойкала, а Эрка покачала головой, как большая, и сказала:

— Баранкин! Ты лучше скажи: когда вы с Малининым исправите свои двойки?

— Малинин! — сказал я Косте. — Разъясни...

— Чего вы орете? — сказал Малинин. — Исправим мы двойки...

— Когда?

— Юра, когда мы исправим двойки? — спросил меня Костя Малинин.

— А ты, Малинин, своей головы на плечах не имеешь? — закричала Кузякина.

— В четверти исправим, — сказал я твердым голосом, чтобы внести окончательную ясность и понятность в этот вопрос.

— Ребята! Это что же получается? Значит, наш класс должен всю четверть переживать эти несчастные двойки!..

— Баранкин! — сказала Зинка Фокина. — Класс постановил, чтобы вы исправили двойки завтра!

— Извините, пожалуйста, — возмутился я, — завтра воскресенье!

— Ничего, позанимаетесь! (Эра Кузякина.)

— Так им и надо! (Ирка Пухова.)

— Привязать их веревками к партам! (Нина Семенова.)

— А если мы не понимаем с Костей решение задачи? (Это сказал уже я.)

— А я вам объясню! (Миша Яковлев.)

Мы с Костей переглянулись и ничего не сказали.

— Молчание — знак согласия! — сказала Зинка Фокина. — Значит, договорились на воскресенье! Утром позанимаетесь с Яковлевым, а потом придете в школьный сад: будем сажать деревья.

— Что?! — заорали мы с Костей в один голос. — Еще и деревья сажать?.. Да мы же... мы же устанем после занятий!

— Физический труд, — сказал главный редактор нашей стенгазеты, — лучший отдых после умственной работы.

— Это что же получается? — сказал я. — Значит, как в опере получается: «Ни сна, ни отдыха измученной душе!..»

— Алик, — сказала староста нашего класса, — смотри, чтобы они не сбежали!

— Не сбегут! — сказал Алик. — Сделайте веселое лицо! У меня разговор короткий! В случае чего...— Алик навел фотоаппарат на нас с Костей. — Щелк! И подпись!..

СОБЫТИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

(ОЧЕНЬ ВАЖНОЕ)

А ЕСЛИ Я УСТАЛ БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ!!

Ребята, переговариваясь, выходили из класса, а мы с Костей все еще продолжали сидеть за партой и молчать. Признаться честно, мы оба с ним были просто, как говорится, ошарашены. Я уже говорил, что раньше нам тоже приходилось получать двойки, и не раз, но никогда еще наши ребята не брали нас с Костей в самом начале года в такой оборот, как в эту субботу.

Я думал, что мы с Костей остались в классе совсем одни, и хотел уже поделиться с ним своими мрачными мыслями, но в это время сбоку ко мне подошла вдруг Зинка Фокина.

— Юра, — сказала Зинка Фокина. (Вот странно! Раньше она всегда называла меня только по фамилии!) — Юра, будь человеком! Исправь завтра двойку! Исправишь?

Она говорила со мной так, словно мы были в классе совсем одни. Словно рядом со мной не сидел мой лучший друг Костя Малинин.

— Исправишь? — тихо повторила она свой вопрос.

— Фокина,— сказал я официальным голосом.— Если бы я был некультурный, я бы тебе сказал... не при-ста-вай!..

Фокина (возмущенно). С тобой совершенно невозможно разговаривать по-человечески!..

Я (хладнокровно). Ну и не разговаривай!

Фокина (еще возмущенней). И не буду!

Я (еще хладнокровней). А сама разговариваешь!..

Фокина (возмущенней в тысячу раз). Потому что я хочу, чтобы ты стал че-ло-ве-ком!

— А если я устал быть человеком, тогда что?! — возмущенно закричал я на Фокину.

— Ну, Баранкин! Знаешь, Баранкин!.. Все, Баранкин,— сказала спокойно Фокина и вышла из класса.

А я снова остался сидеть за партой, молча сидеть и думать о том, как действительно я устал быть человеком... Уже устал... А впереди еще такой тяжелый учебный год... А завтра еще такое тяжелое воскресенье!..

СОБЫТИЕ ПЯТОЕ

ЛОПАТЫ ВСЕ-ТАКИ ВРУЧАЮТ... И МИШКА ВОТ-ВОТ ПОЯВИТСЯ...

И вот это воскресенье наступило! На папином календаре число и буквы раскрашены веселой розовой краской. У всех ребят из нашего дома праздник. Идут кто в кино, кто на футбол, кто по своим личным делам, а мы с Костей сидим во дворе на лавочке и ждем Мишку Яковлева, чтобы с ним начать заниматься.

В будни учиться тоже небольшое удовольствие, но заниматься в выходной день, когда все отдыхают, просто одно мучение. На дворе, как назло, стоит замечательная погода. На небе ни облачка, а солнце греет совсем по-летнему.

С утра, когда я проснулся и выглянул на улицу, все небо было в тучах. За окном свистел ветер и срывал с деревьев желтые листья.

Я обрадовался. Думал, пойдет град с голубиное яйцо, Мишка побоится выйти на улицу, и наши занятия не состоятся. Если не град, то, может быть, ветер надует снег или дождь. Мишка с его характером, конечно, и в снег и в дождь притащится, зато в слякость будет не так обидно сидеть дома и корпеть над учебниками. Пока я составлял в голове разные планы, все получилось наоборот. Тучи сначала превратились в облака, а потом совсем исчезли. А к приходу Кости Малинина погода вообще разгулялась, и теперь на дворе солнце и небо чистое-чистое. И воздух не шевелится. Тихо. Так тихо, что с березы, под которой мы сидим с Костей, даже перестали падать желтые листья.

— Эй, вы, подберезовики! — раздался из окна нашей квартиры мамин голос.— Вы пойдете в конце концов заниматься или нет? (Этот вопрос она задавала нам пятый или шестой раз.)

— Мы ждем Яковлева!

— А разве без Яковлева начать нельзя?

— Нельзя! — сказали мы с Костей в один голос, и отвернулись от окошка, и стали смотреть сквозь кусты акации на калитку, из которой должен был появиться Мишка. Но Мишки все не было. Вместо него за калиткой маячил, то и дело высовываясь из-за дерева, Алик Новиков. Он был, как всегда, весь увешан фотоаппаратами и всякими фотопринадлежностями. Я, конечно, не мог смотреть спокойно на этого лазутчика и поэтому перевел взгляд в сторону.

— Воскресенье называется!.. — сказал я, стиснув зубы.

В это время к Алику подошла Зинка Фокина, на плече она несла четыре лопаты, под мышкой у нее была зажата какая-то картонная коробка, а в левой руке сачок для ловли бабочек.

Алик сфотографировал Зинку с лопатами на плече, и они вместе направились к нам. Я думал, что Алик взвалит теперь лопаты на свои плечи, но этого почему-то не случилось. Все четыре лопаты продолжала тащить Зинка Фокина, а Алик продолжал держаться обеими руками за фотоаппарат, который висел у него на шее.

— Эй, вы, фото-граф! — сказал я Алику, когда они вместе с Зинкой приблизились к скамейке.— Кажется, эти лопаты вам не по плечу, ваше проявительство!

— Зато они будут по плечу вам с Костей,— сказал, ничуть не смутившись, Алик Новиков, наводя аппарат на нас с Костей.— И подпись: «Староста класса З. Фокина торжественно вручает хозинвентарь своим соотечественникам».

Зинка Фокина прислонила лопаты к сиденью скамейки, а Алик Новиков щелкнул фотоаппаратом.

— Да,— сказал я, внимательно разглядывая лопаты.— Как в журнале «Костер» получается...

— Что это еще получается? — спросила меня Фокина.

— Загадочная картинка,— пояснил я.

— Понимаю,— сказал Алик.— Где у этой лопаты ручка?

— Нет,— сказал я Алику.— Где мальчик, который будет работать этой лопатой?..

— Баранкин! — возмутилась Зинка Фокина.— Ты что, ты не собираешься сегодня озеленять школу?

— Почему это я не собираюсь? — ответил я Зинке.— Собираться я собираюсь... Только неизвестно, сколько времени я буду собираться...

— Баранкин, будь человеком! — сказала Зинка Фокина.— Исправите с Костей двойки и немедленно приходите в школьный сад!

Она хотела сказать нам с Костей что-то еще, но раздумала, повернулась и с лопатой на плече молча зашагала по направлению к школе.

Алик Новиков снова занял свой пост у калитки за деревом. Костя помрачнел еще больше и уставился на лопаты, он смотрел на них,



— Воскресенье называется!.. — сказал я, стиснув зубы.

как загипнотизированный, я, наоборот, пытался на этот «инвентарь» не обращать никакого внимания. Стараясь изо всех сил казаться веселым, я стал смотреть на деревья, даже не догадываясь о том, что до невероятных, фантастических и, можно сказать, сверхъестественных событий, которые развернутся на нашем дворе, остается совсем немного времени.

СОБЫТИЕ ШЕСТОЕ

СЕМЬ ДНЕЙ ВЫХОДНЫХ В НЕДЕЛЮ — ВОТ ЧТО ПОРАЗИЛО МОЕ ВООБРАЖЕНИЕ...

В кустах громко чирикали воробьи. Веселыми компаниями они то и дело срывались с веток, перелетая с дерева на дерево: на лету их стайки то сжимались, то растягивались, было похоже, будто все воробьи были связаны между собой резиновыми нитями.

Перед самым моим носом в воздухе беззаботнс летала какая-то мошкара.

Над клумбой порхали бабочки. По скамейке, на которой мы сидели с Костей, бегали черненькие муравьи. Один муравей даже залез мне на колено и стал греться на солнышке.

«Вот у кого, вероятно, каждый день воскресенье!» — подумал я, с завистью глядя на воробьев. Не сводя глаз с акации, я стал, наверное, в двести пятидесятый раз сравнивать свою жизнь и жизнь воробьев и двести пятидесятый раз пришел к очень печальному заключению. Достаточно было взглянуть один раз, чтобы убедиться, что жизнь птиц и разных насекомых была беззаботной и просто замечательной: никто из них никого не ждал, никто ничему не учился, никого никуда не посылали, никому не читали нотации, никому не совали в руки лопаты... Каждый жил сам по себе и делал все, что ему вздумается, и так всю жизнь! Все дни раскрашены розовой краской! Все время праздник! Семь дней в неделе, и все воскресенья! А у нас с Малининым один выходной в семь дней, и то разве это выходной день?!. Так, только одно название. А хорошо бы пожить хоть один денечек вот так, как живут эти счастливые мураши и воробьи или бабочки, только чтобы не слышать этих глаголов, которые с утра до вечера так и сыплются на твою несчастную голову: просыпайся, одевайся, пойди, отнеси, принеси, купи, подмети, помоги, выучи!

В школе тоже не легче. Стоит мне появиться в классе, только я и слышу от Зинки Фокиной:

«ОЙ, БАРАНКИН, БУДЬ ЧЕЛОВЕКОМ! Не вертись, не списывай, не груби, не опаздывай!»... И так далее и тому подобное...

В школе будь человеком!
На улице будь человеком!
Дома будь человеком!
А отдыхать когда же?!

И где взять время для отдыха? Немного свободного времени еще, конечно, можно выкроить, а вот где найти для отдыха такое местечко, чтобы тебе абсолютно никто не мешал заниматься всем, что твоей душе угодно? И здесь мне пришла в голову такая мысль, которую я уже давно тайно от всех вынашивал в своей голове. А что, если взять и попытаться ее осуществить? Осуществить сегодня же! Сейчас! Более подходящей минуты, может быть, больше никогда и не будет, и более подходящей обстановки и настроения, может быть, никогда не будет. Сначала надо обо всем рассказать Косте Малинину. А может быть, не стоит? Нет, стоит! Расскажу! А там будь, что будет!

— Малинин,— сказал я шепотом,— слушай меня, Малинин!..

От волнения я чуть было не задохнулся.

— Слушай.

Если бы мне не нужно было в этот выходной день заниматься, а потом еще и работать в школьном саду, то я, вероятно, никогда бы не поделился с Костей своим невероятным и неслыханным замыслом. Но двойка, красовавшаяся в моем дневнике, и лопата, прислонившаяся ко мне своим черенком, переполнили, как говорится, чашу моего терпения, и я решил действовать.

СОБЫТИЕ СЕДЬМОЕ

ЕДИНСТВЕННАЯ В МИРЕ «ИНСТРУКЦИЯ»

Я еще раз взглянул на окна нашей квартиры, на небо, на воробьев, на калитку, из которой вот-вот должен был появиться Мишка Яковлев, и сказал по-настоящему взволнованным голосом:

— Костя! А ты знаешь, что утверждает моя мать?

— Что? — спросил Костя.

— Моя мать утверждает,— сказал я,— что если по-настоящему захотеть, то даже курносый нос может превратиться в орлиный!

— В орлиный? — переспросил Костя Малинин и, не понимая, к чему это я говорю, уставился в стену нашего дома, на которой было написано мелом:

«БАРАНКИН ФАНТАЗЕР НЕСЧАСТНЫЙ!!!»

— В орлиный! — подтвердил я.— Но только если захотеть по-настоящему.

Малинин отвел свой взгляд от забора и недоверчиво посмотрел на мой нос.

Мой профиль был полной противоположностью орлиному. Я был курносый. По выражению моей мамы, я был настолько курнос, что через дырочки моего задранного кверху носа можно было разглядеть, о чем я думаю.

— Так что же ты ходишь с таким носом, если он может у тебя превратиться в орлиный? — спросил Костя Малинин.

— Да я не о носе, дуралей!

— А о чем? — все еще не понимал Костя.

— А о том, что если по-настоящему захотеть,— значит, можно из человека превратиться, к примеру, в воробья...

— Это зачем же нам превращаться, к примеру, в воробьев? — спросил Костя Малинин, глядя на меня, как на ненормального.

— Как зачем? Превратимся в воробьев и хоть одно воскресенье проведем по-человечески!

— Как это по-человечески? — спросил ошеломленный Малинин.

— По-человечески — значит по-настоящему,— пояснил я.— Устроим себе настоящий выходной день и отдохнем, как полагается, от этой арифметики, от Мишки Яковлева, от лопат — от всего на свете отдохнем. Конечно, если ты не устал быть человеком, тогда можешь не превращаться, сиди и жди Мишку...

— Как это «не устал»? Очень даже устал! — сказал Костя.— Может, побольше твоего устал!

— Ну вот! Вот это по-товарищески!

И я с еще большим увлечением стал расписывать Косте Малинину ту жизнь безо всяких забот и хлопот, которая, по моему мнению, ожидала нас, если бы нам удалось каким-то образом превратиться в воробьев.

— Вот здорово! — сказал Костя.

— Конечно, здорово! — сказал я.

— Подожди,— сказал Костя,— а как же мы с тобой будем превращаться?.. По какой системе?

— Не читал, что ли, в сказках: «Стукнулся о землю — и превратился Иванушка в орла быстрокрылого.. Стукнулся еще раз о землю, и превратился...»?

— Слушай, Юрка,— сказал мне Костя Малинин,— а это обязательно — стукаться о землю?

— Можно и не стукаться,— сказал я.— Можно и при помощи настоящего желания и волшебных слов...

— А где же мы с тобой возьмем волшебные слова? Из старой сказки, что ли?

— Зачем из сказки? Я сам придумал... Вот...— Я протянул Косте тетрадь, тетрадь, которую еще никто не видел на свете, кроме меня.— Тут все написано.

— «Как превратиться из человека в воробья по системе Баранкина. Инструкция»,— прочитал Костя свистящим шепотом надпись на обложке тетради и перевернул первую страницу.

СОБЫТИЕ ВОСЬМОЕ

«НЕ ХОЧУ УЧИТЬСЯ, ХОЧУ БЫТЬ ПТИЦЕЙ!..»

— «Не хочу учиться, хочу быть птицей!»... А это что, стихи, что ли? — спросил меня Костя.

— Не стихи, а заклинание... в рифму...— пояснил я.— В сказках так всегда полагается... Знаешь: «Снип-снап-снурре-пурре-бозеллюре»?

— «Я уверен: без забот воробей живет! Вот я! Вот я! Вот я! Вот я!..» А дальше неразборчиво...

— Чего неразборчиво? — сказал я.— «Вот я! Вот я! Превращаюсь в воробья!»

— Складно получается,— сказал Костя.

— Всю ночь не спал,— сказал я и оглянулся по сторонам: я боялся, чтобы нас с Костей кто-нибудь не подслушал.

— А что ж мы с тобой теряем время? — крикнул Малинин.— Давай скорее превращаться, пока Мишка Яковлев не пришел!

— Ты какой-то чудак, Малинин! Как это скорей? Может, у нас с тобой еще ничего не получится, а ты уже радуешься да орешь на весь двор!

— Ну и что?

— Как это «ну и что»? Дело таинственное, можно сказать, непроверенное, кто-нибудь подслушает. Потом смеяться будут, если у нас ничего не выйдет.

— Ты же сам говорил, что если есть волшебные слова да еще если захотеть по-настоящему, то обязательно выйдет! — сказал Костя шепотом.

— Конечно, выйдет, если захотеть по-настоящему. А вот как это «захотеть по-настоящему» — вот в чем загадка! — прошептал я.— Ты, Костя, в жизни чего-нибудь хотел по-настоящему? Ну вот! А говоришь «скорей»! Это тебе не двойку в тройку превратить. Здесь, брат, двух человек надо превратить в воробьев. Вот какая задача!

— А зачем в воробьев? — спросил Костя.— В бабочек, я думаю, легче.

— Зачем же в бабочек? Бабочки — насекомые, а воробьи — это как-никак птицы. На прошлом уроке мы как раз проходили воробьев. Ты в это время, правда, посторонюю книгу читал.

— Верно. Я воробьев не слушал.

— Ну вот, а я слушал. Нина Николаевна нам целый час рассказывала про воробьев. Знаешь, какая у них замечательная жизнь!

— В воробьев так в воробьев! — сдался Костя Малинин.— Я в драмкружке в «Снежной королеве» ворона играл, мне в воробья будет даже легче превращаться. Давай скорее!

— Сначала надо немного потренироваться,— сказал я, забираясь с ногами на лавочку.

Присев на корточки, как воробей, я втянул голову в плечи и заложил руки за спину, словно крылья.

— Похоже! — сказал Костя, повторяя за мной все движения.— Чик-чирик.

— Ну вот! — сказал я.— Тренироваться так тренироваться, а раньше времени чирикать нечего. Давай лучше отработаем воробьиную походку.

Сидя на корточках, мы стали прыгать по лавочке и чуть не свалились на землю.

— Тяжело! — сознался Костя, для равновесия размахивая руками, как крыльями.

— Ничего,— успокоил я Малинина,— когда мы станем настоящими воробьями, прыгать будет легче.

Костя хотел еще немного попрыгать, но я ему сказал, что тренировка окончена и что теперь мы переходим к самому главному: к превращению человека Малинина и человека Баранкина в воробьев.

— Замри! — скомандовал я Косте Малинину.

— Замер!

— Сосредоточься!

— Сосредоточился! — ответил Костя.

— А теперь по команде, мысленно, как говорится, в своем воображении, начинай превращаться в воробья! Понятно?

— Понятно!

— Если понятно, тогда к превращению из человека в воробьев приготовились!

— Начали!

— Начали!

Я зажмурил глаза, напрягся и, повторяя про себя слова заклинания, начал изо всех сил мысленно, в своем воображении, превращаться в воробья, сомневаясь про себя в том, что у меня хватит настоящего желания и настоящих сил, необходимых для такого неслыханного, невиданного и, можно сказать, сверхъестественного задания...

СОБЫТИЕ ДЕВЯТОЕ

СТОИТ ЗАХОТЕТЬ ПО-НАСТОЯЩЕМУ — И...

Сказать по правде, у меня всю жизнь часто возникали в голове всякие трудно осуществимые желания и фантазии.

Одно время я, например, мечтал изобрести такой аппарат, с помощью которого можно было бы у любого человека на расстоянии отключить его голос. По моим расчетам, этот аппарат (я его назвал ТИХОФОН БЮ-1 — отключатель голоса по системе Баранкина) должен был действовать так: предположим, сегодня на уроке учитель рассказывает нам о чем-нибудь неинтересном и тем самым мешает мне, Баранкину, думать о чем-нибудь интересном. Я щелкаю в кармане выключателем тихофона, и голос учителя исчезает. У кого такого аппарата нет, те продолжают слушать, а я в тишине спокойно занимаюсь своим делом.

Другой пример. Я вхожу утром в класс. Зинка

Фокина налетает на меня и тут же начинает читать мне нотацию; я спокойно щелкаю в кармане рычажком и выключаю голос Фокиной на весь день...

Мне очень хотелось изобрести такой аппарат, но дальше названия у меня почему-то дело не пошло: может быть, потому, что я не по-настоящему хотел изобрести такой аппарат?

Или вот в прошлом году, в последний день летних каникул, перед тем, как лечь спать, мне, например, ужасно захотелось стать взрослым, но не через пятнадцать — двадцать лет, как становятся все нормальные люди, а назавтра же. Скажем так: спать ты ложишься еще мальчишкой, просыпаешься утром, смотришь — ты уже взрослый... с усами... и в школу идти не надо... Желание мое было ужасно сильным, я даже во сне только об этом и думал. Утром первого сентября я проснулся, конечно, пораньше, смотрю — лежу в постели таким же, как уснул... без усов... и надо идти в школу...

Были у меня и другие сильные желания, но ни одно из них, конечно, не захватывало меня так, по-настоящему, как желание превратиться из человека в воробья!..

Итак, когда я скомандовал Косте «начали» и зажмурился, я решил, что не открою глаза до тех пор, пока мне не покажется, что я уже превратился в воробья.

Я сидел на лавочке, не шевелясь, не отвлекаясь, не размышляя ни о чем постороннем, и думал только об одном: как бы мне скорее превратиться в воробья. Я ждал наступления этого момента с такой силой, с какой я не ждал даже начала летних каникул. А то, что во дворе с минуты на минуту должен был появиться Мишка Яковлев, только удесятеряло мои силы и намерения.

Сначала я сидел на лавочке просто так, как сидят все обыкновенные люди, и не чувствовал ничего особенного. В голову по-прежнему лезли всякие неприятные человеческие мысли: и про двойку, и про арифметику, и про Мишку Яковлева,— но я старался обо всем этом не думать. Я считал, что если уж я решил твердо превратиться в воробья, то и думать надо только исключительно о чем-нибудь воробьином. Через некоторое время я заметил, что у меня в голове наконец-то вместо человеческих мыслей стали появляться и нечеловеческие. Так, например, мне внезапно захотелось немного пощебетать на воробьином языке.

Вслед за мыслями стали возникать сами по себе разные нечеловеческие желания и намерения: то мне хотелось спорхнуть с лавочки и немного полетать по воздуху, то посидеть на самой вершине березы, которая росла во дворе, то немного пожить в скворечнике.

А когда я по привычке попробовал опять подумать о чем-нибудь человеческом, то у меня, к моему удивлению, на этот раз ничего не получилось. Арифметика мне показалась глупейшим занятием. Двойка почему-то вообще перестала меня расстраивать и потеряла всякое значение, а Мишка Яковлев стал мне представляться не знаменитым на всю школу отличником, а каким-то неуклюжим и несчастным существом, которое не умеет делать даже такой простой вещи, как летать по воздуху.

В это самое время у меня по ногам начали ползать мурашки. Они ползли все скорее и скорее. Потом побежали по спине, по рукам, по всему телу. Вдруг совершенно неожиданно мне захотелось поесть овса. Да, да! Овса! Нечищенного сырого овса! И чтобы он лежал на земле в пыли. И чтоб его было много, этого овса, очень много. В общем, чтобы я мог наклеваться досыта.

Сижу я на лавочке с закрытыми глазами, по телу у меня мурашки, словно сумасшедшие, носятся, как ребята на большой перемене, а я сижу и думаю: интересно, что же означают эти мурашки и этот овес? Мурашки — это еще мне понятно, это я, наверное, ноги отсидел, а при чем здесь овес?

Я даже мамину овсяную кашу на молоке с вареньем — и ту ел дома всегда без всякого удовольствия. Почему же мне хочется сырого овса? Я ведь все-таки человек, а не лошадь?

Сижу, думаю, гадаю, но ничего сам себе объяснить не могу, потому что глаза у меня плотно закрыты, и от этого в голове совершенно темно и неясно.

Тогда я решил осмотреть себя с ног до головы, думаю: уж не случилось ли со мной чего-нибудь неожиданного и даже сверхъестественного? Затаив дыхание, я чуть-чуть приоткрыл глаза и первым делом взглянул на свои ноги... смотрю, а у меня вместо ног, одетых в ботинки, босые воробьиные лапы, и этими лапами я стою босиком на лавочке, как самый заправский воробей. Я открыл глаза пошире, смотрю, вместо рук у меня крылья. Открыл глаза еще больше, верчу головой, гляжу, сзади торчит хвост. Это что же получается? Получается, что я все-таки превратился в воробья!

Я воробей! Я больше не Баранкин! Я самый настоящий, самый что ни на есть воробейный воробей! Так вот почему мне так вдруг захотелось овса: овес — любимое кушанье воробьев,— все понятно! Нет, не все понятно! Это что же выходит? Значит, и моя мама и Нина Николаевна были правы! Значит, если по-на-сто-я-ще-му захотеть, то можно действительно всего достичь и всего добиться!

Вот это открытие!

О таком открытии стоит, пожалуй, прочирикать на весь двор! Да что на весь двор — на весь город, даже на весь мир!

Я распустил свои крылья! Я выпятил грудь! Я повернулся в сторону Кости Малинина да так и замер с разинутым клювом.

Мой друг Костя Малинин продолжал сидеть на лавочке, как самый обыкновенный человек... Косте Малинину не удалось превратиться в воробья... Вот тебе раз!..

СОБЫТИЕ ДЕСЯТОЕ

ЧТО НА ВОРОБЬИНОМ ЯЗЫКЕ ОЗНАЧАЕТ...

Косте Малинину не удалось превратиться в воробья!

Он пыжился, жмурился, все время ощупывал себя руками, чуть слышно шептал себе под нос: «Вот я! Вот я! Превращаюсь в воробья!» — и все безрезультатно. А еще торопил меня, а еще кричал на весь двор: «Давай скорее превращаться в воробьев! Давай скорее! Давай же!» А сам как был Малининым, так и остался. Только покраснел, как рак, и больше ничего.

— Малинин! — закричал я на Костю.— В чем дело? Почему не превращаешься в воробья?..

Но вместо этих слов из моего рта вылетело обыкновенное воробьиное чириканье: «Чик-чирик! Чьвить-чьвит! Чиу-чиу!»

Повернув голову, Костя посмотрел в мою сторону и с изумлением вытаращил глаза.

— Баранкин! — сказал он.— Это ты, Баранкин?..

— Чио! Чио! Чья! Чья! — ответил я ему по-воробьиному, что означало: «Конечно, я! Не узнаешь, что ли?..».

Убедившись, что я не вру и что я уже действительно не я, а самый настоящий воробей, Малинин покраснел еще больше (наверное, от зависти!) и чуть не расплакался.

— Как же это у тебя получилось? — спросил он, часто моргая глазами.

Я сказал: «Чень-чень-чень! Чик! Чик-чик!..» (Очень просто! Чик-чик — и готово!).

Затем между мною и Костей произошел следующий разговор на разных языках:

КОСТЯ (со слезами на глазах). Значит, превратился! Вот здорово! А почему же я не превратился?

Я. Чирик! Чим-чирим! (Откуда я знаю?) Чирик-чи-чвить-чить! (Наверное, хотел не по-настоящему!)

КОСТЯ. Что ты на меня чвикаешь? Говори по-человечески!

Я. Р-р-рчик! Чуть-чуть-чьвим-чим! (Как же я могу говорить по-человечески, если я воробей?) Чеп-чик! Чи-чи-нип!

КОСТЯ. Еще «чепчиком» обзывает!

А я совсем его и не обзывал «чепчиком». Я ему сказал: «Не падай духом, Малинин! Еще раз попытайся».

Костя стал ругать меня за то, что я, не дожидаясь его, превратился в воробья, но я ему не стал ничего чирикать в ответ. Мне самому тоже было неприятно. Уговаривались вместе превратиться в воробьев — и вот вам, пожалуйста, быть воробьем одному не так интересно, как вдвоем.

Я махнул крылом. Взлетел. Уселся на заборе злой-презлой и повернулся спиной к Косте Малинину. И надо же было, чтобы в эту минуту на улице из-за угла показался на велосипеде Мишка Яковлев! Я схватился крыльями за голову. Все пропало! Теперь Малинин уж ни за что не успеет превратиться в воробья!

— Вот я! Вот я! Превращаюсь в воробья! — донесся до меня снизу голос Кости Малинина.

Не сводя глаз с Мишки Яковлева, я крикнул Косте с забора:

— Чим-чим-чим! Чер-чилим! Чер-чилим! Черес-чур! Черес-чур! (Поздно! Мишка на велосипеде едет! Сейчас он тебя учиться поведет!)

Сам чирикаю и вижу, как Мишка уже въехал во двор, к лавочке подъезжает, на которой сидит несчастный Костя Малинин, то есть не сидит, а должен был сидеть... Я говорю «должен», потому что когда Мишка Яковлев подрулил к лавочке, Кости на скамейке уже не было. Вместо Кости уже стоял на скамейке на полусогнутых лапках воробей, и, судя по всему, этот воробей был не воробей, а бывший Костя Малинин. Значит, пока я переживал и уже ни во что не верил, Костя Малинин взял и тоже превратился в воробья со второй, а может, и с третьей попытки. Впрочем, неважно, с какой попытки, важно, что превратился.

— Костя! — крикнул Мишка, слезая с велосипеда.— Малинин! Ты куда спрятался? Странно! По-моему, я его только что видел на лавочке. Конечно, видел. Вот его учебники и тетради!

Мишка собрал тетради и учебники и, не обращая никакого внимания на сидящего рядом воробья (который был вовсе не воробей, а Костя Малинин — вот смехота!), оглядел весь двор, потом посмотрел на наше окно, из которого показалась голова моей мамы.

— Здравствуй, Миша! — сказала мама.— А где же Юра и Костя?

— А я как раз хотел вас об этом спросить! — сказал Яковлев.— Учебники и лопаты на лавочке лежат, а их нет...



— Че-че-че,— сказал я.— Чуф-чуф-чуф! Чи-чи-чи...

— Вот сорванцы! — сказала мама.— Наверное, на улицу убежали... Ты, Миша, заходи в комнату, они сейчас вернутся!

Мишка положил Костины учебники на седло и скрылся в подъезде, а я слетел с забора на лавочку к Косте Малинину.

— Ир-чик! Ир-чик! Чуть-чуть-чуть! — сказал я Косте. (Молодец Малинин! Превратился все-таки!)

На что мне Костя прочирикал:

— Че-че-че? (Честное слово?)

— Че-че-че,— сказал я.— Чуф-чуф-чуф! Чи-чи-чи! (Честное слово! Открой глаза и увидишь!)

И Костя открыл свои голубые, как у девчонки, глаза... (Глаза у него так и остались голубыми! Воробей с голубыми глазами! Здорово!..) Стоит он на лапках, качается, хвостом сам себе равновесие помогает держать и от удивления прийти в себя никак не может.

А я вытер крылом пот со лба и сказал:

— Ч-уфф! (Все в порядке!)

— Ч-уфф! (Все в порядке!) — сказал Костя Малинин и тоже вытер крылом лоб.

Мы обнялись и, подпрыгивая от радости, закружились по скамейке!

СОБЫТИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

ВСТРЕЧА С БЕСХВОСТЫМ...

— Сейчас наедимся овса,— сказал я Косте Малинину,— и пом-чим-ся! Полетим!

— Куда?

— Можно направо, можно налево. Раз мы с тобой превратились, то нам теперь все можно.— Я поднял крыло, отставил лапку и прочитал с выражением: — «Мы вольные пти-тити-цы! Пора, брат, пора! Туда, где за морем белеет гора!» Одним словом, куда захотим-тим, туда и поле-тим-тим! Вот какая жизнь!

Малинин засмеялся.

— Юр-чи-чик! — сказал он.— В воробья ты превратился, а клюв у тебя остался курносым. Чу-чудеса!

— Врешь!

— Ни-чуть!

— А у тебя глаза голубыми остались, как у девчон-ки! Чеп-чик!

Я спорхнул с лавочки к луже и стал смотреться в воду. Клюв у меня действительно остался курносым, и вообще я весь получился какой-то серый, и

перья у меня топорщились во все стороны, и на лбу торчал хохолок. Костя Малинин выглядел совсем по-другому: у него была нарядная белая грудка с галстуком, сам он весь чистенький, аккуратненький, с приглаженными перышками, как будто он только что из парикмахерской вылетел.

Впрочем, я ничуть не расстроился, я, когда был человеком, тоже не отличался особенной красотой и аккуратностью. Подумаешь, курносый так курносый, взъерошенный так взъерошенный!

Не в этом дело! Дело в том, что я воробей и что теперь мне никто не может испортить моего замечательного воробьиного настроения! А настроение у меня было действительно замечательное! Еще бы! В голове совершенно пусто — ни забот, ни мыслей, ни тревог! И так будет весь день! Целый день-день!

Я напился дождевой воды и ударил крылом по своему отражению, обдав брызгами Костю Малинина, скакавшего по ту сторону лужицы.

— Костю-чок-чок-чок! Ну, как жизнь?

— Замечательная! — чирикнул Малинин, брызгая в меня водой.

— А что я тебе говорил? А ты говорил: превратимся лучше в бабочек. Давай искупаемся!

— Холодно! Давай лучше овес искать. Очень-чень есть хочется.

Найти овес на нашем дворе оказалось делом нелегким. Мне попадались и конопляные зернышки, и арбузные семечки, и семечки обыкновенные, а вот овса не было.

— Ты че-чего дерешься! — услышал я вдруг за спиной Костин голос.— Юр-чик! Он у меня из хвоста перо выдернул! Хулиган какой!

Я оглянулся и увидел, что невдалеке от меня Костю Малинина гоняет по траве здоровенный бесхвостый воробей.

— Я скачу! — затрещал Костя, подбегая вприпрыжку и прячась за мою спину.— Вижу, в траве овес лежит, нагнулся — слышу, у меня из хвоста кто-то перо дергает! Хулиганство какое!

— Ты че-чего к маленьким пристаешь? — спросил я, подскакивая к здоровенному воробью.— Че-чего ты людям выходной день-день портишь?

— Я ни-че-че-го! А че-че-го этот птенчик на мой овес разлетелся? На чу-чу-жой двор заявился да еще распоряжается здесь! Что-то я вас здесь раньше никогда не замечал!

Я хотел по-хорошему объяснить воробью, почему он не мог нас раньше видеть на дворе, но верзила-воробей не стал меня слушать. Он подскочил ко мне и, не говоря ни слова, ударил меня по-воробьиному — крылом в грудь. Ударил. Отскочил. Ноги расставил, крылья для устрашения распустил.

Но я не растерялся. Я тоже распустил крылья веером, хвост трубой, подскочил к верзиле нос к носу да ка-ак дам ему подножку! Обыкновенную человеческую подножку. Конечно, верзила-воробей не знал такого приема, и хотя он был выше меня на целую голову, свалился на траву, как подкошенный. Лежит на лопатках, ноги кверху задрал, и молчит, и больше не задирается. Он думал, наверное, что я ему сейчас взбучку задам. А мне этого воробья почему-то даже жалко стало.

— Эй ты, куцый,— сказал я,— вставай! Лежачего не бьют! Можешь проваливать... Впро-чем-чем, можешь и остаться! Мы тебя сейчас-час угостим овсом. Костя, где овес?

— Здесь, в траве. Вот ов-син-синки и вот ов-син-синки.

Но бесхвостый не стал меня и слушать. Он молча поднялся, отряхнулся и испуганно запрыгал прочь.



Верзила подскочил и ударил меня по-воробьиному — крылом в грудь.

— Чеп-чик! — крикнул ему Малинин вслед, махая хвостом.

— Сам ты чеп-чик! — сказал я Косте, зажимая лапой золотистую овсинку.— Не мог без меня дать сдачи!

Ко мне снова вернулось хорошее настроение. И Костя Малинин опять стал веселый-превеселый.

— А здорово ты его чеб-чеб-чебурахнул! — сказал Костя, выгребая из травы зернышко овса.

У меня даже слюнки потекли от одного вида аппетитных овсинок.

Я поточил клюв о камешек и еще крепче зажал зернышко лапой. Сейчас я эту овсинку раздолблю и съем... Сейчас!

— Кошка! — услышал я за спиной голос Кости Малинина.

Я обернулся.

СОБЫТИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

КОШКА МУСЬКА ХОЧЕТ МЕНЯ СЪЕСТЬ...

Итак, я обернулся... Смотрю, Кости Малинина уже на земле нет, он уже на акации. Привесился к ветке вниз головой, крыльями машет и кричит, как сумасшедший:

— Кошка! Сзади тебя кошка!

Я повернул голову в другую сторону. От мусорного сарая ко мне действительно приближалась чья-то кошка, обыкновенная кошка. Только я никак не мог понять, что было в этом ужасного и почему Костя устраивает такую панику, как будто на дворе появился тигр. Просто псих какой-то этот Малинин! Если бы я знал, что он будет таким нервным воробьем, я бы ни за что с ним не связался.

— Юр-чик! Скорее улетай! — продолжал метаться на ветке Костя Малинин.

Кошка подошла поближе и остановилась. И здесь в незнакомой кошке я узнал любимую мамину кошку Муську. Когда я еще сидел на лавочке как человек, она спрыгнула с подоконника, подошла ко мне и стала тереться о мою ногу, а я ее прогнал, чтобы она не мешала мне думать.

— Здорово, Муська! — чирикнул я.— Чу-чу-чуешь, кто я такой или нет? Ты что, не узнаешь своего хозяина, что ли?.. Да ты не бойся, подойди поближе, я тебя не съем! Это же я! Вот чу-чу-дач-ка! А вон на дереве Костя Малинин!.. Тоже не узнаешь?.. Костя, не бойся, лети сюда! Это наша Муська!

— Ты с ума сошел! — снова затрещал на акации Малинин.— Она же тебя съест!

— Меня? Своего хозяина?.. Это ты с ума сошел! Ты какой-то, Малинин, чу-чу-чумовой!

Не успел я закончить фразу, как сзади на меня обрушилось что-то урчащее, тяжелое и подмяло под себя. «Муська!» — успел подумать я и рванулся изо всех сил в сторону и вверх по направлению к акации, на ветках которой продолжал чокать и трещать Костя Малинин. Я летел, как камень от рогатки. Я чуть не сбил с дерева своего лучшего друга (хорошо, что он удержался!) Тем временем я тоже успел вцепиться в ветку. С ветки акации я взглянул вниз. Муська водила хвостом по траве, продолжая урчать и облизываться.

В воздухе медленно, как рыбки в аквариуме, плавали выдранные из моего бока маленькие перышки.

— Полу-чи-чил! Получи-чил! — продолжал злорадно трещать Костя Малинин.

— Ниче-че-го не понимаю,— чирикнул я.— Такая знакомая кошка... Можно сказать, родная...

— Родная!.. Знакомая!.. Скажи спасибо, что вывернулся...

— Баранкин перед кошками никогда не отступал!

— Храбрый какой! Расчи-чи-рикался: «Иди сюда, я тебя не съем, чу-дач-ка!» Сам чу-чудак! Ты забыл, что ли, что кошки едят воробьев?

— Да нет,— сказал я,— просто я еще не привык к тому, что я воробей!..

— Не привык!.. А почему же я сразу привык? — сказал Костя и добавил: — Вот съела бы тебя твоя родная Муська, что бы я твоей матери сказал?..

Я представил на секунду, что было бы, если бы мне действительно не удалось вырваться из Муськиных лап, и мне стало не по себе. Откровенно говоря, я просто испугался, хотя опасность миновала и бояться было уже нечего, но перья у меня все равно зашевелились и встали дыбом.

— Что это с тобой? — спросил меня Костя Малинин.

— Да так... Жарко! — сказал я, обмахиваясь одним крылом.

Костя опять начал ругать меня, а я взял и сунул голову под крыло, чтобы не слышать больше Костиной руготни, но в это время кто-то ткнул меня чем-то острым в бок...

СОБЫТИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

О ЧЕМ ЧИРИКАЮТ БАБУШКИ...

Я взглянул из-под крыла и увидел сидящего рядом со мной старого облезлого воробья.

— Ты, птен-чик желторотый,— сказал мне старый воробей,— я тут все время за тобой с березы наблюдал... Ты что, вообще дура-чок-чок-чок или только притворяешься?

— А что вам от меня надо?

— Ты не груби старшим.

— Я не грублю. Это у меня такой голос.

Чтобы отвязаться от старика, я снова спрятал голову под крыло, но старик опять пребольно клюнул меня в шею.

— Слушай, когда с тобой разговаривают старшие! Чти взрослых! Чти-чти-чти! Не чуф-чуф... не чуфырься!

— А я и не чу-фырюсь!

— А что это ты тут про кошек чирикал? Какие могут быть у воробья знакомые кошки? Ах вы, птен-птенч-птенчики! И чему только учат вас родители?

Старик закатил глаза и стал чирикать о том, какие в его времена были прилежные и послушные воробьята, какие они все были умные, как они не чуфурылись, а теперь все чуфырятся.

Стоило превращаться в воробьев, чтобы выслушивать эту чепуховую нотацию! Да и у нас по вечерам старухи как усядутся вместе на лавочке, только об этом и чирикают, то есть разговаривают.

— Вы чьи дети? Чьи вы? Чьи вы? — спросил меня старик.

— Ничьи! Ничьи! — сказал я, срываясь с ветки и увлекая за собой Костю Малинина.

— Чуфырься! Не чуфырься! — сказал Костя, работая крыльями.— Чок-чок-чокнутый какой-то!

Мы закружились над нашим двором, выбирая дерево, не занятое воробьями. Хотя я и сам был воробей, но мне почему-то вдруг захотелось держаться от них подальше. Знакомство с бесхвостым и со стариком произвело на меня не совсем приятное впечатление. А больше всего меня расстраивало вот что: с той минуты, как мы превратились с Костей в воробьев, прошло, наверное, уже полчаса, а наша воробьиная жизнь все как-то не налаживалась и вообще все шло совсем не так, как я ожидал. Время идет... Завтра, между прочим, снова в школу... Косте Малинину я, конечно, ничего не сказал. В конце концов впереди еще целый день — жизнь наладится, и все будет хорошо. Главное — не надо отчаиваться и терять надежды.

Покрутившись в воздухе, мы опустились с Костей на дерево, не занятое воробьями.



Венька Смирнов отвратительно щурился. В руках у него была рогатка с оптическим прицелом.

Ветка, на которую мы уселись, выходила на солнечную сторону. Солнце пригревало, как летом.

С удовольствием втянув голову в плечи, я уже собирался спрятать ее под крыло, как вдруг у меня над ухом что-то противно свистнуло. Раздался щелчок. Посыпались листья. Ну что еще такое?.. В чем дело?..

СОБЫТИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

А ДО СМЕРТИ ЧЕТЫРЕ ШАГА...

Возле лавочки, на которой мы еще недавно сидели с Костей Малининым, стоял мой сосед по квартире, белобрысый Венька Смирнов, и отвратительно щурился. В руках у него была рогатка с оптическим прицелом. Рогатку я узнал сразу. Никто лучше меня не делал таких дальнобойных рогаток. Венькину рогатку тоже смастерил я по его личной просьбе.

Венька смотрел на меня в оптический прибор. Я смотрел на Веньку. На Венькином лице было написано: «Не попал!.. А жаль!!.»

Так! Мало того, что меня чуть-чуть не слопала наша кошка. Теперь в меня стреляют из рогатки, сделанной моими же руками.

— Ну, подожди, Венька! — чирикнул я с дерева.— Подожди, белобрысый! Когда я опять превращусь в че-че-ловека, я тебе покажу, как стрелять в меня из рогатки!

Не обращая никакого внимания на мое чириканье, Венька нагнулся и стал искать камень. Мы с Костей переглянулись и, не сговариваясь, одновременно рванули с дерева. Я решил улететь подальше от нашего двора, подальше от кошки Муськи, от белобрысого Веньки с рогаткой, подальше от этих драчливых и негостеприимных воробьев.

Мы пролетели один двор за другим. С высоты нашего птичьего полета оказалось, что в нашем большом городе кошек было гораздо больше, чем я предполагал, когда был человеком. Мальчишек с рогатками тоже было много. Это открытие меня, конечно, расстроило. Из своего небольшого воробьиного опыта я уже успел понять, что любое знакомство с рогаткой или кошкой может окончиться очень плохо для воробья.

Костя Малинин тоже меня стал почему-то ужасно раздражать. Тащится где-то там в хвосте, отстает все время и вообще летит с таким видом, как будто он мне большое одолжение делает.

— Че-че-го ты все время отстаешь! — не вытерпел я и заругался на Костю.— Тянучка противная!

— Я устал!

— Устал!.. Че-че-тыре квартала пролетели, а он уже устал!

— Я не лететь устал. Я устал быть воробьем!

— Подумаешь! Полчаса всего, как воробей, и уже устал! А как же воробьи бывают всю жизнь воробьями!.. Знал бы, не связывался с тобой.

Я высмотрел сверху небольшой сквер с большими и высокими деревьями и спланировал вниз.

— Можешь отдыхать! — сказал я Косте, когда он следом за мной плюхнулся на ветку.

Костя молча приподнял крыло и уже хотел спрятать голову под мышку, но в это время над нами раздался чей-то голос:

— Вот они где, бездельники-сорванцы! Я их посылала за соломой, а они греются на солнце! Хороши сыночки!..



СОБЫТИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

ЧТО БЫВАЕТ, КОГДА СЫНОВЬЯ ОТРЕКАЮТСЯ ОТ СВОЕЙ МАТЕРИ...

Я взглянул вверх и увидел толстую воробьиху, свесившуюся с соседней ветки. Это она назвала нас своими сыночками.

— А почему вы молчите, почему вы ничего не отве-че-че-чаете своей мамочке?

— Ниче-го не понимаю! — шепнул мне Костя.— Почему она называет себя нашей мамочкой?

— А че-че-го тут непонятного? Наверно, она приняла нас за своих птенцов.

— А мы что, похожи?

— Откуда я знаю...

— По-чему вы прячетесь от своей мамо-чки? — продолжала щебетать воробьиха.— Не бойтесь! Летите сюда. Так и быть, я вам ничего не сделаю.

— А может, мы действительно похожи на ее сыновей?

— Может, и дей-стви-тви-тельно!

— Этого еще не хватало! Извините, гражданка! — сказал Костя.— Мы ни от кого не пря-чем-ся, а вас мы вообще видим в первый раз!

— Это что еще за «гражданка»! — заверещала воробьиха.— Воробьи добрые, вы только послушайте, как он называет свою мамо-чку!

Воробьи, сидевшие целой стайкой на соседнем дереве, громко возмутились, а толстая воробьиха так разозлилась, что даже клюнула Костю Малинина в шею.

— Те-тень-ка! — вступился я за своего друга.— Че-че-стное слово, мы не ваши дети. Ну, че-че-стное прече-че-стное!

— Глядите, воробьи добрые, и этот не хо-чет признавать свою ма-мо-чку! — затрещала воробьиха, подскакивая на ветке и взмахивая крылышками.

Воробьи стали ругать нас с Костей еще громче, а наша «мамо-чка» задала нам такую трепку, что из нас с Костей пух полетел, как из подушек... Пришлось нам с Малининым взять свои слова обратно и назвать воробьиху «мамочкой».

— То-то! — мгновенно успокоилась воробьиха.— А теперь, сыночки, летим! Учи-читься вить-вить гнездо!

— Как учи-чи-ться?! — закричали мы с Костей в один голос.

СОБЫТИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

ОКАЗЫВАЕТСЯ, ВОРОБЬИ ВЬЮТ ГНЕЗДА...

(Если не верите мне, воробью, прочитайте рассказ Сетона Томпсона «Уличный певец»)

— Вы что, все позабыли, что ли? — сказала воробьиха.— Вчера ваша мамочка учила вас, как нужно вить-вить гнездо, а сегодня будете вить-вить сами!

— Интересное дело! — чирикнул тихо Костя.— Почему ты мне не сказал, что воробьи тоже учатся!

— А откуда я мог знать?

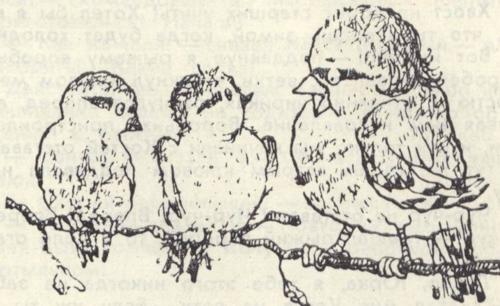
— А за-чем ты говорил, что у воробьев заме-чательная жизнь?

— Это же не я, это Нина Николаевна говорила! Вот привязался!

— В общем, ты как хочешь, а я лично не буду учиться вить-вить гнездо! — громко прочирикал Костя Малинин.

— Кто сказал, что не хо-чет у-читься вить-вить гнездо? — спросила грозно воробьиха, подлетев к нам с Костей.

— Это не он сказал, это я сказал! — чирикнул я, загораживая Костю. Я добавил: — А драться, по-моему, не педагоги-чно!



— Кто сказал, что не хо-чет учиться вить-вить гнездо? — спросила грозно воробьиха.

— Что! Ты где это таких слов нахватался?

Воробьиха изо всех сил клюнула меня в спину и погнала нас вместе с Костей на соседнее дерево, где были заготовлены впрок соломинки, конский волос и другие стройматериалы.

— Зна-чи-чит, гнездо вьется так...— защебетала воробьиха,— в клюв берется соломинка и сворачив-чивается в ко-леч-ко!..

Урок начался.

Мы с Костей, не глядя друг на друга, с отвращением взяли в клюв по соломинке. «Интересно, бывают у воробьев на уроках перемены или нет?..» — подумал я с тоской, сворачивая сухую травинку в колечко так, как учила нас толстая воробьиха.

— За-тем, зна-чит! — продолжала щебетать воробьиха, ловко укладывая соломинку и приминая ее грудью.— За-тем, зна-чит!..

Но что делается «затем», мы так и не узнали, потому что именно в эту минуту к нам свалился с неба прямо на голову толстый рыжий воробей. Ветка, на которой мы сидели, так и закачалась под его тяжестью.

— Папочка прилетел! Чиканька наш! Чика! Чика! Чика! — обрадовалась воробьиха, приседая и раскачивая ветку еще сильней.

Мы раскрыли с Костей от удивления клювы, выронили соломинки и уставились на рыжего воробья Чику, который, по словам толстой воробьихи, приходился нам с Костей родным папочкой...

СОБЫТИЕ СЕМНАДЦАТОЕ

СМЕРТЬ ИЛИ СКВОРЕЧНИК!

— Скорей, сыно-чки! Скорей, воробьятки! — затрещал рыжий воробей, похлопывая себя крыльями по толстым ножкам и бокам.— Стрижи улетают на юг! Освобождается скоречник-чник. Чудесный скворечник!

— Скворечник-чник! — зачирикала радостно воробьиха.— Моя мечта! Меч-та! Меч-та!

— Да-да! Скворечник! Надо только успеть занять. Боюсь, придется подраться! Скорей в путь-путь-путь! Летим-тим-тим!

— Ле-тим-тим-тим! — подхватил я, решив, что уж лучше драться за скворечник, чем учиться вить гнездо.

— А может, и не надо драться... Может, лучше по-учим-чим-ся вить-вить гнездо? — пискнул Костя Малинин.

— Хвост не дорос старших учить! Хотел бы я видеть, что ты запоешь зимой, когда будет холодно!

— Вот именно! — поддакнул я рыжему воробью.

Воробей сорвался с ветки, столкнул крылом меня и Костю и, отчаянно чирикая, рванулся вперед, показывая нам направление. Воробьиха пристроилась сзади, и как только мы начинали с Костей отставать, она тут же своим острым клювом поддавала нам жару.

— Чур-чур не отставать! Чур-чур! Вперед! Вперед! Чур-чур! — трещал рыжий воробей, то и дело оглядываясь.

— Ладно, Юрка, я тебе этого никогда не забуду! — сказал мне Костя на лету.— Если уж ты на всю жизнь решил остаться воробьем, оставайся и дерись за свой скворечник. А я лично не буду. Вот выберу момент и сбегу! Улечу — и все!

— Тише, чудак! Все дело испортишь! Сейчас от этого рыжего все равно подобру-поздорову не отвяжешься! Сбежим по дороге! Жди сигнала! С Баранкиным не пропадешь.

— Не пропадешь? Как же! С тобой как раз того и гляди пропадешь! — простонал Костя Малинин.

И он оказался прав. Мы действительно с ним чуть-чуть не пропали, и все из-за меня. И зачем я только согласился драться за этот скворечник!

Сбежать по дороге нам, конечно, не удалось. Рыжий воробей и воробьиха все время внимательно следили за нами и не давали отстать ни на шаг. Дело оборачивалось хуже, чем я предполагал. Если мы ввяжемся против своего желания в драку, то я-то, может быть, и вывернусь, а уж Косте наверняка несдобровать. Он вообще не приспособлен к драке, тем более с воробьями.

Не успел я подумать об этом, как вдруг совершенно неожиданно рядом послышалось отчаянное чириканье, и мы всей семьей врезались в стаю воробьев, дерущихся в каком-то незнакомом саду за этот самый скворечник, о котором мечтал рыжий воробей Чика.

Я даже не знаю, как это получилось, но мы с Костей внезапно очутились в самой гуще боя, сразу же потеряв из виду рыжего воробья и воробьиху.

Справа, слева, сверху и снизу от нас, отчаянно чирикая, кружились незнакомые воробьи.

Хорошо, что Костя Малинин догадался вцепиться клювом в мой хвост, а то бы мы наверняка потеряли друг друга в этой суматохе.

Тащить Костю на буксире и отбиваться было, конечно, трудновато, но я довольно ловко увертывался от налетавших на меня воробьев, осыпая их всякими угрозами и проклятиями.

Я взмывал вверх, падал на крыло, взлетал свечкой, входил в штопор, и наконец-то на бреющем полете мне удалось выйти из воробьиного окружения.

Костя, увидев, что опасность миновала, отцепился от моего хвоста, и мы вместе что есть духу пустились наутек от этих проклятых воробьев.

— Бей их чем-чем-чем попало! — раздались вдруг за нашими спинами воробьиные голоса.



Мы с Костей внезапно очутились в самой гуще боя.

Я оглянулся и увидел, как от дерущихся отделились четыре воробья и сыпанули за нами вслед...

СОБЫТИЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ

КОСТЯ МАЛИНИН «НАЧИРИКАЛСЯ»...

— Кон-чится это когда-нибудь или нет? — простонал Малинин, прибавляя ходу.

— Вот эти громче всех чи-рикали! — крикнул кто-то сзади.

Преследующие нас воробьи стали заходить в хвост.

— Ребята! Да ч-то вы! Мы же только чири-кали! — оправдывался я на лету.

— За-чем-чем прилетели?

— Ни за чем. Так просто — посмотреть!

— Посмотреть? Вот мы сей-час вам покажем!..

Воробьи стали нагонять нас, и, вероятней всего, они задали бы нам такую взбучку, после которой от нас с Малининым не осталось бы ни пуха ни пера, если бы я не изобрел на лету один остроумный боевой прием: выбрав удобный момент, я подпустил преследователей к себе поближе, потом совершенно неожиданно перевернулся в воздухе на спину и лягнул одного из наседавших на меня во-

робьев ногами. Воробей отлетел в сторону и шмякнулся о забор.

Я лягнул другого — и другой отлетел. Так я летел и брыкался до тех пор, пока не разбросал в разные стороны всех преследователей. Противники опешили, совершенно растерялись и стали отставать.

Пользуясь замешательством воробьев, мы скрылись за деревьями и в изнеможении свалились на первую попавшуюся крышу. От меня валил пар, а сердце прыгало, как крышка на кипящем чайнике.

— Кончено! — сказал Костя, еле переводя дух.— Ты как хочешь, а я ли-чно на-чи-рикался! Все!

Малинин стукнул клювом по крыше и стал из последних сил ругать меня за то, что я все ему наврал про жизнь воробьев.

— А еще целый месяц наблюдал за ними...— сказал Малинин.— У них жизнь без хлопот!

— А что я, виноват,— сказал я,— если мне так показалось!

А Костя Малинин сказал:

— Я говорил, что нам надо было сразу в бабочек превратиться. Бабочки и гнезд не вьют, и кошки их не едят, и питаются они не овсом, а сладким нектаром. Ох, и вкусная, наверное, штука!..

Я промолчал. В бабочках Костя Малинин, конечно, гораздо лучше меня разбирался. У него одно время была их целая коллекция, только он ее променял на марки. Костя даже знал, как зовут каждую бабочку и из какого она семейства. Вероятно, Костя был прав и нам действительно следовало сразу же превратиться в бабочек. Заманчиво, конечно, целый день порхать с цветка на цветок и все время есть сладкое...

— Ты долго мне будешь вопросы задавать? Вон уже кошки появились! — заорал на меня как очумелый Костя Малинин.

Я думал, он меня разыгрывает,— смотрю, а из чердачного окна действительно вылезли три кошки, перемазанные углем, и уставились на нас с Костей. Две из них мне были совершенно незнакомы, а третья была наша Муська. (Видно, она все-таки решила меня съесть.) Рассуждать было некогда.

— К перепревращению в бабочек приготовились! — скомандовал я лихорадочным шепотом.— Приготовились! Начали!

— Как на-чали! — сказал Костя Малинин.— А чего говорить!.. Какие слова?..

Действительно, я совсем забыл, что мое старое заклинание совсем не годится для нового превращения в бабочек.

— Сейчас! — сказал я.— Сейчас! Сейчас переделаю...

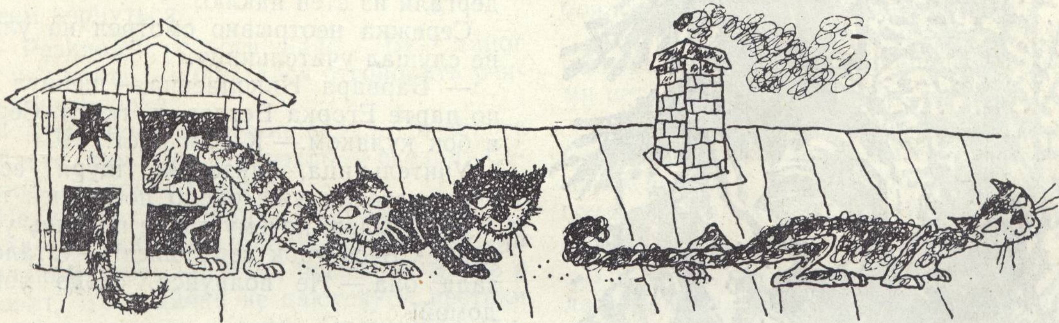
— Скорей переделывай! — заорал Костя.

— Готово! — сказал я.— Повторяй за мной!.. Не хочу быть воробьем! Хочу быть бабочкой!.. То есть мотыльком!

Я уверен, без забот
Мотылек живет!
Вот я! Вот я!
Превращаюсь в мотылька!..

— Нескладно получается! — сказал Костя, глядя в ужасе на приближающихся кошек.

— Вот очутишься в животе у кошки,— сказал я,— тогда складно получится! Повторяй скорее!..



Из чердачного окна вылезли три кошки, перемазанные углем...

И все же, прежде чем начать превращаться в бабочек, я хотел расспросить Костю поподробнее об их жизни... А то как бы нам не напороться во второй раз!..

— А помнишь, нам Нина Николаевна рассказывала,— сказал я,— что бабочки опыляют цветки...

— Ну и пусть опыляют себе! — сказал Костя.— А мы не будем! Дураков нет!

Несмотря на то, что в Костином ответе была своя железная логика, я все-таки решил задать ему еще один вопрос.

И Костя Малинин, закрыв от страха глаза, стал сыпать скороговоркой слова моего нескладного волшебного заклинания, обгоняя меня на каждом слове:

Я уверен, без забот
Мотылек живет!..

«Только бы успеть! — подумал я.— Только бы успеть превратиться до того, как нас сцапают кошки!..» Это была последняя мысль, мелькнувшая в моей воробьиной голове...

(Продолжение в следующем номере.)

Фамильный чай

Владимир СТЕПАНЕНКО

Рисунки И. Кузнецова.



Как всегда по субботам, Сережка с самого утра был возбужден. Каждый урок казался ему вечностью. Он томился и не мог дождаться, когда пойдет на лесной кордон, увидит маленького братишку Васю, сестренку Настю, мать и отца. Скучал он и по своей рыжей лайке Тайге.

Ни мороз, ни пурга, ни проливной дождь еще никогда не задерживали Сережку.

За пыльными стеклами светило весеннее солнце. Оно припекало Сережке спину и плечо, пока он не догадался сползти на край парты. На карнизах ошалело чирикали воробьи. Стучали по бревнам и деловито дергали из стен паклю.

Сережка неотрывно смотрел на улицу и не слушал учительницу.

— Варвара Николаевна,— шепнул сосед по парте Егорка Ветров и ткнул Сережку в бок кулаком.— К нам идет!

Учительница, близоруко щуря светлые глаза, стояла уже около последней парты.

— Крылов, почему ты не пишешь упражнение? Весь урок вертишься! — устало сказала она.— Не волнуйся, скоро пойдешь домой!

— Пойду! — Сережка улыбнулся щербатым ртом и сморщил нос. По его широкому лицу запрыгали звездочки веснушек.

Мальчик пододвинул к себе тетрадь, но писать не мог: буквы плясали перед глазами. Он поднял голову. Учительница смотрела на него и терпеливо ждала.

Сережка тяжело вздохнул и обмакнул в чернильницу перо. Старательно провел две черточки — перенос. Стоило только дорисовать поверх них кружок, и получился бы настоящий жук. Он уже собирался приделать жуку глазки, когда услышал слабый удар гайки по звонку.

Этот звук родился в конце длинного коридора, где около горячей печки всегда дремала сторожиха Марья.

Сережка выкинул из ящика парты свои книги и поспешно затянул их узким брючным ремнем.

— Крылов, у нас урок.

— Звонок, Варвара Николаевна.

— Я не слышала.

— Марья звонила.

И как бы в подтверждение Сережкиной правоты, Марья не спеша двинулась по коридору к пятому классу, потрясая большим медным звонком.

— Что мне с тобой делать, Крылов? Двойка по математике. Не написал упражнения. Пестика от тычинки не можешь отличить. Смотри, как бы не остаться тебе на второй год! Надо поговорить с твоим отцом... Крылов! Ты опять смотришь в окно! Что там такое?

— Воробьи паклю таскают.

— Когда отец придет в деревню?

— Не говорил.

— Хорошо, я сама пойду на кордон. Отец, наверное, не знает, как ты учишься!

— К нам далеко, Варвара Николаевна, десять километров, а то и поболе будет...

— Знаю. Все равно пойду.— Учительница внимательно осмотрела своих учеников.— Ветров, проводишь меня на кордон? Сегодня после уроков и пойдем. К вечеру успеем вернуться.

— Резиновые сапоги надо... Без сапог вам не пройти,— попытался отговорить учительницу Егорка.

— А ты через болото не веди... По дороге пройдете, там уже просохло,— сказал Сережка.— Я точно говорю!

«Не пойдет Варвара Николаевна,— подумал он, выбежав одним из первых на школьный двор.— Только пугает. И разве я виноват, что задачки не даются? А пестики да тычинки-то эти выучу!.. Подумаешь, диво какое!..»

Сережка несся во всю прыть, большими кирзовыми сапогами разбивая лужи. В лужах отражалось синее небо и белые кучевые облака. Под ударами тяжелых сапог изображение кололось, и тысячи ослепительных брызг яркой радугой вспыхивали на солнце.

Сережка стоял на постое у школьной сторожихи Марьи. Еще осенью по хорошей дороге отец привез ей два воза березовых дров — за сына.

В избе мальчик свернул пустой мешок, в котором приносил с кордона картошку. Достал ведро из-под кислой капусты. Смял кусок хлебного мякиша и заклеил им чернильницу-невыливайку, чтобы зря не высыхали чернила.

Пока он собирался, солнце немного присело и заглянуло в маленькие окошки избы. Темные бревенчатые стены высветились и сразу заблестели, как вымытые.

Дверь хлопнула, и в избу вошла Марья. От ее черного ситцевого фартука пахло мелом.

— Собрался уже! Слышал: идет Варвара Николаевна на тебя отцу жаловаться? — деловито сообщила Марья.— Всыпет он тебе, ироду, по первое число. Помяни мое слово. Взял моду уроки не делать! Разве трудно тебе? Дело бы какое было, а то какого-то цветка не знаешь! Да ты сколько за лето разных цветков в лесу перетопчешь!

— Пугает! Не пойдет Варвара Николаевна.

— Далеко на кордон идти, а ты и рад!.. Щей похлебай. Куда голодный пойдешь!

— Не хочу.— Сережка отломил корку хлеба и запихал в рот. Обернулся и сунул в карман оставшийся на столе кусок.— Я пошел!

Сережка бегом пробежал всю деревенскую улицу. И хотя он был большой любитель кинофильмов, не остановился даже около колхозного клуба почитать афишу: боялся встретить учительницу.

У околицы он последний раз оглянулся на деревню, на избы, стоявшие за дуплистыми ветлами и березами.

Учительницы с Егоркой не было видно. Сережка успокоился и замедлил шаги. Скоро он вошел в лес и глубоко вздохнул всей грудью. Воздух был густой, настоянный на запахе смолы.

Тропинка, по которой шел мальчик, была засыпана хвоей, перевита толстыми, причудливыми корнями. Дойдя до высокой густой ели, Сережка остановился и складнем срезал тонкую веточку. Нож он смастерил сам: Лезвие выпилил из старой косы, а ручку выстрогал из корня вишни. Если ручку складня сильно потереть о ладонь, то рука долго пахнет свежими ягодами.

Мальчик аккуратно надрезал на веточке кору и снял ее. Потом острым концом ножа высек дырочку, вставил пробку. Надул круглые щеки и посвистел. Вабик вышел удачный, и он очень этому обрадовался.

— Фю-ю, фю-ю, фю-ю!

Сережка перешел просеку и оказался в темном, глухом лесу. Высокие толстые стволы деревьев были затянуты зеленым мохом. Мальчик отыскал пень и уселся. Несколько

раз осторожно свистнул. Но лес угрюмо молчал.

— Фю-ю, фю-ю, фю-ю!

Он знал, что недалеко от просеки постоянно держится пара рябчиков.

Прошло несколько томительных минут, прежде чем раздался ответный свист и вслед за этим в высокую ель ткнулся рябчик. Птица мелькнула серыми пестринами коротких крыльев.

Сережке захотелось выманить и второго рябчика. Он заполз в густой куст лещины и принялся еще старательнее насвистывать.

Рябчик заставил себя подождать. Но Сережка сумел перехитрить его. Запомнив место, где села птица, он снова отправился в путь.

Неожиданно из-под ног выскочила полевка. Мальчик упал в траву и ловко накрыл мышонка ладошкой. Полевка заскребла по ладони острыми коготками. Сережке стало щекотно, и он разжал пальцы. Мышонок прыгнул и пропал в траве.

— Шустрый! — Сережка громко засмеялся.

Скоро он вышел к обгорелой сосне. Жарким июльским днем молния отбила ее кудрявую макушку и расколола пополам ствол. В ветреные дни сосна раскачивалась, половинки терлись одна о другую и скрипели. Сережка долго не мог забыть, как однажды, возвращаясь из школы домой, он испугался скрипа и в страхе бежал через лес.

От сгоревшей сосны до лесного кордона было уже не так далеко.

Чтобы сократить дорогу, Сережка двинулся через болото. Среди мочажин, заросших клюквой и росянкой, чавкала черная торфяная вода.

«Здесь и к осени не просохнет»,— подумал Сережка. Он вставил в рот два пальца и пронзительно засвистел. Эхо охотно подхватило свист и понесло вперед по рощам, просекам и оврагам. Не успело еще эхо последний раз отозваться где-то вдали, как мальчик засвистел снова.

Из кустов вдруг вывалилась остроухая рыжая лайка и, радостно повизгивая, кинулась мальчику на грудь. Горячим языком лизнула его по лицу.

— Тайга! Таежка! Прибежала встречать! Скучала без меня? — Сережка обнял собаку.— Помнишь, мы с тобой прошлый раз рябчиков в ельнике нашли? Я их сегодня выманил. Парой так и держатся!

Собака потянула острым носом и ткнулась мальчику в куртку.

— Это я дорогой полевку поймал,— объяснил Сережка.— Испугалась меня и от страха обрызгала!

Тайга смотрела такими преданными и влюбленными глазами на своего хозяина, что мальчик не удержался и рассказал ей, что учительница поставила ему сегодня двойку.

— Варвара Николаевна хочет бате пожаловаться,— сказал Сережка со вздохом.— Егорка поведет ее к нам на кордон!

Пальцы Сережки нащупали в густой шерсти прошлогодние колючки татарника. Он вытащил их и сказал:

— Берегом бежала. Это ты молодец, что татарник обсеиваешь. Зимой щеглам будет корм. А по лугу тебе бегать незачем. Одуванчики — никудышное растение. Корова наестся, молоко будет горчить.

Тайга махала баранкой хвоста, как будто во всем соглашалась со своим хозяином.

— Понимаешь ведь, а часто не слушаешься меня! Пошли!

Среди травы Сережка легко заметил широколистую сныть и медуницу.

— Здесь зря не бегай! — поучал он собаку.— Сныть и медуница своими листочками дубки от солнца укрывают. Это ты запомни!

Тропинка устремилась вниз, и мальчик заскользил подошвами сапог по размокшей глине.

С горы открылась речка. Она причудливо петляла среди зарослей малины и частухи. Даже в самый яркий, солнечный день, когда ослепительно вспыхивала перемытая галька, глухие бочажки трудно было увидеть в тени высоких деревьев. Тайга бросилась вперед и спугнула с кочки куличка-перевозчика. Птица испуганно цыкнула и улетела.

Переходя по слегам через речку, Сережка опустился на колени и посмотрел в воду. На светлом песке течение катало маленькую черную веточку. Мальчик узнал ручейника и достал его из воды.

«Васе подарю,— ласково подумал он, опуская ручейника в маленький пузырек.— Вот удивится, когда этот домик разломает!.. Только ведь и Насте надо подарить что-нибудь!»

Пока Сережка сосредоточенно морщил лоб, раздумывая, что принести сестренке, под берегом, в тихой заводинке, полузатянутой ряской, вынырнул на поверхность воды черный жук-плавунец. Мальчик осторожно подполз. Когда жук выскочил во второй раз, Сережка ловко поддел его кепкой.

Плавунец завертелся по круглому донышку кепки. Но вода скоро вытекла, и жук лег светлым брюшком на подкладку, беспомощно раскинув по сторонам плавники.

Сережка набрал в пузырек воды и пустил туда пойманного жука.

Неожиданно около затонувшей коряги раздался тяжелый всплеск, и из воды, мелькнув серебряной спинкой, выскочила плотва.

Сережка резко обернулся.

— Тайга, видела? Щука! — шепнул он и осторожно стал пятиться от воды.— Ложись!

Собака припала к земле и поползла на брюхе.

Сережка быстро вырезал складнем ореховую палку. Порывшись в кармане, нашел ряски. На быри вспыхивали солнечные зайчики и слепили глаза.

Мальчик долго всматривался в воду, прижавшись к шершавой коре ивы. Солнце разморило его, и он заснул. Сон был короткий. Когда Сережка открыл глаза, он долго не мог понять, зачем взобрался на дерево, что надумал делать. И, только увидев ореховую палку, все вспомнил. Снова принялся он неотрывно вглядываться в воду. Рядом с корягой на быстром течении качались острые листья рдеста. И вдруг он увидел плавник рыбы. В первый момент он даже испугался: таких больших щук ему еще никогда не приходилось видеть. У Сережки враз сперло дыхание и затряслись руки.

Наконец он нашел в себе силы и с величайшей осторожностью выдвинул палку. На



дощечку с толстой леской. Через секунду леска была уже привязана к палке и на конце ее сделана большая петля.

Сережка по стволу вскарабкался на толстую иву. Она стояла над самой водой. Тайга прыгнула за Сережкой на дерево, но когти соскользнули, и собака сорвалась.

— Лежать! — Сережка перевесился и посмотрел в воду. Сверху ему было хорошо видно корягу, песчаное дно, широкое поле воду между ломаным отражением ветвей легла новая тень. Щука палку не заметила и продолжала стоять на своем месте. Мальчик облегченно вздохнул и медленно начал топить леску. Прошла, наверное, целая вечность, прежде чем леска дошла до огромной головы рыбы. Сережка почти не дышал и медленно подводил палку к плавнику.

Петля благополучно прошла плавник, но он не мог этому даже поверить. Ему пока-

залось, что он надел свою петлю на корягу, которую по ошибке принял за рыбу. Сережка сделал резкий рывок, и из воды вылетела огромная зубастая щука. Перехваченная крепкой петлей, она яростно щелкала пастью.

Сережка собрался с силами и, перегнувшись, швырнул щуку на берег. Но тут же потерял равновесие и полетел с дерева в воду.

Бочаг был неглубокий, и мальчик сразу же достал ногами дно. Но вода оказалась ледяной. У него перехватило дыхание. Он заколотил изо всей силы руками по воде, чтобы скорей выбраться.

Тайга прыгнула на щуку и, придавив ее своими крепкими лапами к земле, яростно залаяла.

— Держать, Тайга! — крикнул Сережка и неожиданно наткнулся грудью на протянутую под водой веревку.

Веревка тряслась, и были слышны удары зажабренной рыбы. Мальчик опустил руку и нащупал полотно капроновой сети. Он попробовал ее вытащить, но не смог даже сдвинуть с места. «Много рыбы набилось,— подумал он.— Не по закону на плотву сеть стоит. Кто это браконьерством стал заниматься?»

Выбравшись на берег, Сережка подбежал к щуке.

— Ну и здо-ро-ва-я! — удивленно протянул он, радуясь своей удаче. Он подхватил с земли палку и поднял щуку.— Кило пять-шесть! Не меньше!

Он тут же представил себе, как его встретят дома. Сначала он отдаст Васе ручейника, подарит Насте жука-плавунца. Потом, когда улягутся восторги ребят, скажет, что поймал щуку. Втащит ее в избу. Вот будет крику! Сколько он помнит, даже отцу не удавалось еще ловить таких больших щук.

Неожиданно мальчик снова вспомнил про сеть. Занявшись щукой, он на некоторое время совсем забыл о ней. Кто же ее здесь поставил? И так ловко замаскировал! Он стал перебирать одного за другим всех деревенских рыболовов, которых не один раз встречал на реке.

Заподозрить и обвинить кого-нибудь из них он не смел. «Удочкой лови, если хочешь, но зачем сеть ставить? В икромет сколько рыбы сразу погубит!»

Сидеть без одежды было холодно, и мальчик достал из кармана брюк спички. Хорошо, что отец научил его завертывать в клеенку коробок, как делают все настоящие охотники. Сережка надрал березовой коры и быстро развел теплину. Воткнул палки и развесил на них сушиться свои штаны, куртку, сапоги и портянки.

Чтобы скорей согреться, начал бегать взад и вперед.

В кустах, неподалеку от берега, Сережка нашел банку из-под консервов.

— Тушенку лопал! — громко сказал он, чувствуя, что, проголодавшись, начинает еще больше ненавидеть браконьера.

Сережка оттер банку песком, налил в нее воды и поставил на горячие угли. Он мог бы вскипятить воду в ведре, но не хотел его коптить.

Собака заскулила.

— Что, Тайга? Есть хочешь? А думаешь, я не хочу? — Сережка подумал, что зря отказался от щей.— Вот обсушусь и пойдем домой. Постой! А ведь нам нельзя уходить. Ты забыла про сеть?

Тайга замахала баранкой хвоста.

— Помнишь? Ты умная у меня.— Сережка достал размокший кусок хлеба и разделил пополам.— Ешь. Больше у нас нет ничего!

Время тянулось удивительно медленно. Сережка переворачивал свои вещи. Надев подсохшие трусы, он то отходил от теплины, то снова возвращался к горящему хворосту. Сорвал цветок калужницы. Обрывая желтые лепестки, увидел маленькую палочку. Она была точно такой же, как и на модели цветка в школе.

— Пестик! — удивленно протянул Сережка, не понимая, почему такое простое слово он так долго не мог запомнить.— Пестик, а это тычинки! — Стало стыдно, и он даже покраснел. Ведь из-за него учительница пойдет на кордон.

Тайга злобно залаяла. Так лаяла она на чужих.

— Лежать! — Сережка схватил собаку за ошейник. Неужели браконьер? Или это Варвара Николаевна с Ветровым?

Послышался хруст веток.

— Егор-ка-а! Иди сюда! — крикнул Сережка.

К теплине вышла учительница. Она щурила светлые близорукие глаза.

— Собака не кусается? Что с тобой случилось, Крылов?

— Упал с ивы.— Сережка головой кивнул на дерево.— Я щуку поймал. Здоро-вая! — Он широко растопырил руки.— Не верите? Сами посмотрите!.. А где Егорка?

— Не смог он пойти со мной.— Варвара Николаевна деловито ощупала Сережкину одежду.— Одевайся. Уже все подсохло.

Пойдем в деревню. У меня порошки есть от простуды.

— Не пойду!

— Почему?

— Надо дежурить. В речке сеть стоит.

— Когда поставил?

— Я сетью не ловлю,— обиделся мальчик.— Поставил ее браконьер.

— Потом придешь.

Сережка отрицательно затряс головой.

Учительница удивленно разглядывала большеголового мальчугана с веснушчатым лицом, со слипшимися, мокрыми волосами.

— Я останусь с тобой.— Варвара Николаевна нагнулась и подняла оборванный цветок калужницы.

— Да нет, вы идите. Говорил я Егорке, чтобы другую дорогу показал! Смотрите, ноги-то мокрые. Сапоги надо было надеть. Зря не послушались... Кладку перейдете, а там уже до нашего кордона недалеко будет.

— Не пойду я никуда!

— Ладно, оставайтесь. Тогда давайте чай пить! — сказал Сережка и, развязывая мешок, загремел ведром. Нашел куст смородины и наломал веточек.

— Крылов, зачем ты ломаешь куст?

— Заварка будет. Не фамильный, конечно, чай, а все равно вкусный. Можно еще иван-чаем заварить или малиной. Но их надо летом собирать.

Скоро вода в ведре закипела. Духовито потянуло смородиной.

Сережка зачерпнул консервной банкой кипяток и протянул учительнице.

— Вкусно! — сказала Варвара Николаевна и подула на горячую банку.

— Попьете и пойдете к нам. В избе согреетесь. Мать малиновой заваркой вас напоит. Малина сразу всю ломоту выгонит. Долго ли простудиться! — Сережка собрал портянки, снял свои кирзовые сапоги с палок.— Обувайтесь, Варвара Николаевна.

— А ты как же будешь?

— Я привыкший! — Сережка подтащил к теплине толстую ветку березы, удобно уселся и поставил босые ноги на ветку.— Отцу скажите, пусть идет сюда. Мне с браконьером не справиться. Отец успеет. На плохое дело днем не ходят!

От темного ельника уже медленно надвигались сумерки.

— Гу-гу-гу-гу-ить! — прокричала где-то недалеко утробным голосом птица. Учительница вздрогнула и испуганно подалась ближе к теплине.

— Не бойтесь! — успокоил Сережка.— Это кричит серая сова. А волков здесь нет. Батя говорит, что логово их в Гнилом овраге.

— Ну, я пойду, позову отца.— Учительница надела большие кирзовые сапоги.— Тебе не страшно?

— А чего?

Варвара Николаевна перешла по кладкам через речку и скрылась в лесу. Прямая дорога по старой гари скоро вывела ее к лесному кордону.

Сережкина мать еще издали узнала новую учительницу. Она всплеснула руками и спросила:

— Что мой супостат натворил? Боится, небось,— еще домой не приходил!

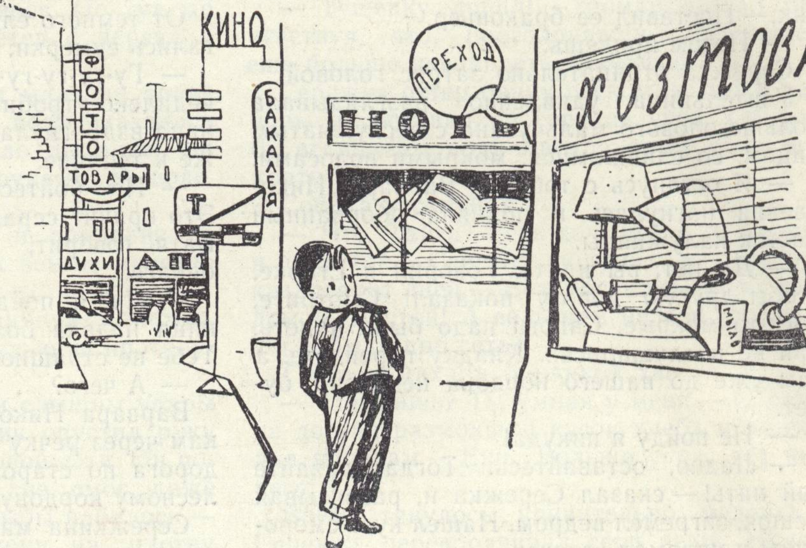
— Напрасно вы на него нападаете,— сказала Варвара Николаевна.— Он у вас хороший. Очень хороший... Надо, чтобы отец пошел к Сереже. Он на речке, остался сеть караулить.

— Опять браконьер появился! — с сердцем сказала мать.— Надо с ними бороться, а то всю рыбу изведут. А я уж думала, что вы жаловаться пришли. Сережка бедовый у нас! Сейчас муж пойдет... Да вы чего стоите? Входите в избу. Чай будем пить.— Женщина приветливо улыбнулась учительнице.— Спасибо, что к нам пришли. Вот и посмотрите, как мы в лесу живем!

Глеб ГОРБОВСКИЙ

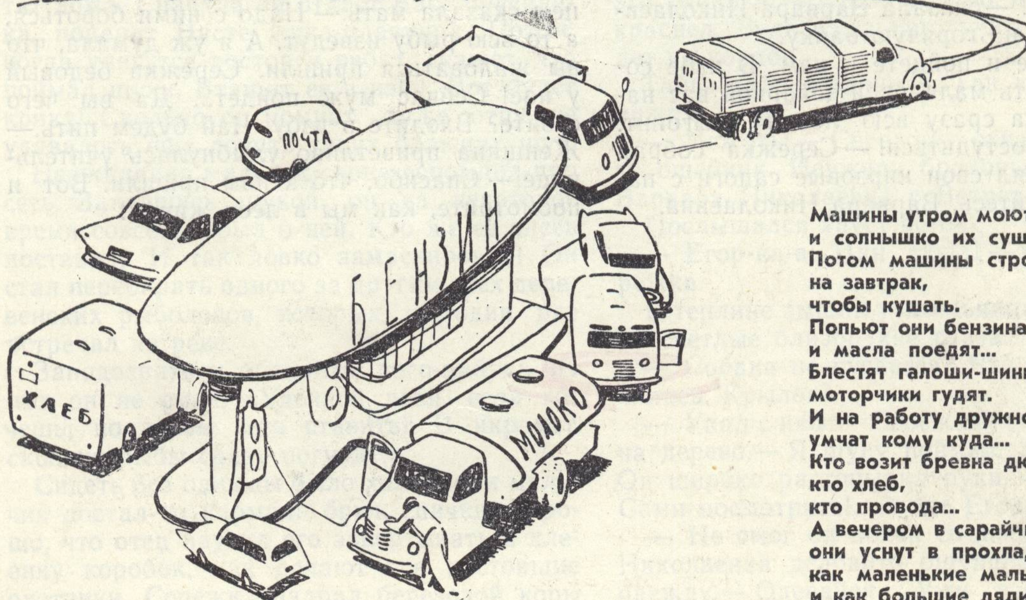
Рисунки Е. Медведева.

ГОРОДСКИЕ ВЫВЕСКИ



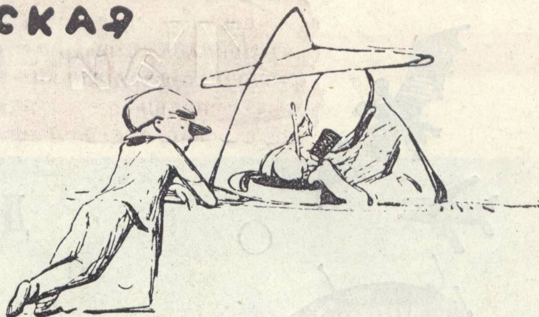
Ты идешь по тротуару,
ты глядишь по сторонам.
Ты читаешь:
«Хозтовары» —
утюги
и мыло там.
Ярко буквами белея,
чуть левее — «Бакалея»,—
чечевица там, рожки
и мука на пирожки.
А под вывеской «Меха»
на витрине спит доха.
Ты идешь по тротуару,
ты читаешь, как стихи:
«Канцелярские товары»,
«Ноты», «Галстуки», «Духи».
Для тебя прогулка эта
интересна, как газета.
Стали улицы-кварталы
для тебя
читальным залом.

ГАРАЖ



Машины утром моются,
и солнышко их сушит.
Потом машины строятся
на завтрак,
чтобы кушать.
Попьют они бензина
и масла поедят...
Блестят галоши-шины,
моторчики гудят.
И на работу дружно
умчат кому куда...
Кто возит бревна дюжие,
кто хлеб,
кто провода...
А вечером в сарайчике
они уснут в прохладе,
как маленькие мальчики
и как большие дяди...

ЧАСОВАЯ МАСТЕРСКАЯ



Мастер строго смотрит
в лупу:
«Значит, ваш будильник врет!
Что попало мелет, глупый!
Мы ему залезем в рот...
Маятник — язык беспутный,
мы ему убавим прыть.
Людям надо поминутно
только
правду
говорить».

ПАРИКМАХЕРСКАЯ



У Андрея воз волос,
Клим, как дерево, оброс,
Дима челкой недоволен...
Парикмахер поневоле,
по вине чужих волос,
за работой
сам оброс.

ФОТОГРАФИЯ



Все в порядке: брови, уши,
нет у девочки веснушек.
Только носик,
как назло,
снизу кверху занесло!
«Милый дяденька фотограф,
ты, наверно, очень добрый —
переделай носик мой
из курносого в прямой...»

РЫБА





Лежит налим,
как палка.
Его, конечно, жалко.
Лежит лобастая кефаль.
Ее, конечно, тоже жаль.
Разрежут рыбу,
раскроят.
Поджарят рыбу
и съедят.
...Конечно, это грустно...
Но до чего же вкусно!

Тайны раскрытые и нераскрытые



Древнейшие мореплаватели

Ю. РЕШЕТОВ

В любой книге по истории географических открытий и по древней истории можно прочесть, что древнейшими мореплавателями были финикияне и народы, населявшие острова Эгейского моря. Финикияне около четырех тысяч лет назад достигли «Столбов Мелькарта» — современного Гибралтарского пролива — и вышли в Атлантический океан.

Но еще более древними мореплавателями были индийцы. Более пяти тысяч лет назад в долине реки Инд уже существовали настоящие города. Развалины этих городов сохранились до нашего времени. Археологи нашли там изображения парусных кораблей.



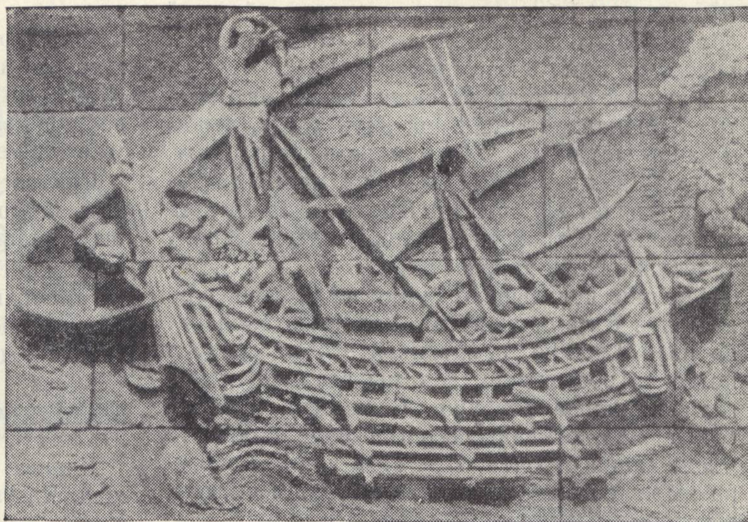
На таких кораблях жители долины Инда достигли Персидского залива и основали там на Бахрейнских островах колонии, остатки которых обнаружены при археологических раскопках несколько лет назад.

Есть и другие свидетельства, что индийцы умели строить большие корабли.

Когда три тысячи лет назад в долину Инда и Ганга вторглись орды кочевников, древние индийцы в войнах за свою независимость использовали и флот. В одном из славословий завоевателей своему богу Индре говорится: «Горе мне, Кришна собрал 200 кораблей с 40 000 воинов...» Если разделить количество воинов на количество кораблей, то получится, что каждый корабль вмещал 200 человек.

Древние индийцы, по-видимому, не только достигли Тихого океана, но и плавали вдоль восточного побережья Азии далеко на север, так как еще за несколько сот лет до нашей эры они знали, что «на севере полгода длится день, а полгода — ночь». Это могли знать только те, кто бывал в районах, близ-

ких к полярному кругу. Поэтому ничего нет удивительного, что около двух с половиной тысяч лет назад в индийском произведении «Атарейя Брахмана» было сказано: «Солнце не заходит и не восходит. Когда люди думают, что солнце заходит, оно лишь меняет свое местоположение и в конце дня порождает под собой ночь, а день — для того, что есть на другой стороне Земли. Когда же люди думают, что оно утром встает, оно после того, как ночь закончилась, лишь перемещается, порождая день под собой, а ночь — для того, что есть на другой стороне. В действительности оно вообще никогда не заходит». Иными словами, гораздо раньше других народов индийцы сделали вывод о шарообразной форме Земли.



На таких кораблях древние индийцы совершали путешествия в Индонезию.

Кроме того, они первыми высказали предположение, что земной шар вращается.

Как машина учится

Е. РУБЦОВА

Вы, наверно, читали о машинах, которые решают сложные уравнения, о машинах, ведущих расчеты инженерных сооружений, о машинах, проектирующих машины, управляющих космическим кораблем и атомным реактором, о машинах — диспетчерах, контролерах, переводчиках?.. Но даже самые совершенные вычислительные машины нашего времени, при всей их сложности, несравнимо грубее и примитивнее удивительной «живой машины» — нашего мозга.

Инженеры-кибернетики продолжают ставить опыты с электронно-вычислительными машинами, копируя те или иные процессы работы мозга, все более сложные. Об этих опытах мы рассказываем здесь.

МАШИНА УЧИТСЯ ВИДЕТЬ

Фотоаппарат устроен, как наш глаз. В нем, как и в глазу, четко и ясно получается изображение предмета. Но... сам фотоаппарат ничего не знает об этом. Сведения об изображенном предмете никуда дальше не поступают из фотоаппарата. А из глаза они по нерву идут в мозг. И только когда в мозгу произойдет анализ этих сведений, мы узнаем, что за предмет уловил наш глаз. Значит, в общем-то видит мозг?

Ну, а каким способом происходит в мозгу анализ изображения? Ведь мы легко отличаем стол от других предметов и в то же время, какой бы стол нам ни попался на глаза — кухонный, письменный, обеденный, чертежный, — мы безошибочно узнаем, что это именно стол. Какие бы нам ни встретились дома, наш мозг при всем несходстве этих сооружений сразу определяет, что это дома.

А машина? Можно ли добиться, чтобы она тоже воспринимала и распознавала образы? Ведь ученые еще не выяснили в точности, как происходит в мозгу работа по «узнаванию» предметов, каковы «узнающие устройства»

мозга. Но зато известно, что у человека **постепенно** складывается в мозгу образ стола, образ дома, образ книги, и в каждый такой образ входит представление о самых разных виденных нами столах, книгах.

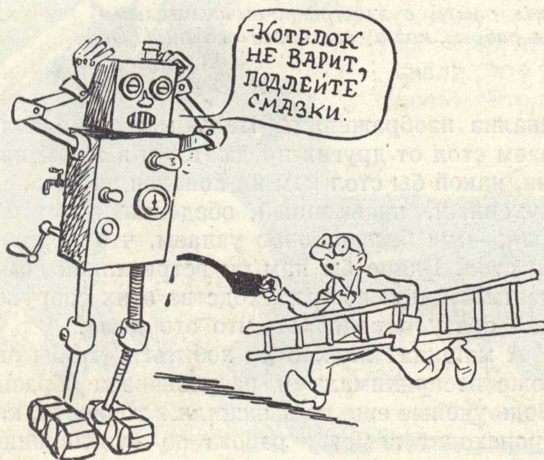
Научные сотрудники вычислительного центра Украинской Академии наук хотят, чтобы машина тоже научилась видеть по-нашему. Но ведь для этого, кроме мозга, машине нужно и зрение? Ну что ж! Вместо глаз ей приспособили устройство, подобное иконоскопу телевизионного передатчика.

Машине показывают букву «А». Электронный луч с молниеносной скоростью скользит по изображению, осматривая его не сразу в целом, а постепенно, как мы глазами пробегаем книжные строчки. В памяти машины буква «А» откладывается в виде большого числа таких строчек. При этом каждая строчка выражена каким-то определенным числом, в котором чередуются единицы и нули.

Машине снова показывают букву «А», но уже немного иначе написанную. У первой, скажем, была изогнутая перекладина, а у этой — прямая. Электронный луч снова «по строчкам» рассматривает букву, но там, где у буквы «А» перекладина, числа выходят несколько иными. (Перекладина-то иная!) Машина сравнивает новые числа с теми, что уже отложились в ее памяти (сравнивает путем вычитания), и... не узнает букву.

Зажигается красная лампочка. Сигнал, означающий: это не «А». Ученый нажимает кнопку, как бы говоря машине: неправильно, посмотри-ка еще раз!

Электронный луч снова рассматривает букву. Область буквы «А» в памяти машины перестраивается так, чтобы включить туда и эту вторую. Тогда машину учат распознавать и третью, с загнутыми крючками на ножках, и четвертую, с сильным наклоном, и пятую, с жирным нажимом. Так вырабатывается образ буквы «А». В конце концов память машины, вобрав десятки разновидностей буквы «А», уже узнает эту букву сразу, без ошибок.



Сейчас киевская машина умеет распознавать не только «А», но и многие другие буквы и цифры, написанные разным почерком.

«Сможет ли она отличать не буквы, а, скажем, собаку от кошки? Смогут ли у нее вообще выработаться образы различных предметов?» — думают теперь ученые.

МАШИНА УЧИТСЯ ПОНИМАТЬ ФРАЗЫ

Ученые отобрали пятьдесят существительных. Часть из них — в именительном падеже, часть — в иных падежах с соответственными предлогами. И шестнадцать глаголов самого разного смысла. Например, «думать», «иметь», «течь».

Из этих слов ученые составили множество различных фраз. Например: «Моряк думает в лодке», «песок варит на доске».

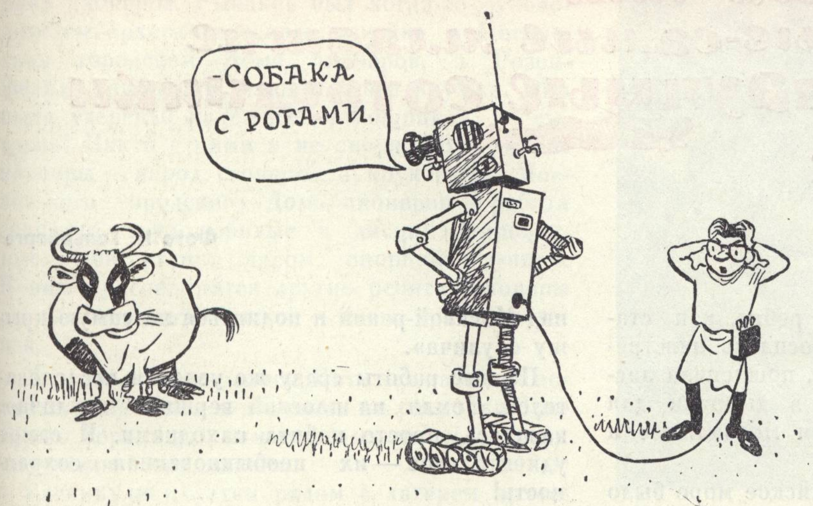
Фразы давали читать машине, указывая, в какой фразе есть смысл, а какая бессмысленна. Прочитав несколько десятков фраз, машина самостоятельно «рассортировала» в своей памяти все составляющие их слова. Рассортировала на несколько групп. Она, например, выделила в одну группу слова «студент», «моряк», «крестьянин» по признаку, что они могут варить, ходить, думать.

К другой группе машина отнесла слова, обозначающие то, что может литься, течь, пролизаться, капать, но что не может ни думать, ни варить.

После этого машине давали новые фразы из этих же слов. И тут уж она без подсказки должна была отличить осмысленные фразы от бессмысленных. Если она ошибалась, ученые ее поправляли нажатием кнопки, заставляя пересмотреть свой ответ заново.

Ошибки у машины получались главным образом из-за того, что она с самого начала некоторые слова отнесла не к той группе, к какой следовало. Так, она все время оценивала фразу «инженер варит», как бессмысленную, потому что не включила слово «инженер» в одну группу со словами «моряк», «студент».

Кибернетики собираются продолжать с машиной эти уроки, расширив список слов.



малышей, правда? Что ж, тут нет ничего удивительного. Малыши часто начинают с этого ласкового слова как раз потому, что оно легкое, и мозг малыша сам принимает решение выбрать это слово. А за машину решали ее «воспитатели», инженеры-кибернетики. Они тоже выбрали слово «мама» для своей «малышки» именно потому, что для начала оно легкое. Конечно, они делали это не так, как с ребятишками. Ее не упрашивали: «Машиночка, скажи «мама»! Ну скажи, будь хорошей, послушной девочкой: «ма-а-ма». Скажешь — конфетку дадим...».

Машине условными сигналами передавали буквы, составляющие это слово, а она сама «выговаривала» соответствующие буквам звуки. Она как бы читала вслух.

Она может произносить и целые фразы. По-грузински она говорит: «Будь внимательна, дорогая Нона!» Этой фразе ее научили, когда молодая тбилисская шахматистка Нона Гаприндашвили уезжала на международный шахматный турнир.

По-русски машина произносит вот что: «Наша машина училась. Она узнала жизнь».

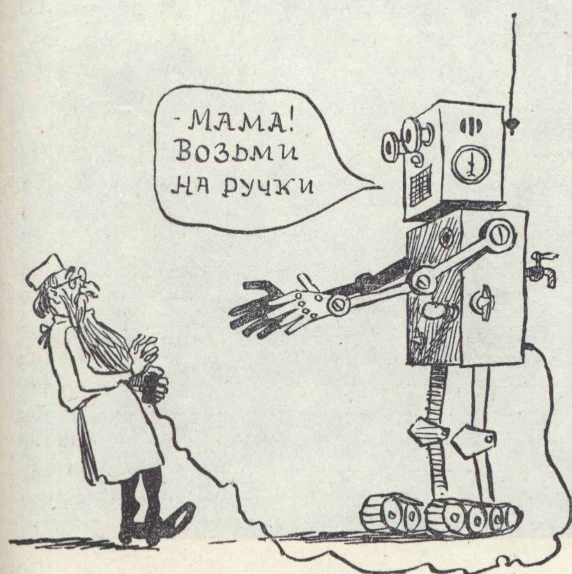
Говорить машина может и женским голосом, и мужским, и детским, смотря как ей «прикажут»: как ее настроят. Но в противоположность киевской своей сестре, которая учится отличать осмысленные фразы от бессмысленных, она «не интересуется» смыслом произносимых слов и фраз. Она лишь повинуется команде, выполняет заданную программу: превращать электрические сигналы в звуки человеческой речи; выговаривать слова и фразы, а не понимать их.

Когда-нибудь все эти, а также многие другие «умения» и «способности», выработанные в разных машинах по отдельности, ученые соединят в одной новой машине, и она будет «умнее» своих предшественниц. И ее будут учить другим, еще более сложным вещам. Каждый удачный эксперимент делает электронных помощников все более умелыми, быстрыми и совершенными.

МАШИНА УЧИТСЯ ГОВОРИТЬ ВСЛУХ

Эта «электронная школьница» находится уже не на Украине, а в Грузии, в Тбилиси. Она произносит отдельные слова и фразы, но не потому, что в нее заложена магнитофонная запись сказанных человеком слов и фраз. Она сама комбинирует различные звуки в слова по тем же законам фонетики, по которым говорим эти слова и мы.

Первым словом, которое машина научилась говорить, было слово «мама». Совсем как у



„Лапша" или самые-самые младшие научные сотрудники





Лия СИМОНОВА **Фото И. Гольдберга**

Можайское море встретило ребят, как старых знакомых. Зашумело, бросилось навстречу. Волна выскочила на берег, пошлепала ласково по ботинкам, залезла в дырочки для шнурков. А мальчишки стояли молчаливые и неприветливые.

Им стало грустно. Но Можайское море было очень молодо и многого не умело еще понимать. И потом, оно недавно пришло в эти места и не знало, конечно, всей истории от начала и до конца.

...Задумали под Можайском на Москве-реке построить гидроузел и создать новое море. Задумали, рассчитали, спроектировали, нанесли зону затопления на карту, показали карту краеведам и... решили на некоторое время задержать строительство.

Краеведы знали, что тысячелетия назад здесь уже жили люди. На высоком мысу, напоминающем издали кулич, располагалось, окруженное рекой и оврагами, древнее поселение — Троицкое городище.

Все дороги к «куличу» заросли лесом и частым кустарником, и он казался неприступным и таинственным — хранитель необыкновенных, неразгаданных тайн.

Люди не могли, не имели права погрузить его на дно моря прежде, чем он не раскроет им свои секреты. Еще в первые годы Советской власти был издан на такой случай специальный декрет, и подписал его сам Ленин. По этому декрету на территории памятников древней культуры не разрешалось начинать строительство до тех пор, пока памятник не будет, как говорят археологи, «вскрыт» и изучен. Значит, срочно нужно было начинать раскопки Троицкого городища.

Институт археологии Академии наук СССР выслал в район затопления разведывательную группу.

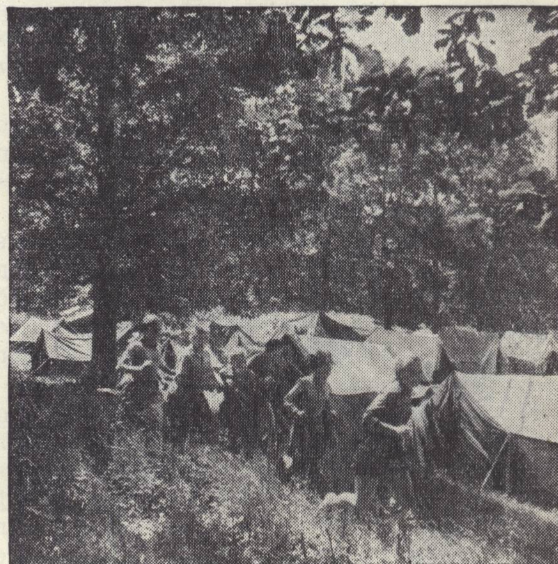
По узенькой, еле заметной тропке, известной одному-единственному местному мальчишке, археологам удалось пробраться к мысу над Москвой-рекой и подняться на самую крышу «кулича».

Первые работы сразу же увлекли исследователей. Земля на плоской вершине «кулича», казалось, просто набита находками. И самое удивительное — их необыкновенная сохранность!

Глиняные черепки посуды и грузики (ученые считают их теперь предметами культа), костяные гарпуны (такими били рыбу и зверя), стрелы, шилья рассказали археологам, что Троицкое городище относится к памятникам Дьяковской культуры, а это значит, что ему не меньше полутора тысяч лет.

Чтобы не задерживать строительство важного для народного хозяйства гидроузла, археологи решили пригласить как можно больше помощников. Настоящих, надежных.

И тут директор Института археологии акаде-



Палатки раскинули рядом с лагерем археологов.

мик Борис Александрович Рыбаков и помощник начальника экспедиции Ростислав Леонидович Розенфельд предложили взять в помощники пионеров. Рыбаков был когда-то руководителем археологического кружка в Московском городском Доме пионеров, а Розенфельд — пионером, членом этого кружка. Они были уверены: надежнее помощников не сыщешь! Никто с ними и не спорил. Все знают: пионеры — народ стоящий, а кружковцы Московского городского Дома пионеров — ребята знающие, трудолюбивые и дисциплинированные. Они станут ядром, опорной группой. К ним присоединятся другие ребята, пионеры разных московских школ — всего триста человек.

Вот так все и началось. Пять лет назад. И поехали мальчишки и девчонки на раскопки Троицкого городища самыми-самыми младшими научными сотрудниками.

Раскинули палатки рядом с лагерем археологов. Провели в каждую палатку электричество, радио, соорудили кухню и печку, площадку для спорта и игр — все честь честью. Принялись за работу.

Всю территорию разделили на раскопы, а раскопы — на небольшие квадраты. Между раскопами оставили межи, чтоб виден был вертикальный срез земли, ее пласты. На каждом квадрате — двое ребят. Один аккуратно лопатой снимает верхний слой грунта, пластами по 20 сантиметров. Другой тщательно перебирает землю руками. Если изменился цвет грунта, показалось скопление камней, обожженная глина, угли,— внимание! — переходи на маленькую саперную лопатку, исследуй! Плотная прослойка песка может оказаться полом жилища, скопление камней — остатками очага, обожженная глина — черепками посуды. Какая-нибудь крошечная бусинка — и та чрезвычайная ценность для науки. По ней археологи узнают, к какому времени относятся все остальные находки в этом слое земли. Бусы сравнительно часто встречаются при раскопках, и, сопоставляя их по форме, цвету и материалу, археологи научились распознавать, к памятникам какой культуры они относятся.



Работа идет полным ходом.



Наконец-то! Теперь нужно бережно кисточкой счистить землю.

Нашли однажды девочки маленькую булавочку. Невзрачная такая на вид. А оказалось, что называется она фибулой и ей около двух тысяч лет. Такими в то время в Прибалтийских землях закалывали верхнюю одежду, плащи. Булавка сразу установила точную дату целого пласта земли — I век нашей эры.

Ножом и кисточкой бережно счищали ребята с находок комочки земли. Археологи тут же их фотографировали, отмечали на плане раскопок, описывали.

Вот, к примеру, нашли мальчишки черепки посуды, попалась кость животного, потом еще одна...

А на соседнем раскопе, у девочек, видны глубокие ямы и рядом — плотное скопление песка, остатки сгнившего дерева. Позвали археологов, рассмотрели находки: плотное скопле-

ние песка — пол древнего жилища, в ямах, видно, стояли деревянные столбы — основы его стен. Тут же черепки глиняной посуды. А кости оказались костями свиней и коров — остатки пищи.

С первых же дней ребята поняли: если ты только копаешь, перебираешь землю руками, находишь старинные вещи и, не раздумывая, не размышляя, передаешь их археологам, то ты просто подсобная рабочая сила.

Если же ты хочешь стать пусть самым-самым младшим, но все-таки научным сотрудником, внимательно приглядывайся к находкам, сравнивай, сопоставляй, спрашивай, обязательно понимай и непременно размышляй — и к тебе придут удивительные открытия, ты сумеешь постигнуть тайны времени. Таков закон археологии.

Кто-то нашел глиняные тигли, в которых плавили металл, кто-то обнаружил глиняные ложки для разлива металла в формы, кому-то попались литейные формы, один, другой, третий, десятый нашел бронзовые украшения: шумящие привески-колокольчики, перстни.

Все эти находки, дополняя друг друга, рассказали ученым о том, что жители Троицкого городища знали уже цветную металлургию.

Все-таки, что ни говори, увлекательнейшая профессия археолога. Но даже если ты никогда археологом не станешь, познакомиться с этой удивительной наукой — великая радость. Она учит мыслить, и обобщать, и фантазировать.

Три лета провели мальчишки и девчонки на Троицком городище, помогли археологам раскопать до конца древнейший памятник.

Академия наук СССР прислала в городской Дом пионеров благодарность:



Какая-нибудь крошечная бусинка или булавочка и та — чрезвычайная ценность для науки.



С этого дерева нырять не хуже, чем с настоящей вышки.

«Раскопки этого памятника культуры дали весьма ценный материал для науки. Они значительно обогатили наши знания по истории первой половины I тысячелетия н. э. центральной части Восточной Европы.

Институт надеется,— писали археологи,— что эта весьма плодотворная совместная работа с Домом пионеров будет также успешно осуществляться и в дальнейшем».

Зимой ребята ходили к археологам в лабораторию: помогали им мыть, обрабатывать, сортировать находки. И тут же они узнавали о результатах исследования, о научных выводах. Археологи так привыкли к ребятам, что даже советовались с ними. А что ж? Такие, как Саша Алипов, Сережа Тюльпанов, Саша Игнатов, Володя Ильиных, Нина Сухова, считались теперь опытными археологами.

Можайское море затопит древнее городище навсегда. И теперь шумит, радуется, встречает ребят, как старых знакомых. Выскочила на берег волна, похлопала ласково по ботинкам, залезла в дырочки для шнурков. А ребятам грустно... Вот и вся история.

А в прошлом году в археологическую экспедицию стали проситься младшие кружковцы — Слава Агеев, Коля Сарычев, Вова Карманов, Вова Воронцов, Катя Шагарова...

И поехали. Опять самыми, самыми младшими научными сотрудниками. Сначала, в июне, на раскопки древнего поселения у села Щербинка, под Подольском, потом, в июле,— на место древнего городища у села Неждино, под Рузой.

Но об этих раскопках я не стану рассказывать. Вова Карманов, Коля Сарычев и Вова Воронцов расскажут сами.

Коля Сарычев:

— Под Подольском дороги начинали строить. По плану — дороги как раз через то место пройти должны, где было когда-то древнее поселение. Ну, вот мы и приехали раскопки вести...

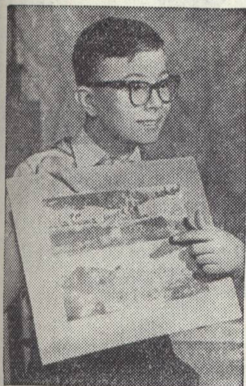
Вова Карманов:

— Огляделись. Вокруг ни кустика. Открытое место. Солнце палит — так и кажется, что сейчас начнешь плавиться...

Пошли воду искать: где купаться можно, где движок поставить. Смотрим, речка. Конопелка называется. Так в этой речке даже муха не потонет. Начали плотину сооружать. А потом глядим: через маленький бочажок огромное дерево перекинулось. Вот удача: с него, как с вышки, в воду нырять можно.

Очень хотелось нам сразу что-нибудь найти. Вот однажды копаем мы с Сашей Куном. Он копает лопатой, а я землю руками перебираю. И Сашка наткнулся на топорик. Цел-целехонек лежит... бронзовый.

Вова Карманов:



— Вот здесь я и нашел точило...

Коля Сарычев:

— Что-то я не помню, чтоб под Подольском бронзовые топорики находили.

Вова Карманов:

— Ну, может, и не бронзовый. Только мне тоже захотелось работать лопатой. Кун согласился. Стал я копать. Копаю, копаю — ничего, как назло. И вдруг слышу... что-то стукнуло. Смотрю: камень. Обидно мне стало. Схватил я этот камень, размахнулся, хотел бросить. А Саша меня за руку. «Куда!» — кричит. Оказалось потом — это древнее точило.

Вова Воронцов:

— В археологии каждый пустяк может оказаться ценностью. Я, например, за все время нашел один-единственный костяной гарпун да еще несколько черепков глиняной посуды. Но и это — большое дело. По глиняным да по костяным вещам археологи устанавливают, к какой культуре относится памятник.

Вова Воронцов:



— А ты, Вовка, не загнул случайно?

Вова Карманов:

— А есть вещи таинственные. Взять хотя бы грузики. Даже ученые не знают еще точно, что это такое. То ли украшения, то ли их вместо денег употребляли при обмене, то ли это предметы культа. Интересно, правда?

Коля Сарычев:

— Городище под Подольском оказалось еще древнее Троицкого. Ему около двух с половиной тысяч лет.

Вова Карманов:

— Не всякому такую работу доверишь.

Вова Воронцов:

— И нам сначала боялись ответственные поручения давать: мы в лагере самые младшие все-таки. А потом...

Вова Карманов:

— А потом, как появятся в раскопах мелкие вещи, сразу зовут «лапшу».

Коля Сарычев:

— Это однажды случай был. Еще в самом начале... Поручили младшим ребятам какое-то дело по лагерю, дежурство на кухне, кажется. А мы на плотину удрали купаться. Валерьян Николаевич, начальник лагеря — он руководитель нашего гео-

графического кружка в Доме пионеров — и говорит: «Эх, вы, лапша!» Обидно, конечно, стало. Мы как за работу принялись... Все, что ни поручат, любое сделаем. И так, что нас хвалят.

А как-то вечером в палатке поспорили ребята. Что такое «лапша»? Вроде бы прозвище, а не обидно. Валерьян Николаевич даже сказал как-то: «лапша» — самая надежная публика».

Вова Карманов:

— И сами посудите. От больших ребят мы не отставали. Может, мы в «лапшу» не всякого из них и приняли бы. Был один такой одиннадцатиклассник. Выловил как-то на рыбалке налима, а на кухню, в общий котел, не отдал. Единоличник. Таких в «лапшу» — ни за что! А вообще жили мы весело, приключений много было... Помните, с плотиной?..

Вова Воронцов:

— Плотина наша имела стратегическое значение. Без нее — ни света в палатках, ни радио, да и купаться негде. И вот однажды кончили мы копать, пошли переодеваться. Вдруг слышим: бежит кто-то, кричит. Спрашиваем: «В чем дело?» Говорят: плотину прорвало. Мы за лопаты и на Конопелку. Смотрим: плотина на месте.

Ну, раз уж мы с лопатами, решили на всякий случай плотину укрепить. А потом вспомнили: кто же это подшутил? Ну и проучили же мы его потом!..

Коля Сарычев:

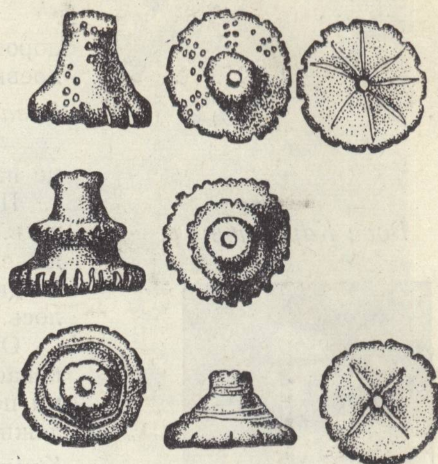
— А еще было... Сидим мы ночью с Володей Ильиных у костра, дежурим. А вокруг ни души, темень. Страшновато! И спать хочется. И вдруг слышим шум какой-то, будто кто-то на дереве сидит. Пригляделись — вроде там люди. Дали мы ребятам условный сигнал — посвистели, как полагается. Окружили дерево. Видим, деревенские мальчишки. «Мы, — говорят, — проверяем, надежные ли у вас часовые». Ну, мы гордо так спрашиваем: «И как же — надежные?» «Не очень, — отвечают. — Нас-то вы поймали, а баню вашу — две фанерных стены — наша ребятня унесла. Фанеру мы вернем, не в фанере дело».

Вова Карманов:

— Потом-то уж такого не случалось. А еще карнавал был. Собрались у большого костра. Глашатаи прибежали, прокричали: «Начинается карнавал». Потом рабы вынесли царя и царицу. Царя мы назвали КЕРАМИКА РАСКОПУС. А царицу — АРХИДИТА. Это значит по-латыни — дитя археологии.

Коля Сарычев:

— А Славу Сидорина и Катю Шагарову разбойниками нарядили. Они должны были кое-кого пробрать в куплетах. Катька должна была со свистом выскочить. Не сумела. Сколько ее ни учили, не получилось. Но вообще-то она девчонка ничего, хорошая... Можно считать, «лапша».



Это таинственные грузики. Мы нарисовали их, как полагается: сбоку, сверху и снизу.

Коля Сарычев



— Сидим мы ночью у костра, дежурим.

В этом году, говорят, археологи «лапшу» с собой опять в экспедицию пригласили. Говорят даже, будто слово это прочно вошло в археологический лексикон. А объясняют его так: «лапша» — самый, самый младший научный сотрудник археологической экспедиции Академии наук СССР, человек знающий, трудолюбивый, дисциплинированный, надежный. Обязательно пионер.



У САМОГО СИНЕГО МОРЯ

Рисунок Ю. Узбякова.



ТРЕВОГА

Миша Маляр, 10 лет.
Дворец пионеров имени А. А. Жданова, г. Ленинград.

ПОЖАР

Володя Родченков, 11 лет.
Дом пионеров Московского р-на, г. Ленинград.



САМООБСЛУЖИВАНИЕ

Толя Волченков, 11 лет.
Детская художественная школа, г. Ярославль.



ПРАЗДНИК

Н. Логвиненко, 12 лет, г. Херсон.



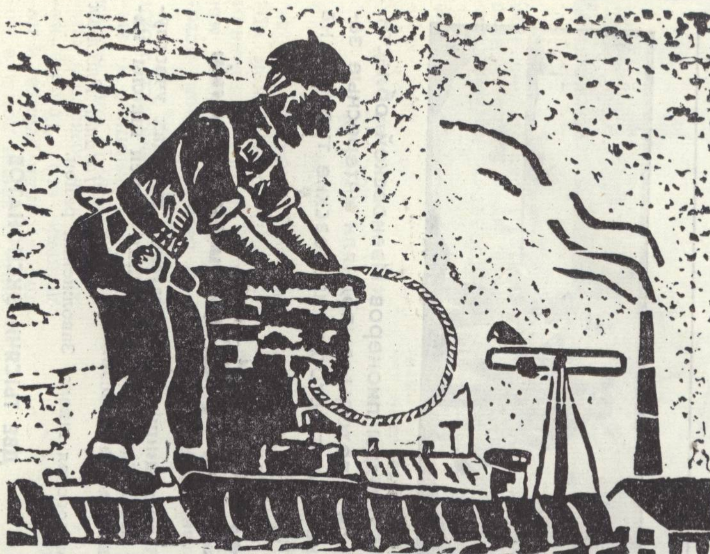
ПОСЛЕДНИЕ ЛИСТЬЯ

Оля Овчаренко, 10 лет.
Изостудия Кишиневского Дома пионеров.

В МАГАЗИНЕ

Лена Лапшина, 12 лет
Школа № 290, гор. Ленинград

ЗДРАВСТВУЙТЕ, РИСУНКИ!



Трубочист. Энтсик Лембат, гор. Пярну, школа № 1.

Рисунки ехали поездом, плыли пароходом, летели самолетом и наконец добрались до Москвы. В Москве лучшие педагоги-художники и просто художники — не педагоги — внимательно разглядели их. Иногда все думали одинаково: «Этот рисунок хороший, а этот — ой, какой он плохой!» Иногда художники горячо спорили и даже ссорились между собой. Наконец, самые лучшие рисунки были отобраны. Их оказалось около тысячи. Они и попали на Выставку детского изобразительного творчества, посвященную 40-летию пионерии.

А рисунки похуже и совсем плохие погрузили на поезда, самолеты, пароходы, и они поехали домой. Может быть, они теперь лежат и обижаются: «Почему нас не взяли на выставку?»

А обижаться им нечего. Ребята, которые их рисовали, не знали про рисование трех самых важных секретов.

Это секреты настоящего искусства — они относятся и к огромным картинам больших художников и к рисункам тех, кто впервые взял в руки кисть или карандаш.

Первый секрет: никогда не бойся рисовать, храбро рисуй все так, как у тебя получается.

Второй важный секрет: рисуй только то, что тебе очень понравилось или показалось необыкновенно интересным. Если ты придешь в школу и скажешь товарищу: «Лешка, что я видел сегодня! Понимаешь, был большой пожар! Огонь так и пышет, так и пышет! Дым так и валит, так и валит! Близко подойти страшно. А пожарники в противогазах бросаются в самый огонь, спасают людей и ничего не боятся. Вот это герои! Прямо забыть не могу! Так в глазах и стоит: огонь красный, дым белый, а дерево рядом зеленое-зеленое!..» — вот тогда садись и рисуй. А если ты слоняешься дома без дела, зеваешь до ушей и мама тебе говорит: «Господи, хоть бы ты занялся чем-нибудь!» — а ты ей отвечаешь: «Ладно, сяду да порисую, все равно нам в школе рисунок задали» — и начинаешь выдумывать: домик... мальчик у домика... еще домик... еще домик... елочка... Эх, и скучный же рисунок у тебя выйдет! Нам будет так же скучно на него смотреть, как тебе было скучно его рисовать.

Рисовать нужно только то, что любишь. Тогда и старенькие лыжи, и любимая голубая чашка, и свой двор — все выйдет у тебя интересно.

И третий, самый важный секрет: рисуй как можно больше.

Ходи по улицам как охотник, как следопыт, как разведчик.

Делай наброски в театре, на катке, в школе, на пляже.

И ты узнаешь еще тысячу секретов про то, как люди движутся, как меняется свет на их лицах, как падает тень от дерева на острую скалу и на гладкий песок, как отличается цвет весенней травы от цвета травы осенней.

Чем зорче будут твои глаза, тем интереснее будут твои рисунки. И везде: в родном городе, в краснозвездной Москве, в далеких зарубежных странах — твоим рисункам будут рады многие люди. Они примут их и скажут: «Здравствуйте, замечательные рисунки!»

Ариадна ЖУКОВА



На станции.
Саша Кабанков, г. Новосибирск, Кировский Дом пионеров.

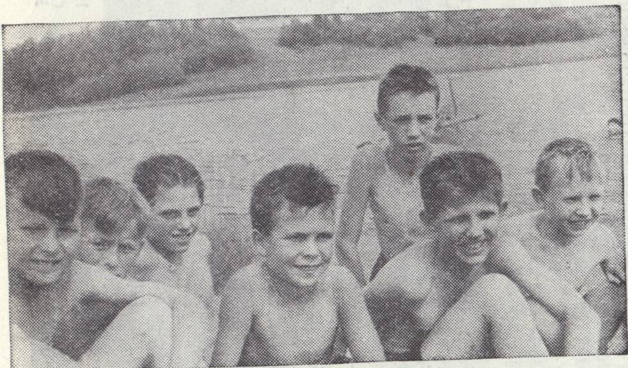
ЭКСПЕДИЦИОННЫЕ ОТРЯДЫ СНОВА В ПУТИ!

ПИОНЕРСКИЕ ИЗВЕСТИЯ

№ 2 (22) ИЮНЬ 1962



Вышли в дальнюю дорогу и отряды пионеров Ивановской области. Многие ребята уже не раз ходили в походы, выполняли интересные задания. Какие? Вот о них и рассказывают сегодня ивановские туристы на страницах «Пионерских известий».



Вот какие боевые ребята живут в туристском лагере на Волге.



БУРЯ

Был жаркий тихий день. Ребята занимались своими делами: разбирали гербарии, образцы строительных материалов, играли в волейбол. Вдруг кто-то из дежурных заметил на горизонте грозовую тучу. Она стремительно приближалась. Все быстро собрались в лагере: надо было вытащить на берег лодки, укрепить палатки, получше укрыть продукты. Мы торопились: туча уже закрыла все небо, ветер усиливался с каждой минутой. И вот на лагерь обрушился ливень. Разразилась настоящая буря. В это время с Волги донеслись тревожные гудки парохода: на воде беда.

ЕСТЬ СТРОИТЕЛЬНЫЙ КАМЕНЬ

У нас в школе восемь экспедиционных отрядов. В прошлом году один из них получил важное задание: найти строительный камень на реке Шохне. Ребята нашли камень, но оказалось, что машины строителей в этом месте не могут подойти к реке. Тогда решили исследовать реку Кистегу. Это поручили нам.

Много километров прошли мы по берегу реки. Часто приходилось пробираться сквозь густой кустарник, переходить глубокие овраги. В низовье реки нам стали попадаться большие скопления булыжного и валунного камня. Эти места нанесли на карту. А вернувшись домой, доложили строителям: камень есть!

Володя Разумов

Средняя школа села Есиплево. Заволжский район.

У нас все путешественники

В экспедициях и туристских походах участвуют все пионеры и школьники нашей школы начиная с третьего класса.

Наташа Рябобык

Комаровская школа, Заволжский район.

ДВЕ ТЫСЯЧИ ЭКСПОНАТОВ

В прошлом году наши красные следопыты участвовали в нескольких экспедициях. Отряд № 97716 совершил поход по маршруту город Фурманов — село Шухомош — село Погост — город Фурманов. Со слов старожилов участники похода узнали историю восстания рабочих в начале XIX века. Восставшие сожгли текстильную фабрику. На месте пожара мы нашли детали разбитых машин, черепки посуды. Все это хранится в школьном музее.

Наш краеведческий музей — единственный в городе. В нем уже собрано больше двух тысяч экспонатов. У нас часто бывают экскурсии из других школ, а летом к нам приезжают ребята даже из соседних городов.

Галя Виноградова,

капитан красных следопытов школы № 6, город Фурманов.

В Ивановской области 1 563 экспедиционных отряда и 44 школьных краеведческих музея.

Наши ребята быстро спустили лодку и поспешили на помощь. Оказалось, что буря опрокинула две рыбачьих лодки. Рыбакам мы помогли добраться до берега, а вот снаряжение спасти не удалось.

Валерий Басов,
член туристской секции юных техников Наволокского Дома пионеров



— В лагере я был самый маленький, но меня никто не обижал! — говорит пятиклассник Гена Мирошкин. Он тоже отдыхал в туристском лагере Наволокского Дома пионеров.

ЗА ЛАНДЫШЕМ

Каждую весну в мае мы берем с собой мешки и пешком или на лодках отправляемся искать заросли ландыша. Целый день мы собираем душистые цветы и холодные упругие листья. Как только мешок полон, его надо как можно скорее отправить на машине в аптекоуправление. Если не поспешить, вся работа пропадет: цветы в мешках «сгорят», почернеют, и из них уже нельзя будет приготовить лекарство.

Оля Лазарева
Мытская средняя школа.

ПОМОГЛИ КОЛХОЗАМ

Экспедиции нашей школы обследовали 11 болот и нашли большие запасы торфа — 90 тысяч кубометров. Колхозы уже начали разрабатывать новые месторождения.

Надя Клусова
Старо-Вичугская средняя школа.



В каждой палатке туристского лагеря — радио и электричество. Провели все сами ребята.

ЮнТАСС сообщает

НОВГОРОДСКАЯ ОБЛАСТЬ. Экспедиционному отряду школы поселка Хвойная лесничество поручило обследовать несколько кварталов леса. Отряд обнаружил, что на некоторых участках лес очень редкий. В этих местах пионеры посадили 8 тысяч саженцев.

РЯЗАНСКАЯ ОБЛАСТЬ. Пионеры Желановской семилетней школы — опытные археологи. По заданию Института археологии Академии наук СССР они обследовали берега реки Уны на протяжении 150 километров и нашли 40 ранее неизвестных археологических памятников. Институт археологии разрешил пионерам Желановской школы вести самостоятельные археологические поиски.

РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТЬ. Экспедиционный отряд Чалтырской средней школы нашел мощные пласты строительного камня и глину высокого качества. Сейчас в совхозе «Свобода» из этой глины делают кирпичи.

ВЛАДИМИРСКАЯ ОБЛАСТЬ. Экспедиция школы № 66 города Меленки нашла залежь песка. Ребята сами вырыли 100 шурфов и сэкономили государству около пятидесяти тысяч рублей.

КАЗАНЬ. Кружок «Юный путешественник» школы № 1 работает круглый год. На своих занятиях, которые проходят за городом, ребята учатся бесшумно подкрадываться к животным, преодолевать разные препятствия, пользоваться определителями растений. Зимой они часто устраивают ночные лыжные походы.

В ПЕРВЫЕ ГОДЫ

В августе 1922 года в нашем городе проходила уездная партийная конференция. На этой конференции впервые прозвучали слова торжественного пионерского обещания, и коммунисты повязали галстуки шестнадцати мальчикам и девочкам. Так в Моздоке возник первый пионерский отряд.

Однажды четырнадцать ребят приехали на хутор Кулубашев, чтобы выступить с концертом. Ночью кулаки заложили окна и двери дома, в котором спали ребята, и подожгли его. Только находчивость вожатого спасла пионеров. Он выбил из окна кирпич и выстрелил. Сбежались люди и погасили огонь.

О замечательной истории первого отряда мы узнали, когда составляли летопись пионерской организации нашего города.

Лена Джидзалова
Средняя школа № 3, город Моздок, Северо-Осетинская АССР.

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Наташа Дмитриева, Люся Болтина, Коля Липатов, Толя Галкин, Ира Карпова, Юра Осипов.





ПУЗЫРЬ

В. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

Рисунки Ф. Лемкуля.

У всех были лошади как лошади, а мою и звали-то по-чудному: Пузырь. Досталась она мне потому, что все от нее отказывались наотрез. Ну, а я в экспедиции был человек новый, приехал позже всех; выбирать не из чего, бери, что осталось.

Вручил мне Пузыря конюх Гриша — паренек лет семнадцати. Глаза у него озорные, ворот рубахи всегда нараспашку, кепка еле на затылке держится.

— Вот,— говорит,— вам, товарищ геолог, лучший конь. Только повод из рук не выпускайте! — А сам смеется.

Принял я у него эту лошадь, делать нечего, да еще неосторожную фразу обронил.

— Тебе, — говорю,— Гриша, знать бы надо, коли работаешь в экспедиции: плохих коней не бывает, бывают плохие хозяева.

Сказал, а потом каялся. В жизни не видал таких лошадей!

Голова у Пузыря была большая, корявая, хоть теши топором — уздечка не лезет; ноги узловатые, а живот, как глобус, круглый — седло никак держаться не хочет.

Затянешь, бывало, утром подпруги намертво, сколько силы есть, приладишь переметные сумы, усядешься поудобнее, и только отъедешь шагов сто от лагеря — седло начинает съезжать: то вправо, то влево, то к голове, то к хвосту! Товарищи на своих лошадях едут впереди, дело делают, а ты только и знаешь подпруги перетягивать. Измучаешься к вечеру, плюнешь и пойдешь назад пешком.

Но и с этим мириться можно было, если бы Пузырь хоть слушался. А то ты его тянешь за повод по узкой тропе вперед — он упирается всеми четырьмя копытами в землю, голову задирает вверх, глаза безумные, из орбит вылезают, храпит — и ни с места. А если ненароком выпустишь повод из рук, поминай как звали! Уйдет домой — ни за что не поймаешь. Ни до тебя, ни до клади ему дела нет.

Раза три я таким милым способом воз-

вращался с маршрута в лагерь и еще седло на спине приносил. Подхожу чуть живой, в три погибели согнутый, чертыхаюсь, а Пузырь уже у коновязи стоит как ни в чем не бывало, овес хрупает. И Гриша рядом — руки в карманах, ухмыляется:

— Ну как, товарищ геолог, не бывает плохих коней, бывают плохие хозяева?

И еще любил Пузырь сманивать других лошадей с гор в целинные хлеба. Приведет и сам ляжет в пшеницу. Всех лошадей издалека видно: словят их, отстегают и на работу. А Пузырь лежит себе тихонько и ловит колосья губами. Рядом пройдешь — и то не заметишь! То ли конь очень хитрый был, то ли ноги его не держали.

Но пришло время, вывел Пузырь и меня из терпения. Хоть и совестно было перед Гришей, решил начальнику экспедиции подать рапорт: «Можете уволить меня, а на этой лошади работать не буду. Списывайте ее на колбасу — больше она ни к чему не годится!»

Решить я решил, но так и не написал рапорта. Сперва некогда было, день за днем все откладывал, а позже начал примечать в Пузыре кое-какие любопытные перемены.

Сяду я где-нибудь в маршруте на камень — записывать в блокнот геологические наблюдения — или трубку на отдыхе закурю, а Пузырь тут как тут: подойдет ко мне, стреноженный, морда большая, глаза умные, потянет в себя широкими ноздрями воздух и вздохнет тяжело-тяжело, словно на свою судьбу жалуется. Трудная, мол, жизнь у меня, хозяин. С рождения никому угодить не мог. Били меня смертным боем все, кому не лень. А теперь и ты от меня отказываешься.

Станет мне Пузыря жалко. Потреплю я его в ответ рукою по шее. Уберу трубку. А из маленького кулечка, что у меня всегда при себе, щепоть соли на камень подброшу.

Пузырь всю эту соль губами подберет, того и гляди шершавым языком камень насквозь пролижет! Кончит камень лизать — за мою руку примется. Вот чудак!

Алчная оказалась у него страсть к соли. И месяца не прошло, привязался он ко мне через нее. Ходит за мной по тропинке, как собачонка, а спрячусь — ищет, ржет.

Ну, стало мне куда лучше. Даже другие геологи начали завидовать. Подъедем мы вместе к скальному обнажению, где пробы пород надо брать, спешимся: они беспокоятся, лошадей привязывают, чтобы не убежали, а я повод бросаю и смело иду вперед, Пузырь за мною. На привале вечерами еще интереснее: запоют товарищи песню, я, конечно, тоже подтягиваю, а Пузырь как услышит мой голос, так из темноты к огню корявую морду тянет.

— Вот это дружба! — смеются геологи.— Чем приворожили вы его, Иван Семеныч? Давайте на любую лошадь меняться.

А я посмеиваюсь: и самому, дескать, неплохо. Седло к тому времени я тоже научился укреплять на круглом животе коняги: сшил из старых ремней «нагрудник», назад петлею пустил «подхвостник». Седло и держится, как на растяжках,— ни назад, ни вбок, ни вперед.

Вот только насчет скорости у Пузыря... Каждый раз приплетаемся последними к лагерю. Гришка, на нас глядя, прямо трясется от смеха, словно ему кто пятки щекочет. Ну, да что с него спрашивать?

И вот как-то в конце сезона поехали мы с геофизиком Масловым в далекий маршрут. Взяли с собой и Гришу. Мы съемку ведем, а он кашеварит, за лошадьми, за хозяйством смотрит.

Путешествие выдалось трудное, дней на восемь: по гребню через самую высокую точку хребта и назад.

Кругом бурая трава, скалы, редкие кусты барбариса бьются о камни от ветра, и больше нет ничего, пустыня. Колхозный скот чабаны давно вниз угнали, дичь тоже попряталась. Зима в горы стучится, холодно. Но держаться надо, хоть и продукты кончаются.

Едем, подбадриваем друг друга. Лучше доброй шутки в таком деле ничего нет. Гриша тоже весел, гарцует впереди на своем жеребце, смеется. Грудь у него нараспашку, рыжий чуб на ветру развевается, кепка того гляди с затылка слетит... А день на четвертый-пятый, когда от голода животы подвело и усталость разлилась по телу, видим, начал паренек помаленьку скисать.

— Не вешай нос, молодец! — подбадривает Маслов.

Да разве тут слово поможет? Грише бы дневку хорошую! Он бы снова самим собой стал.

Наконец обогнули мы вершину, вышли к самой дальней точке маршрута, к высокогорному озеру Коколь. Стали мы к вечеру устраивать бивак в щели, где меньше дует. Сзади у нас скала, впереди — озеро с изумрудной водой. Солнце уже садится, и к изумрудам рубинов прибавилось. Красиво! На худом костерке из прутьев вот-вот похлебка с остатками крупы закипит: все-таки будем есть горячее! А Гриша расседлал

лошадей, отвел их за бугор и как-то очень быстро вернулся.

— Руки,— говорит,— у меня не владеют, они будто ватой напиханы.

А сам злой-презлой, на кого злится — неизвестно, улегся поленом спать, прямо где был, у костра, не евши.

Посмеялись мы с Масловым, поужинали, разбили палатку, запихнули парнишку в спальный мешок, чтобы не замерз, кое-как накормили сонного супом и сами крепко уснули.

На следующее утро проснулись чуть свет. Холод разбудил. Снежинки кружатся в воздухе, и озеро у краев покрылось сахарной коркой; надо спешить. Стали укладывать вещи. Гриша пошел за лошадьми. Приходит вскоре ни с чем, лицо расстроенное, губы надутые, совсем как у маленького, и повторяет ту же фразу, что и вчера:

— Говорил, у меня руки ватные, а вы не слушали.

Ничего мы не поняли. Маслов пошел выяснить.

Часа через два возвращаются оба. В руках у геофизика путо. Он идет впереди, туча тучей, а Гриша чуть поотстал и, как волчонок, исподлобья глядит.

— Взяли мы на свою шею помощничка,— говорит Маслов сердито.— Не руки у него ватой напиханы, а голова — мякиной. Лошадей так спутал, что все за ночь распутались. Бегут, как черти. Просто горе! А этот олух в них еще камнями кидается. Вашему Пузырю тоже по загривку попал!.. Пошли, Иван Семенович, все вместе ловить, загоном. А вернемся в лагерь, тогда спишем балбеса. Пусть катится по гладкой дорожке домой, коли ума до сих пор не набрался!

Но и втроем у нас ничего не получилось. Едва завидят кони в наших руках уздечки, уходят в горы все дальше и дальше. У них по четыре ноги, у нас по две! Разве догонишь! А когда загоним их в узкую щель, они меняют тактику: уши прижмут и на нас карьером. Первым гнедой жеребец, следом за ним кобыла Маслова. И мой Пузырь туда же! Как подменили его. Меня не видит, соль с протянутой руки не берет.

В полдень спустились мы снова к палатке. Гриша забрался с головой в спальный мешок, лежит, и плечи вздрагивают. Геофизик мрачный, как туча, на него не глядит, отвернулся в другую сторону.

А снег идет все сильней и сильней, шуршит по брезенту палатки, одевает белым пологом горы. Только озеро холодной сталью блестит. Через щель палаточного полога видно.

Дело и вправду вышло нешуточное. Пешком отсюда за неделю не доберешься, даже если пойдешь налегке, даже если продуктов вдоволь. А у нас образцы, инструменты, которые бросить нельзя, и еды — полбуханки черствого хлеба на троих.

Полежал-полежал я в палатке между товарищами, вытащил из кармана перочинный нож, отрезал тонкий ломтик хлеба, разделил его на три равные части, съел свою долю и говорю:

— Вот что, друзья! Теперь я один пойду, попытаюсь. Не выйдет, тогда не знаю, что и делать.

Уздечку с собою я брать не стал. Вскинул на плечо ружье и пошел не прямо на лошадей, а чуть наискось, в гору, будто мне до них и дела нет. Поднялся по соседнему краю вверх, обогнул скалу и подобрался к коням сбоку. Сел на камень, закурил трубку. Попыхиваю. Думаю.

Меня от лошадей почти не видно, одна голова и плечи торчат, а дымком тянет по ветру в их сторону.

Должно быть, табачный дух попал Пузырю в нос. Пузырь голову поднял, но с места не двинулся и снова траву щиплет.

Я сильнее раскуриваю. Не помогает. Докурил, выбил трубку о камень. Затянул песню. Из тех, что мы всегда на привалах пели. Мысли в голове невеселые, тревога на сердце, зябко; рядом скалы мертвые, снег, а я сижу и пою, как шальной: «Выходила на берег Катюша». Если бы кто на меня со стороны поглядел, смех и горе, честное слово!

Гляжу, Пузырь голову опять поднял, прислушивается, словно вспомнил что-то. Вот двинулся с места, уши насторожил, глаза блестят... Снова остановился.

Теперь уж ему меня хорошо видно. Но я будто внимания не обращаю: смотрю мимо, ружье лежит на коленях, тут же в руках на виду кулек с солью, и песню тяну и тяну. Голос у меня, как назло, вдруг пошел с хрипотою, точно заржавел от сырости. Тут бы прокашляться, да боюсь пение оборвать.

Но слышу, вроде Пузырь по склону перебирает ногами, подходит ближе, заржал тихонько. И вот уже тычется корявой мордой в мое плечо, обдает горячим, влажным дыханием!

Развязал я кулек, подставил ему соль под мягкие, бархатные губы и чувствую, как у меня от радости и нетерпения мелкой дрожью трясутся руки... Потом успокоился

я немного, ухватил Пузыря за гриву свободной от соли рукой, взгромоздился к нему на спину и затрусил вниз, болтая ногами, прямо без седла и уздечки.

Остальные две лошади спустились следом. С ними, с лошадьми, часто так: стоит одну к рукам прибрать — они все становятся смирными.

Внизу Гриша и Маслов услышали топот, выскочили из палатки, стоят и сказать ничего не могут.

Да и что зря говорить, когда без слов все понятно!

Заседлали мы лошадей, навьючили, перевалили через гребень на южную сторону, где теплее и меньше снега, а еще спустя трое суток благополучно вернулись в лагерь.

...Вернулись. Зажили заново. И даже никому не рассказали о том, что было. Только теперь вечерами, когда все соберутся у костра, я не раз заставал Гришу у коновязей. Пузырь смачно хрупал соль с его протянутой ладони.

Приметив меня, Гриша поспешно отдергивал руку и отходил, прикрикнув с наигранной строгостью:

— Балуй, шальная!







ТАКАЯ ЭТО ПРОФЕССИЯ

Борис ВОЛОДИН

Рисунки В. Константинова.



БОЛЬНИЦА РАБОТАЕТ КРУГЛЫЕ СУТКИ

Три часа дня. Врачи в моей больнице кончают работу. Идут домой. Все, кроме дежурных: до утра эти два человека — полные хозяева в хирургическом доме. Как капитаны на корабле.

Их слово — закон для каждого работника и пациента. В часы дежурства они отвечают за все. За жизнь больных. За тишину и порядок в больнице. Если бы вдруг случился пожар, врачи до приезда пожарной команды распоряжались бы спасением людей и борьбой с бушующим огнем.

Их двое. А больных двести. Дежурные врачи обходят все палаты. Тем, кто себя плохо чувствует, назначают дополнительно лекарства. Если больной почему-либо разнервничается, врач успокоит его добрым словом...

Но это лишь малая часть их работы.

...На театральной афише напечатано: «Начало спектакля в 18 часов 30 минут». И если ты задержался почему-либо и опоздал на первое действие, пьесу ради тебя не начнут сначала.

В учреждениях висят объявления о днях и часах приема: «Председатель горсовета принимает по средам и пятницам с 15 до 19 часов». Остальное время он занят другими делами. А их у председателя горсовета много, ведь городской Совет управляет всей жизнью города. И вот, чтобы работа шла без помех, приходится устанавливать строгое расписание.

По расписанию идут уроки в школе, отправляются поезда, улетают самолеты, открываются и закрываются магазины.

Только для болезней нет расписания. Они сваливаются на человека неожиданно, и борьбу с некоторыми из них нужно начинать немедленно. Болезням не прикажешь: «Подожди до утра, пока откроются поликлиники!» Люди нуждаются в помощи и днем, и глубокой ночью, и на рассвете, когда особенно крепко спится.

Поэтому больницы работают круглые сутки. Круглые сутки открыты их ворота, и яркие фонари горят у въезда. Круглые сутки не спят дежурные хирурги.

Когда к подъезду хирургического корпуса мягко подкатывает длинная, приземистая машина с красным крестом на стеклах и фонаре, дежурные хирурги торопятся вниз, в приемное отделение.

Они внимательно осматривают больного, доставленного «Скорой помощью», вызывают дежурную лаборантку, чтобы она сделала анализ крови.

Врачи строги, спокойны, точны. Все, что было замечено при осмотре, записывают в историю болезни, потом тихо совещаются — ставят диагноз, решают: как лечить?.. Нужно ли оперировать?.. Когда оперировать?.. Если

операция нужна немедленно, они сообщают об этом по телефону в операционный блок.

Когда, спустя две минуты, хирурги поднимаются на лифте к дверям операционной, там уже все готовится к работе. Ярко горит свет. Кипит вода в электрических стерилизаторах. Операционная сестра моет руки дезинфицирующим раствором. А санитарки расставляют на специальных подставках биксы — большие круглые блестящие коробки из жести. В биксах хранятся стерильные, абсолютно чистые (ни одного микроба нет на них) халаты, шапочки и марлевые маски, их надевают перед операцией операционная сестра и врачи. В биксах лежат стерильные бинты, марлевые салфетки, палочки с намотанной на них ватой — для йода. Лежат абсолютно чистые простыни, которыми на операционном столе укроют больного так, чтобы остался виден лишь маленький кусочек тела — «операционное поле», — смазанная йодом полоска кожи, где будет сделан разрез...

Дежурные хирурги вымоют руки в едком нашатыре и в крепком спирте. Наденут стерильные халаты и перчатки и начнут операцию.

У нас многие сотни тысяч больниц. Каждую ночь ярко светятся окна в операционных. Днем и ночью по городским улицам, по загородным шоссе, по проселочным дорогам мчатся машины с красным крестом. И в небе летят самолеты и вертолеты с красным крестом — воздушная «Скорая помощь». Они везут больных в больницы. Они везут врачей к больным.

Моим товарищам, дежурным хирургам, наверняка не придется спать сегодня. Может случиться так, что свет в окнах операционной не погаснет ни на минуту. Они будут оперировать всю ночь напролет.

Через несколько дней наступит моя очередь. И я точно так же буду всю ночь, не отходя, работать у операционного стола.

Впрочем, может быть, и сегодняшней ночью мне еще придется оперировать...



НОЧНОЙ ЗВОНОК

Сегодня я дома. Сейчас разговариваю по телефону с Леней. Это мой друг. Мы с ним учились в школе. Теперь Леня стал инженером. Кем стал я, вы уже знаете. Мы с ним по-прежнему большие друзья.

Леня обиженно выговаривает мне:

— Почему же ты не пришел? Забыл про мой день рождения? Все тебя ждут.

— Нет, — говорю я, — не забыл. И поздравительную телеграмму тебе послал. Но приехать сегодня не могу. Дежурю.

— Дежуришь? — удивляется Леня. — Дома?

А я в самом деле дежурю.

Дома у меня нет хирургических инструментов, даже белого халата нет. Придя с работы, я занялся совсем не врачебными делами: чинил свой магнитофон, читал интересную книжку, проверял, как мой Алешка приготовил уроки, и после того, как была заново переписана страничка в тетради по чистописанию и решены все примеры, играл с ним в поддавки...

И все-таки я дежурю. Или, как говорят у нас, «поддежуриваю». Я могу заниматься чем угодно, но уйти из дому не имею права. Никуда: ни в кино, ни в гости, ни даже прогуляться на часок.

В больнице дежурят два опытных, умелых хирурга. Но вдруг понадобится еще один: например, случилась автомобильная катастрофа, и в больницу доставили несколько пострадавших, и всем им экстренно нужна помощь...

Или дежурный врач должен быть безотлучно у очень тяжелого больного. А тут нужно оперировать.

Тогда дежурные мои товарищи вызовут на подмогу меня.

Вот почему, занимаясь домашними делами, я прислушиваюсь: не звонит ли телефон в коридоре.

Звонок!.. Слушаю: «Меня?.. Нет, не меня».

Кончается вечер. Книга дочитана. Шашки сложены. Выключено радио. Погашен свет.

Спим.

Сквозь сон слышу стук в дверь. Это сосед.

— Вас к телефону...

Взглянул на часы: четыре. Беру трубку и слышу голос Людмилы Романовны, старшего хирурга дежурной смены:

— Приезжай. Машина послана.

В ту минуту, когда я выхожу из подъезда на улицу, к нашему темному дому — сейчас не светится ни одно из окон — бесшумно подъезжает машина с красным крестом. За мной.

Так закончилось мое дежурство дома. И началось дежурство в больнице.



ВСЕГДА НА РАБОТЕ

Токарь выключает станок, снимает спецовку, сдает в кладовую инструменты. Работа закончилась. До завтра!

Кончил работу конструктор. Прикрыл незаконченный чертеж чистым листом ватмана. До завтра!

И шофер, закончив работу, ушел домой. Ночью слесари осмотрят его машину. Если нужно, кое-что подремонтируют, чтобы ровно в шесть исправный, чисто вымытый автобус вышел на линию.

Если бы после спектакля кто-нибудь вздумал попросить артиста еще раз сыграть роль Отелло или Бармалея, он бы удивился и обиделся:

— Что вы, братцы! Имейте совесть! Я устал... Не буду!

Только люди одной профессии — врачи — обязаны работать в любое время, они не имеют права отказать в помощи больному. Врач всегда на работе. Такая это профессия.

...Идет поезд из Москвы в Сочи. Почти все пассажиры едут отдыхать к теплому Черному морю, к пальмам с мохнатыми стволами, будто одетыми в рыжую мамонтовую шерсть. Вдруг среди ночи в вагонных репродукторах раздается громкий голос:

— Товарищи! Тяжело заболел пассажир. Среди вас, наверное, есть врачи. Просим врачей пройти в пятый вагон, оказать помощь.

И заспанные врачи-пассажиры встают со своих постелей. Идут в пятый вагон. Никому из них в голову не придет сказать: «Отстаньте, я хочу спать» или «Я в отпуске». Такая это профессия. Зато всегда чувствуешь, как ты нужен людям.



МАША, ВСТАВАЙ!

Я расскажу вам невыдуманную историю, историю про двух подруг, про девушек-хирургов, которые работали в Сибири, в больнице шахтерского поселка.

У одной из них фамилия и имя были совсем обыкновенные: Маша... Мария Афанасьева. Как звали другую, я не помню.

Однажды Маша Афанасьева заболела. Оказалось, что у нее аппендицит. Раз аппендицит, нужна операция. Операцию Маше сделала ее подруга. Больше некому было.

Подруга очень волновалась, но все закончилось удачно. Машу отвезли в палату, уложили в кровать и сделали укол, чтобы не так сильно болела операционная рана.

Через несколько часов, ночью, действие обезболивающего лекарства кончилось. Надо сказать, что ночью боль всегда сильнее, чем днем, потому что ничто от нее не отвлекает. Маша сначала старалась терпеть, а потом все-таки не вытерпела и стала брякать ложечкой о стакан, стоявший на тумбочке, рядом с кроватью. Она хотела попросить дежурную сестру вызвать врача, свою подругу, чтобы та назначила еще один обезболивающий укол. Сама Маша не могла распоряжаться, ведь она сейчас не врач, а больная.

Но на ее призывное бряканье в палату никто не приходил. И Маша стала сердиться, думая, что дежурная сестра спит на дежурстве.

Вдруг двери палаты распахнулись, кто-то зажег свет, и к Машиной койке подошла ее подруга-хирург... Растерянная... В стерильном операционном халате! В марлевой маске!..

Руки в резиновых перчатках она держала перед собой, высоко подняв локти. Так держат руки в операционной, чтобы ненароком не задеть что-нибудь нестерильное. Она делала это по привычке, хотя ей все равно пришлось сменить и халат и перчатки.

— У меня операция, — сказала подруга. — Тяжелый больной. Я одна не справлюсь... Вставай, Маша, если можешь!

Маша ответила:

— Поболеть не дадут как следует.

И все равно встала!

А знаете, что это такое? После аппендицита больные поднимаются на ноги на второй, а то и на третий день. И сделать это не такто просто. Ослабевший больной «отвыкает» сидеть и ходить. Он боится, что от движений будет больно. Ему кажется, что от ходьбы рана вот-вот развалится, хотя на самом деле она крепко зашита прочными шелковыми нитками. Мне самому когда-то делали такую операцию, я хорошо помню эти ощущения.

Больного поднимают сначала на одну-две минуты. Приходится заново приучать его сидеть и двигаться. Он привыкает ходить постепенно и первые дни ходит осторожно, прижи-

мая рукой повязку на животе, закрывающую операционный шов. Так больному легче: меньше неприятных ощущений...

...А тут — встать и идти оперировать!

Маша Афанасьева сказала, чтобы принесли грубое полотенце и обвязали ее, затянув полотенце крепко-накрепко... Правда, вставала она не сама. Ее поставили на ноги, как куклу.

Минуты две, пока не прошло головокружение, она не двигалась с места. Потом потихонечку пошла. Надела на себя синий больничный халат, а поверх него — белый, докторский.

Доплелась до операционной. Вымыла руки и стала вместе с подругой оперировать.

Когда операция закончилась, доктору Маше, конечно, не разрешили возвращаться в палату пешком. Ее уложили на тележку-«каталжу», на такой же тележке увезли в палату спасенного ею больного.

Подруга не разрешала Маше вставать лишних три дня. Она боялась, что у Маши наступит какое-нибудь осложнение...

На том история и закончилась.

Когда я рассказывал о Маше не врачам, они удивлялись и ахали: «Невероятно!.. Не может быть!.. Это же так опасно! А вдруг разошелся бы шов!..»

Врачи про шов не говорили. Они знают, что этого не случилось бы... Они восхищались Машей Афанасьевой гораздо сдержаннее: каждый из них знает немало подобных историй про своих товарищей.

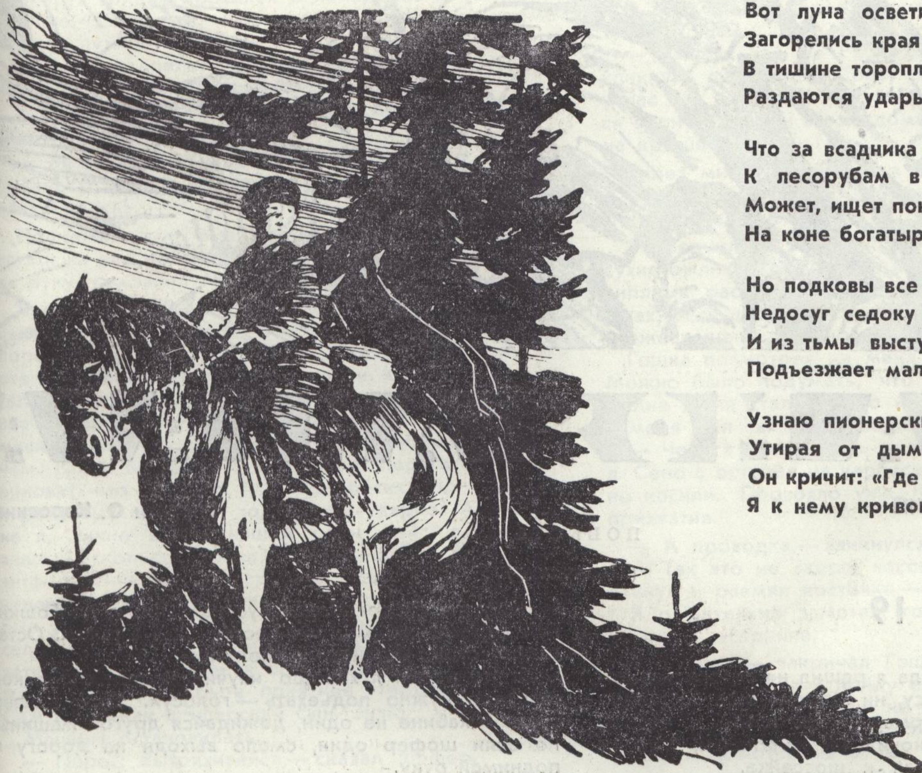
Такая у врачей профессия!



К. НАЖЕСТКИН

Рисунок А. Годова.

Витязь



Вот луна осветила дорогу,
Загорелись края облаков...
В тишине торопливо и строго
Раздаются удары подков.

Что за всадника ночь заманила
К лесорубам в палаточный стан...
Может, ищет поныне Людмилу
На коне богатырском Руслан!

Но подковы все ближе и ближе,
Недосуг седоку и коню.
И из тьмы выступая, я вижу,
Подъезжает мальчонка к огню.

Узнаю пионерский характер:
Утирая от дыма слезу,
Он кричит: «Где поломанный трактор!
Я к нему кривошипы везу».



РЕКА МОЯ АНГАРА

Анатолий МОШКОВСКИЙ

Рисунки О. Коровина.

ПОВЕСТЬ

(Окончание)

19

Для верности дела я решил не говорить о поездке ни Борису, ни Марфе: еще не пустят. Спрятав в карман кусок хлеба и четыре плитки сахару, я выскочил из палатки и, жуя на ходу горбушку, зашагал к шоссейке.

Денег на рейсовый автобус не было, а до Гошкиной деревни километров десять. Еще с гаком. Оставалось одно: остановить «попутку».

За это время я хорошо изучил законы сибирской стройки: нужно подъехать — голосуй. Если шофер сидит в кабине не один, дожидайся другой машины, но если шофер один, смело выходи на дорогу и поднимай руку.

Знать-то я это знал, но вот еще ни разу не останавливал машин. Страшновато как-то. Да и будут ли они останавливаться передо мной?

Вот, сердито рыча и фыркая, как дракон, несется огромный самосвал. Шофер один, это я точно вижу. Но под сердцем вдруг что-то закололо, заныло, страх сковал тело, и... мне неприятно в этом признаваться, ничто не могло меня заставить поднять руку.

Пылью и ветром обдала меня машина и умчалась туда, где ждал Гошка.

Я стиснул зубы. И они прямо-таки заскрипели у меня, когда вдали появилась новая машина... «Не бойся, Вовка, выходи на шоссе и вскидывай руку»,— приказал я себе. Но машину так встряхивало, и пучеглазые фары ее так враждебно сверлили меня взглядом... В общем, вы догадываетесь — храбрости у меня хватило только на полшага, а рука поднялась только до подбородка, да и то скорее не «голосовала», а почесывала подбородок, и, конечно, никакой шофер не догадался бы, в чем тут дело.

А я опаздывал. Я позорно опаздывал к Гошке!

Третью машину я ждал минут десять, но она оказалась занятой. Я отряхнул с курточки пыль, и мне ничего не оставалось делать, как тяжко вздохнуть.

На зубах скрежетал мелкий песок. Я стоял и проклинал себя за безволие и трусость. Будь на моем месте Колька, уж он бы вовремя попал к Гошке на баржу! И только сейчас, здесь вот, у далекой сибирской дороги, я понял, почему в строительстве ракеты использовался на подсобных работах и самое большее, что позволял мне директор секретного завода,— это выпрямлять на наковальне листы жести...

Да, это ясно: я никчемный, слабый и безвольный человек, и никто поэтому не относится ко мне всерьез.

Очертя голову бросился я наперерез к четвертой машине. Шофер вильнул в сторону, застонав тормозами, и чуть не съехал в кювет.

— Жить надоело?! — заорал он на меня, лицо у него было прямо-таки зверское.

Я собрал все свое мужество и ледяным голосом спокойно сказал:

— Мне в Порог надо. Пожалуйста...

Шофер тяжело оглядел меня и буркнул:

— Садись!

Подножка была высоченная, и пришлось вначале встать на нее коленкой. Шофер рывком втянул меня за руку, прибавил газу, и машина полетела.

Я сидел в кабине чинно, важно, стараясь не горбить плеч, и напряженно смотрел на стрелки приборов. Шофер сидел молча, к правому уголку его рта прилипла папироса. Молчал и я. А мне так хотелось поговорить с шофером о чем-то важном, значительном! Пусть мне только десять лет и три месяца, но, честное слово, и я разбираюсь кое в чем. Разве не могу я, например, поругать тех, кто виноват, что в нашей палатке до сих пор нет света и рейсовые автобусы ходят нерегулярно? А кто, как не я, лично совершивший один рейс с Марфой, знаю, насколько нужна их работа; не будь здесь энтомологического участка, на лишних полгода затянулось бы строительство гидроузла. Точно говорю. Был у меня про запас и разговор о нехватке в поселке молока, но, конечно, самое разумное было бы затронуть затянувшееся строительство второго гаража — что может быть понятнее сердцу водителя! Сам как-никак шоферский сын. Знаю.

Машина остановилась.

— Порог. Вытряхивайся,— сказал шофер.

Ох, как хотелось ругнуться! И все же я сдержался и, прежде чем ступить на землю, очень серьезно и вежливо произнес:

— Благодарю.

Я пошел по главной улице возле древних, черных изб и плотных заплотов — заборов из горизонтально уложенных досок.

Через открытую калитку одного двора увидел парня в кожаной куртке, возившегося с мотоциклом. Я храбро сунул в калитку голову и спросил о Гошке.

Парень поднял голову.

— Какой? На деревне десяток Гошек.

Я решил не тревожить больше этого сердитого парня.

У старика в валенках, ковылявшего с буханкой хлеба под мышкой, я спросил более конкретно, напомнив про Гошкины родинки.

Старик зашевелил губами, припоминая:

— У Малашки один есть, у Пантелея Кривого в шоферах Гошка, у бабки Степаниды внук тоже... Тебе которого? Фамилие-то как будет?

— Не знаю, дедушка, с родинками он, все лицо усеяно.

Старик покачал, как старый петух, головой и заковылял дальше.

Я был в отчаянии. Ведь опаздываю! И никому нет до этого дела! Гошка, может, и уехал уже...

По улице шла босоногая девчонка в белом платьице и на ходу читала книгу. Я к ней. Добавил, что мне нужен Гошка, чей брат работает архитектором в Иркутске.

Девчонка закатила глаза, сморщила гладкий лоб. И тут я окончательно понял, что погибаю, если уже не погиб. Не буду же я обегать все избы и спрашивать про Гошку с уймой родинок на лице и братом-архитектором...

— Ну как же вы не знаете его? — закричал я.— Он такой разбитной и смелый, и дерется хорошо, и его дед катера через пороги проводит, и вообще он...

— Ах, так это же Рябинины! — обрадованно воскликнула девчонка.— Сразу бы так и сказал! Кто же у нас его не знает! Ихний Гошка только что с покоса вернулся... Вон в том доме они живут, с антенной на крыше... Видишь?

Через минуту я стучал в рассохшуюся дверь.

— Чего колотишь, не закрыто! — послышалось откуда-то сзади.

Я обернулся. У сарая стоял Гошка, весь в сене; сухие былинки торчали из всклокоченных волос, прилипли к распоясанной ситцевой рубахе, висели на ушах. Весь двор вместе с Гошкой благоухал пряным, свежескошенным сеном.

Гошка посмотрел на меня не очень дружелюбно. Можно было подумать, что он и не писал записки.

Мне даже стало как-то неловко, и, наверное, вид у меня был самый дурацкий.

— Чего в такую рань приперся? Видишь, занятый я. Сено с острова на карбасе привез. С батей недавно косили. Просохло уже. Как бы новый дождь не прихватил.

— А проводка,— заикнулся я,— через пороги...

— Так это не скоро, часов в двенадцать.— Гошка зевнул и размял косточки.— Есть хочешь?

Я решительно замотал головой и, надо сказать, не очень искренне.

— Мамка! — закричал Гошка, силой втащив меня в избу.— Рубай, а я пойду еще сено покидаю. Надо поплотней уложить, еще не все.

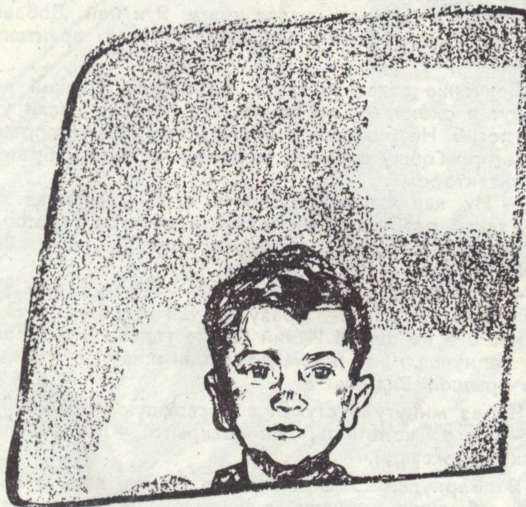
И пока Гошкина мама, худощавая, в шерстяной кофте и домотканых белых носках, поила меня молоком и угощала пирогами с запеченной рыбой и я

с превеликим удовольствием ел все это, Гошка орудовал своими вилами на сеновале.

В избе пахло сосной и полынью. Между окон на вате лежали кедровые шишки, в углу на гвозде висело ружье с перетянутым проволокой ложем. Стол, табуреты, кровати — все это было тяжелое и прочное, рубленное из крепкого дерева.

И я, уплетая за обе щеки рыбный пирог, вдруг вспомнил беззастенчивую Гошкину похвальбу на пароходе. Говорил он примерно так: «Мы — ангарские, любого спроси: кто не знает лоцманов Рябининых? Династия, как писали в «Восточно-Сибирской правде».— И Гошка, грызя кусок сахару, рассказывал слышанное от кого-то. Сибиряки не какие-то там захудалые мужичонки; крепостного рабства они не знали, кость у них крепка и душа не холуйская. Откуда взялся настоящий сибиряк? Ясно, с Запада пришел, издали. Слабый и робкий с якоря не трогался, а кто побойчей, да половчее, да посметливей — тот и катил сюда, корчевал тайгу, бил медведя и соболя, сеял хлеб, брал рыбу, пороги проходил из жерла в жерло. А у кого силенки не хватало — драпал назад или помирал.

Уцелели те, у кого дух крепкий. Помещика тут и слыхом не слыхали. Издавна сибиряки вольные.





И работяги. А кто глуп, без соображения, у кого мускулы жиденькие и духа нет,— тому тут делать нечего...

Я смотрел с палубы на скалистые берега, на хмурую синь тайги и слушал его с убитым видом. Я, конечно, понимал, что Гошка задается и немного рисуется передо мной, исконным горожанином. И все-таки каждое Гошкино слово ударяло меня по самому больному месту. Пожалуй, это верно: не всякий, кто живет в Сибири,— сибиряк, им надо стать, это звание надо заслужить...

А что знал я об этой земле раньше? Чем-то далеким, тоскливым и стылым веяло от этого коротенького слова — Сибирь. А теперь? Все оказалось не таким, как я думал. Кто, например, знал, что здесь растет прекрасная клубника, но нет ни одного, даже приблудного соловья, что мясо белки очень вкусное и медвежий окорок тоже вполне съедобен (медведя едят — смех один!), и Гошка пообещал угостить меня медвежатиной.

Если верить Гошке, в их области усиленно ищут нефть, бурят скважины, и не за горами день, когда где-нибудь забьет первый фонтан. Есть под их ногами и алюминий, и железо, и золото, но этот некогда драгоценный металл, за который люди душили, резали друг друга и даже объявляли войны, теперь не самый нужный и не заслуживает, чтоб о нем много говорили...

Ничего этого я раньше не знал. Даже Борис и тот знал, наверное, куда меньше Гошки! И только теперь, прожив здесь с добрый месяц, впервые почувствовал я, что тоже не совсем чужой в этом огромном и незнакомом мире и, может, когда-нибудь сделаюсь настоящим сибиряком...

— Ух и упарился! — В избу вошел Гошка, взял со стола горлач и стал жадно пить молоко. Потом, страшно разинув рот, откусил огромный кусок хлеба и начал так жевать, что родинки на щеке и уши заходили сверху вниз.— Ну, пора!

Минут через пять он оказался в потрепанном темном костюмчике и кирзовых сапогах, тех самых, в которых был на пароходе.

Во дворе, уже застегивая на ходу рубаху, бросил мне:

— Вон с того мыса лучше всего будет видно.

На лбу, на лопатках, на шее — на всем теле у меня выступила испарина. Только сейчас дошло до меня: значит, Гошка и не собирается брать меня с собой! Он только предупредил, чтоб я мог понаблюдать, как они будут спускаться через пороги...

— Ну, как-нибудь, Гош! — взмолился я.

— Отвались. Сам еле упросился у Васьки.

Говорил он это, быстро шагая от двора к шоссе. Я бежал за ним и тараторил:

— Гош, ну, как-нибудь. Я...

Гошка по-взрослому нахмурил лоб.

— Не получится. Я-то что, я бы взял. А вот Васька. Зверь, а не человек.

— Я его уговорю,— твердо сказал я.— Вот увидишь.

— А плавать-то хоть можешь? Или как топор?

— Умею. Я нашу Мутнянку переплываю.

О том, что ширина нашей речушки метра четыре, я, конечно, умолчал.

— Ладно. Только не хнычь и не ползай на коленях перед Васькой. Он таких терпеть не может... А вообще-то получится так: ты и на катер не попадешь и с берега не увидишь, как мы проходим... Как пить дать! Оставайся здесь, как другу говорю...

Я, конечно, не остался.

Самосвал, в кузов которого мы забрались, трясся на выбоинах, и мы на резких поворотах хватались друг за друга, подпрыгивая вместе с самосвалом, зажимали носы и рты: такая густая и удушливая пыль окутывала машину.

А вот и город, и улицы, и Ангара, и пристань. У одного из причалов уже стоял катер.

— Вона! — крикнул Гошка.— Васькин... Ну, соскакиваем...

Шальной, он даже не стукнул в кабину, чтоб шофер притормозил. И хотя ехала машина не быстро, я немало натерпелся страха, прежде чем отпустил руки, ухватившиеся за борт, и почувствовал под ногами землю...

Спрыгнул я не очень ловко и упал. А когда поднялся, Гошка был уже на причале.

20

— Вася! — кричал он, заглядывая то в рулевую рубку, то в салон.

Слегка прихрамывая, я подошел к причалу и услышал, как паренек в тельняшке, сидевший на носу с папиросой в зубах, сказал, что Василий в машинном.

Из открытого люка доносились спор, ругня.

— Чего-нибудь случилось? — встревожился Гошка.— Двигатель неисправен?

Паренек в тельняшке сплюнул через зубы в воду.

— У брата спроси.

Гошка сунулся было в люк, но из него в это время показалась кудлатая голова, и, подтянувшись на руках, на палубу вылез человек в синем кителе.

— Вась,— подлетел к нему Гошка.— Что такое?

— Ничего,— сказал человек,— напрасно торопился, не пускают,— и он стал что-то быстро и неразборчиво говорить.

Я беспокойно заходил по причалу. Капитан катера, признаться, не произвел на меня никакого впечатления: сутул, кривоног, мрачен, лицо в крупных оспинках. Да и был он слишком молод для капитана: лет тридцать, не больше.

Я не слышал, о чем капитан говорил, но о чем-то таком, отчего у Гошки глаза полезли на лоб.

— А как же с баржей? Она ведь нужна на переправе... Тех, что есть, мало! — вспылил Гошка.

— А ты чего на меня кричишь? Я, что ли, запрещаю! — крикнул Василий.

Гошка чуть отступил назад. Он задыхался от ярости. Ноздри его маленького веснушчатого носа раздувались.

— Только чтоб старику ни-ни! — предупредил Василий.— Мы покуда скрываем от него: может, Серегин еще добьется чего...

— И правильно делаете,— сказал Гошка,— старик есть старик.

Увидев меня на причале, махнул рукой:

— Залазь сюда! Тут такие дела, а он шатается по пирсу ручки в брючки.

Я только и ждал, когда Гошка меня заметит. Я быстро переступил узкую щель с двумя кранцами, отделявшую катер от стенки.

Команда была так возбуждена спорами, что не заметила моего присутствия, а потом люди привыкли ко мне, тем более, что меня знал капитанов брат.

От Гошки я узнал, что начальник строительно-монтажного управления не разрешает везти алебастр водой, лучше, говорит, на машинах — дороже, но верней... Тпру — и только. И до баржи, которая позарез нужна на переправе, ему дела нет.

— А дедушка еще не прибыл? — спросил я.

— В том-то и дело, что слишком давно прибыл, а вырядился как, видал бы ты! Точно на атомоход «Ленин» поступает... Вот там он.— Гошка кивнул на носовой салон.

Гошка не без хвастовства сводил меня в кормовой кубрик, показал молочные плафоны в подволоке, заставил посидеть на полумягких стульях и диване и, пока я озирал уют и роскошь, сообщил, что катер этот в сто пятьдесят лошадиных сил, полуморского типа и по паспорту имеет даже право ходить в прибрежной зоне морей при волнении не выше пяти баллов... Словом, не катер, а настоящий корабль...

— А где же дедушка? — Мне так не терпелось увидеть героя Гошкиных рассказов.

Ведь никто, как он, не знал ангарских порогов. В колхозе он работал конюхом, чистил скребком лошадей, задавал в ясли корм, гонял на Ангару купаться, бегал за ветфельдшером. С этим справился бы любой деревенский житель, но каждый ли крестьянин может стать лоцманом на Ангаре?

Дедушка был замкнут, и никому, даже в своей семье, не рассказывал, как научился этому делу. И лишь однажды в порыве непонятной откровенности поведал сыну, Гошкиному отцу, как это было. Гошкин прадед, тоже известный лоцман, изредка за немалые деньги проводил через пороги купеческие баржи на Лену, но как ни просил маленький Никифор, не хотел обучить его своему рискованному делу. И лишь когда дедушке стукнуло двадцать лет, взял его отец с собой на баржу, поставил рядом к штурвальному колесу и сказал: «Примечай».

Только одно слово сказал.

И баржа понеслась вниз, от одного берега к другому, меж камнями и глыбами, с одной струи на другую — успевай лишь штурвал кидать из стороны в сторону. А чуть зазеваешься — ударит о скалу, перевернет, от баржи груда щепок останется, а тебя поминай как звали!

Дедушка вцепился руками в борт, все замечал, и никакой страх не мог отшибить у него память. Кто из деревенских не мечтал стать лоцманом! Многих ставили вот так к рулю рядом с лоцманом, да толку-то что: ужас отшибал память, клекот да рев оставались в голове...

— Приметил? — спросил у дедушки отец, когда они вернулись.

— Да, батя...

И дедушка не обманул отца.

Своему искусству он обучил и сына, Гошкиного отца, а отец — своего сына — Гошкиного брата Василия...

Ах, как не терпелось мне увидеть дедушку Никифора!

Он сидел в носовом салоне, гладко выбритый, в морской фуражке и кителе. Китель был старый, в несводимых пятнах машинного масла, штопаный-перештопанный. И я подумал, что эта бережно хранимая одежда, наверное, была извлечена из древнего сундука (не ходить же в ней в конюшню), тщательно отутюжена и торжественно надета сегодня утром: ведь его поставят сегодня шкипером на баржу...

Старик был худ, недружелюбен, не ответил на мое приветствие. Он сидел, ссутулясь, у стола и читал газету. Среди блеска никеля, стекла и роскоши обивки он казался старым и каким-то лишним.

— Ну, что там, наверху? — спросил он, не отрываясь от газеты.

— Готовятся,— неопределенно пробормотал Гошка.

— Это я видел и час назад, а сейчас?

— Скоро, наверное, пойдут,— соврал Гошка и сжал мою руку: не выдай, дескать.

— И что за народ пошел. Ни время, ни имя не уважает.

— Постой, дедушка, осталось немножко...

Гошкина политика была ясна: всеми правдами и неправдами задержать дедушку внизу, в неведенье, иначе бы он мог обидеться на все и уйти.

Сверху послышался шум, и мы с Гошкой пулей бросились по трапу вверх.

По причалу к катеру шел грузный человек.

— Начальник водного участка,— шепнул Гошка,— ходил в СМУ проситься...

Команда сгрудилась у левого борта. Под тяжестью начальника катер вздрогнул.

— Заводи мотор,— сказал начальник,— и побыстрее.— И, отдышавшись, добавил: — А то передумают, черти...

Так я без всяких унизительных просьб и хитростей оказался на борту: в суматохе отхода было не до меня.

Как только судно затряслось от работы двигателя, на палубе появился дедушка, подтянутый и бравый. Он молодцевато блеснул надраенными пуговицами.

— Слава тебе, господи!

Когда катер подошел к барже с двумя сотнями тонн алебастра, дедушка с удивительной легкостью перепрыгнул с борта на борт и встал у штурвала на корме.

А потом развернулись и пошли по течению. Вот уже позади городок, причалы, пристань. Нырнули в пролет моста и полным ходом двинулись вниз. Солнце стояло над головой, речной ветер студил лица.

— Вон куражится первый.— Гошка кивнул в даль Ангары.

— Что-что? — спросил я, чувствуя странную дрожь и неприятный холодок во всем теле.

— Порожек... Видишь, белые барашки?

Я не видел ровным счетом ничего из-за подступившего волнения, но Гошка мог еще подумать, что я трус или близорукий.

— Вижу,— сказал я.

Я справился с волнением и в самом деле увидел чуть левее огромной дымчатой сопки пенистые гребешки.

Катер с баржей неслись вниз, течение усиливалось, гребешки быстро превратились в буруны. Вся Ангара вдруг резко изменилась: от берега до берега клокотала вода, обнажая то здесь, то там черные спины плитняка.

Тяжелым и тупым, все нарастающим ревом встречал нас порог. Берег — в камнях, дальше — сопки, тайга. А потом — небо и солнце.

Рев уже покрывает шум мотора. Вода подпрыгивает, завивается воронками, мечется перед плитами, отскакивает в пене, грохоте, визге, очертя голову бросается вниз. Рев такой — рта не раскрывай: все равно ничего не услышишь!

А катер с неуклюжей баржей мчится вниз, на эти камни, навстречу своей гибели. Камни, сопки, гребни, солнце заплясали перед моими глазами, и в тот момент, когда ноги мои подогнулись, а пальцы на поручнях стали разжиматься, Гошка втолкнул меня в дверь рубки.

Я привалился к стене за спиной капитана. Ох, как мне было нехорошо! Никому не советую испытать такое.

Дурнота проходила, и в оглохшие уши снова стали входить рев и свист, а в глаза — пляшущий блеск воды. И еще, что я увидел,— руки. Худые и цепкие, в шрамах и ссадинах руки Василия. Они лежат на штурвале. И как ни рвет течение штурвал, ни дергает, руки удерживают его, крутят то вправо, то влево. И катер несется, виляет по этой сумасшедшей кипени волн...

И лицо у капитана серьезное, губы сжаты. Все замечает он: и кривую березку на берегу, и зубчатую плиту по левому борту, и с бело-красным вымпелом буй, и по этим одному ему известным приметам ведет катер, обходит подводные глыбы, проскакивает пороги... Чуть ошибись, спутай береговой ориентир, зазевайся, вовремя не переложи руль — швырнет на глыбу!

Баржа неслась следом, то натягивая, то ослабляя трос. Когда ее подымало на волне и корма взлетала вверх, я видел дедушку. Он, казалось, висел на штурвале. Вода вокруг пенилась, клокотала, и я был уверен: сейчас баржа черпнет бортом и пойдет ко дну,— но она ловко увором... уворачивалась от волны, и было видно, как дедушка, весь мокрый и растрепанный, стремительно перекатывает ручку штурвала.

— Как там дедка? — время от времени, не оборачиваясь, спрашивал Василий у начальника водного участка.

— Что надо!

Внезапно сильное течение кинуло баржу влево. Трос натянулся, катер застыл на месте. Баржа меж тем неслась на бурун.

— На камни летит! — крикнул начальник, и кровь схлынула с его краснощекого лица.

Василий с силой повернул тугой штурвал. Катер, круто завернувшись, пошел против течения, а баржа чиркнула бортом по буруну и пронеслась мимо.

Начальник выдохнул. Кровь стала медленно возвращаться к лицу.

— Новая струя! — крикнул капитан.— В том году не было.

Когда проскочили порог, я вышел из рубки. Я отдыхал от напряжения и страха, вдыхал прохладу, жадно глядел по сторонам.

Мимо проходили острова, заросшие негустым лесом, тянулись низкие луга, и совсем не верилось, что пять минут назад эта гладкая и чистая вода неистовствовала, бурлила, разорванная на сотни струй. Нервишки мои успокоились. Ох, и гадкое это дело — расшатанные нервишки!

Впрочем, течение постепенно увеличилось, спереди доносился, все нарастая, шум, и катер с баржей несло в разинутую клыкастую пасть второго, самого грозного порога.

Черные, как гнилые зубы, камни то вылезали из воды, то проваливались, захлестываемые гребнями волн.

Река ходила ходуном, гнала косые валы. И хотя я, можно сказать, был уже не новичком в этом деле, душу мою опять медленно забирал страх, и я попятился поближе к рубке...

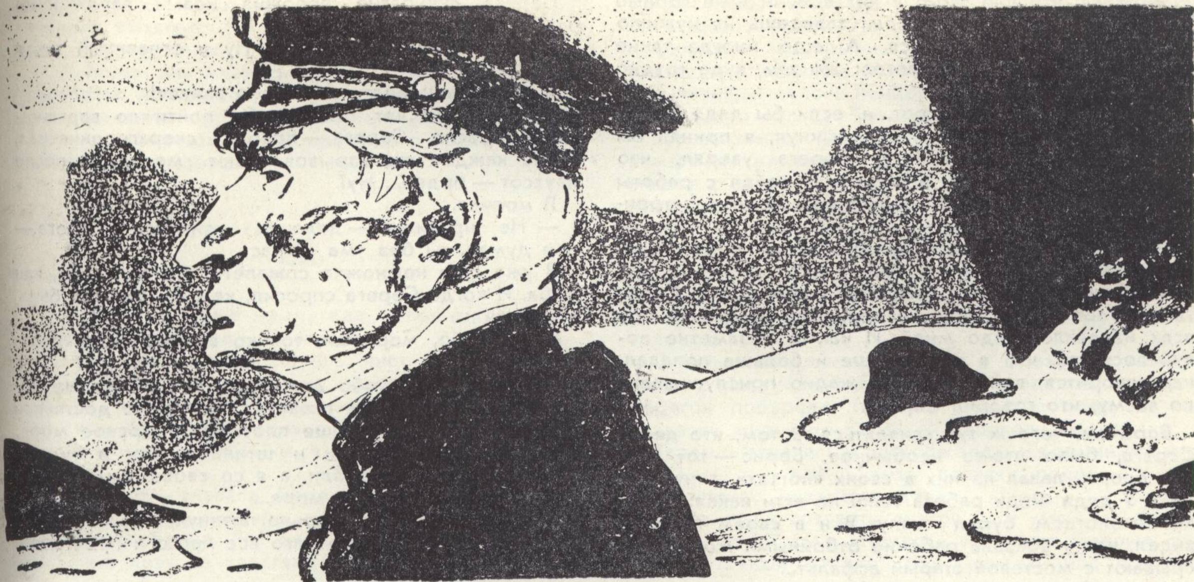
Гошка же — черт бы его побрал! — и внимания не обращал на приближающийся рев. С головы до ног мокрый, с всклокоченными волосами, он держался возле матросов, помогал измерять шестом глубину, спускался зачем-то в машинное отделение и сидел у стального крюка-гака, глядя на буксирный трос.

Ну, как тут спрячешься в рубку! Ведь прохода потом не даст. И я стоял у рубки, вцепившись в поручни, точно меня приварили к ним. Намертво стоял.

И снова рев. И брызги встают выше рубки. А корпус катера судорожно сотрясается и ноет под ударами валов и проносится меж кривыми черными плитами, прыгая то влево, то вправо.

И я не ушел. Я выстоял этот страшный порог.

Но еще не все. Чуть пониже его — улово: огром-



ный, на полкилометра водоворот. В нем неторопливо кружатся обгрызанные, измочаленные на камнях стволы сосен, остов рыбацкой лодки, сучья и шапки пены.

Бревна, как торпеды, застучали по корпусу, и Василий, лавируя между ними, уводил катер от прямых ударов и ставил под косой, скользящий, неопасный удар. Такой удар не мог помять обшивку корпуса. И снова от левого берега шло навальное течение, занося баржу в сторону. Рывок штурвала — и катер стал носом к течению, и опять трос напрягся, и баржа выпрямилась...

Гошка помахал руками в воздухе и послал дедушке рукопожатие.

— Нормально!

Тот в прежней позе стоял у штурвала: чуть сгорбившись, широко расставив ноги.

— Теперь все? — спросил я усталым от долгого напряжения голосом.

— Почти,— улыбнулся Гошка,— еще один орешек раскусим, и тогда будет все... Недолго уже.

А с Ангары опять надвигался глухой и недобрый шум...

21

А потом я ступил на землю, крепкую и надежную, и опустился в траву. Над лугом летали стрекозы, и, наверное, стрекотали кузнечики. Об этом я мог только догадываться, потому что в ушах стоял рев и грохот, а земля вместе со мной качалась, кренилась справа налево и все норовила опрокинуться, и я крепко держался за нее руками...

Через час, пошатываясь, пошел я в поселок через луг, и шатался я не потому, что под ногами были кочки и выбоины. Меня все еще шатала река. Берега, небо, сопки, поросшие тайгой, солнце — все это теперь казалось не совсем таким, как утром, и я сам не мог понять, что со мной случилось, почему мои глаза стали смотреть на мир по-иному...

А когда я пришел наконец к палатке, Марфа чистила картошку.

— Пособирай щепок,— сказала она и как-то особо посмотрела мне в глаза.

Я кинулся искать топливо, принес несколько ведер, вывалил возле плиты и брякнул:

— А я через пороги прошел.

Марфа подняла голову.

— На катере,— пояснил я,— через три порога.

Марфа смотрела на меня примерно так, как смотрели бы на человека, который объявил бы, что побывал на Венере или Сатурне.

— Не веришь? На, попробуй — мокрая еще! — Я протянул ей полу курточки.

Марфа и Борис, кажется, поверили после подробных рассказов, как все было. Поверили и Катя с Верой, и дядя Федя с Колей, но что касается Сереги, так он несколько дней поднимал меня на смех, как только я пытался заикнуться об этом рейсе через пороги.

— Ты что, считаешь меня за дурачка?

Я убеждал его, вызывался начертить точную карту рейса. Но Серега только отмахивался, плутовато подмигивал дяде Феде:

— Какой герой, а? Слышишь, ты поверил бы, что к тебе в колодец спустился бы вот такой оголечик и поджег бикфордов шнур, а? Заливай, да знай меру.

Даже слезы выступили на глазах у меня. Не верит...

— Да я не про взрывы, я про пороги!

— А какая разница? Там, может, еще рисковей, чем у нас... И потом, почему в газете о тебе ни слова?

Это была правда: в местной многотиражке и в областной газете появились заметки об этом рейсе, упоминались имена Гошкиного брата и механика, начальника участка, дедушки-шкипера и даже матросов. А вот о нас с Гошкой ни слова. Я хотел было привести Гошку, пусть подтвердит, но потом раздумал: еще сболтнет, что я не очень-то героично вел себя на катере...

И самое плохое было то, что своим неверием Серега сеял сомнение и у других жителей палатки, особенно у Коськи. Вообще Серега не считал меня серьезным человеком. Он насмешничал и разыгрывал меня. Как-то я спросил у него, как они закладывают в скалы взрывчатку. Серега без улыбки

утверждал, что для этого у них есть особые горные мины с часовым механизмом: заведешь на нужную минуту — мина и взорвется. А еще иногда такие мины сбрасывают с самолетов: это там, куда трудно забраться взрывнику...

Я слушал, приоткрыв рот, и, если бы дядя Федя, тоже слушавший все это, не хмыкнул, я принял бы брехню за чистую монету. Серега уверял, что все это сущая правда, и однажды, зайдя с работы домой, достал из брезентовой сумки медный патрончик и сказал:

— Вот он, взрыватель мины... Убери руки — взорвется...

Я обижался, злился, пытался ссориться с Серегой, но тот даже ссору не принимал всерьез и при всех издевался надо мной. И как-то незаметно получилось так, что я все больше и больше попадал, как говорится, в его орбиту, жадно прислушивался ко всему, что говорил Серега.

Впрочем, чего ж тут удивляться. В том, что делал Серега, было что-то необычное. Борис — тот ставил опоры, лазал на них в своих «когтях», тянул линию. У дяди Феди работа тоже не ахти какая: буровым молотком бурил скалу. Я и в своем городке видел, как у вокзала рабочие отбойными молотками срывают с мостовой старый асфальт...

А вот Серега имел дело со взрывчаткой. Шутка сказать! Он, как и все мужчины, по утрам уходил из палатки и потом даже за десятки километров давал о себе знать взрывами, и подчас такими, что земля под ногами сотрясалась, оконце в палатке исходило дрожью... Потом Серега являлся с работы запыленный, усталый, брызгался, как маленький, у рукомойника, лил за шиворот воду своему неуклюжему Коське, весело переругивался с женой по поводу «небольших габаритов» котлет и аппетитно хрустел свежими огурцами, не переставая клясть тех, кто привозит их сюда с юга и продает по трешке за пару...

Наконец, не вытерпев, в одно из августовских утр я вынырнул из-за ствола лиственниц перед Серегой. Серега, сидевший под кустами ольхи, среди надорванных мешков и рыжих обрывков бумаги, вскинул голову:

— Тебя звал кто-нибудь? По пригласительному билету или зайцем?

«Сердится — это хорошо,— подумал я,— не будет так задаваться».

— Не знаешь, что посторонним запрещается быть в расположении бригады? — Серега пододвинул поближе к себе связку черных бикфордовых шнуров с медными капсюлями на конце.

— Откуда мне знать?

— Сиди и не приближайся.— Всегда смешливое лицо Сереги с круто торчащим, как у циркового клоуна, носом на этот раз не было расположено к улыбкам.

Он навертывал на деревянную болванку шуршащую, как жесть, пергаментную бумагу и совком засыпал в бумажный стакан аммонитку — белый порошок — из надорванного бумажного мешка. Потом вставил внутрь капсюль с куском шнура.

Под кустом, на обрывке мешка уже лежали рядком похожие друг на друга, как родные братья, шесть патронов с хвостиками.

— Мины? — спросил я, все сразу поняв.

— Эге.— Серега продолжал уминать пальцами аммонит в стакане, крошить комки.— Больше вопросов нет? Поди-ка прогуляйся. Не люблю я, когда возле аммонита посторонняя шпана сидит.

— Не хочу я гулять,— сказал я,— нагулялся, как к вам тащился. Едва нашел...

Серега аккуратно положил новый заряженный патрон к остальным.

— И медведь не задрал? Ну и отчаянный ты, я вижу...

Я насупился: опять за старое взялся!

— А как насчет того, чтобы пойти во взрывники? — спросил Серега.— Работа сверхгероическая, после каждых ста взрывов дают медаль, а после двухсот — орден... Ну?

Я молчал.

— Не нравится? — деланно удивился Серега.— А я думал, ты без ума от нас...

Я уже стал немножко сожалеть, что вел себя, как рыба. И когда Серега спросил, кем бы я хотел быть, я выпалил:

— Конечно, моряком, только вот до моря далековато!

— Ничуть. Мы тебе его сюда, как щенка на цепочке, приведем. Так сказать, закажем с доставкой на дом. Разольется выше плотины Ангарское море, широкое, со штормами и штилями. Вот и будешь водить по нему корабли, а я со своей аммониткой поеду готовить другие моря...

Я улыбнулся и машинально потянулся за обрезком бикфордова шнура. До чего все легко и просто получается у Сереги!

— А ну положи шнур!

Я бросил его на траву.

— Лучше тупые буры прибери... И не надрывайся, по одному: тяжелые...

Скоро стук в колодцах стал затихать. Рабочие, находившиеся вверху, принялись крутить ручки воротов, и из колодцев стали появляться бурильщики. Среди них я едва узнал дядю Федю. Огромный, неуклюжий, он вынес ногу из бадьи, размял спину, потом снял с лица маску-респиратор и плюнул на землю. Слюна была зеленая.

Да и все лицо его было заляпано зеленой жижей. Уши, лоб, щеки — все покрывала корка грязи и размолотой в пыль диабазовой скалы.

— Воды в колодцах черт знает сколько. Чуть не по колено.

Пока дядя Федя менял вату в коробочке респиратора, предохранявшего легкие от пыли, в его колодец опустили шланг, и застучал маленький насосик, толчками выплевывая мутную воду. А потом бурильщики снова полезли под землю, и над колодцами снова закурились ядовитые зеленоватые дымки...

Быстро неслось время, я и не заметил, как бурильщики закончили шпуры. В них вставили приготовленные Серегой патроны, подожгли бикфордовы шнуры, и один за другим стали гулко лопаться выстрелы.

А вечером все гурьбой повалили к Ангаре мыться. Стащив куртки и майки, забравшись на камни, ополаскивались до пояса, смывали с лиц зеленый «грим», въевшуюся в поры каменную пыль, оглушая Ангару воплями и смехом.

Правда, брызгались и норовили столкнуть друг друга в воду те, что помоложе, но никому не было скучно. Ко мне подошел Серега.

— А ты чего не раздеваешься?

— А я не грязный.

— Ах, ты чистенький! Сейчас устрою тебе мойку!

Я, конечно, немножко повизжал по привычке и не то, что сопротивлялся, а даже помог взрывнику стащить с себя одежду, и мне совсем не было страшно, когда Серега поднес меня к реке и стал широко раскачивать над водой.

— Сполосну сейчас, а? Будешь жаловаться брату?

— А то как же.— Я сам стал ополаскиваться.

Крутая вода ломила косточки, обжигала кожу, спирала дыхание. Но зато потом, когда я оделся, телу было приятно, легко, радостно.

...А потом мы мчались по тайге назад. На редких поворотах и колдобинах оставшиеся мешки аммонита тревожно терлись о борта машины, стальные буры с победитовыми коронками с грохотом подпрыгивали в кузове.

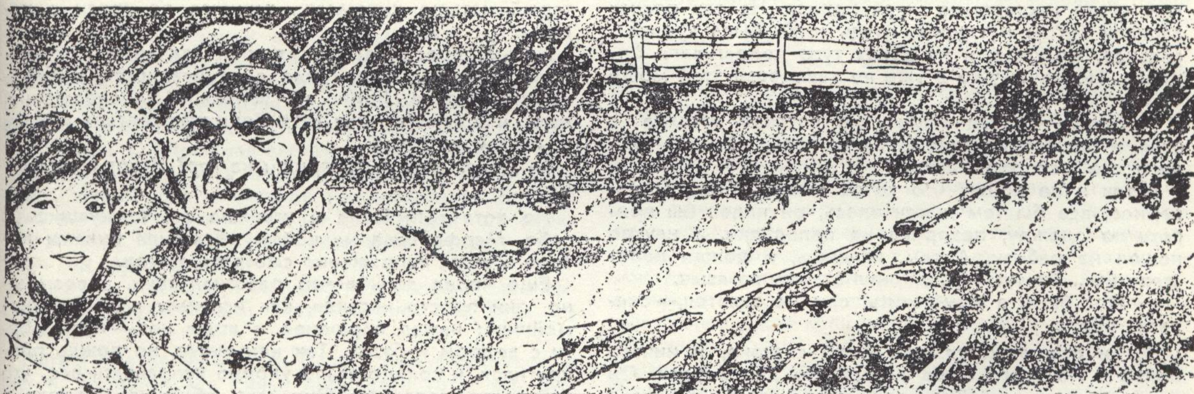
22

В палатке нас уже ждала еда, и Борис, обжигаясь горячей картошкой, рассказывал:

— Ого, меня не проведешь, инстинкт, можно сказать, выработался: гляну на опору и уже вижу, надежная ли. Если сомнительная — лезу на одних «когтях», без пояса. Только качнется столб, накренится — сомкну ноги — и в сторону, иначе придавит.

— Весело,— сказала Вера, опасливо поглядывая на мужа, тоже монтера.— И часто ты так прыгал?

— Не особенно. Раз пять. Однажды чутье подвело меня: лезу на «когтях», пояс для прочности затянул, взобрался на макушку, слышу — столб мой кренится, ну, думаю — хана, вырвал «когти», обхватил столб и — юзом сиганул вниз, как мальчишки с соседских яблонь, когда накроют...



Примостившись на уголке стола, я улыбнулся. После ужина я долго сидел возле палатки и слушал, как Борис играл на баяне. И хотя недалеко от нас, возле клуба, была танцплощадка и по вечерам ветер доносил оттуда вальсы, на баян сошлись жители окрестных палаток.

Баян принес знакомый плотник, и Борис, усевшись на табурет, подбирал «Амурские волны». С реки долетал усталый шум порогов, смеркалось, над сопками меркли медные полосы заката. Я сидел рядом с братом и осторожно, чтоб не помешать музыке, убивал на его лице, шее и руках комаров. Их было сегодня не очень много, но даже если б они тучей напали на Бориса, он, наверное, и не заметил бы их — так взяла его музыка.

Вообще в палатке брата любили. У него брали почитать книги, которых он за эти месяцы напокупал видимо-невидимо, ему охотно одалживали деньги, помогали подремонтировать пол.

И может быть, если б не затяжные дожди, которые полили в сентябре, мы бы свыклись с палаткой и спокойно бы жили под ее непрочной крышей до тех пор, пока не пришла бы очередь переселяться в щитовой дом. Но полили дожди.

Они шли непрерывно. И в этом угрюмом постоянстве чувствовалась нехорошая сила. Хоть бы один-два ливня, и дело с концом, небо прояснилось бы и дало место солнцу. Так ведь нет.

Все поплыло. Самосвалы буксовали на дорогах, наматывая на скаты пласты клейкой глины вперемешку с гравием и травой. Перебраться через дорогу можно было только в резиновых сапогах. Чтоб пройти по скользким, набухшим и полузатопленным доскам в палаточный городок, нужны были героические усилия. Под дощатым настилом палаток журчала вода, и по ночам, ежась и кутаясь в одеяло, я слышал неуютный плеск внизу, шелест дождя над головой.

Сквозь заштопанные дырки в брезенте капало. Воздух, как губка, был насыщен сыростью. Ангара у берегов побурела, приняла лишнюю воду, и, как казалось мне, еще яростней заревели пороги.

Везде плескалась и шумела вода, и временами мне чудилось, что дождь смыл палатку, поднял на волну и понес неведомо куда.

Обед стали готовить внутри, и у меня от копоти и керосинной вони мутилось в голове. Первые сутки палаточные жители подтрунивали над дождем.

— Прорвало небесную плотину,— замечал Серега,— плохо они там свою заоблачную реку перекрыли.

На вторые сутки тот же Серега, наматывая на ноги портянки, неопределенно буркнул:

— Мостки получше проложить не могли...

А на третьи сутки проклятья посыпались градом, и все они были адресованы начальнику коммунхоза. Его кляли и за то, что палаточный брезент не меняется, не чинится и протекает, что городок разбили в низком месте и вся вода, стекающая к реке, буквально затапливает его.

Особенно сильно шумела Вера. С ее лица не сходило брезгливое выражение, и она проклинала уже не только нерадивое начальство, но и тех, кто жил в теплых деревянных домах, спал под сухим одеялом и поплевывал на все капризы природы...

Дольше всех не высказывал своего отношения к дождям Борис. Вернее говоря, он больше других иронизировал над дождем.

— Ну и упрямый, гадюка, и не надоест ему поливать нас.

Или:

— Ох и скукота же! Заладил одно и то же, на одной ноте, хоть бы через сутки мотив менял.

На третьи сутки голос Бориса стал тяжелее, упря-

мей. Сунув руки в карманы, он ходил по доскам, переступая через таз и кастрюльки, подставленные под протекавшие в брезенте места, и ежился от сырости.

— Весело! И какой это олух царя небесного выдумал палатку? Привести бы его сюда хоть на час...

Здесь случайная капля, оторвавшись от потолка, падала ему за шиворот, и он, страдальчески морщился.

— Мерзость!

Лил дождь. Но работ на стройке он не прекратил. Борис приходил из тайги до нитки мокрый, мы с Марфой выжимали его одежду, развешивали у печурки, и он сидел в одних трусиках у огня, весь посиневший от холода. Однажды он пришел особенно не в духе и попросил Марфу:

— Давай скорее жрать. Помираю.

— Потерпи немного,— сказала Марфа,— наша очередь на печку после Кати.

Тут Борис не сдержался и выругался:

— Дожили. На печку — и то очередь. А чем угощать-то будешь? Умудрила что-нибудь?

— Ты ведь знаешь, Боря.

— Ох, скоро от этих консервов заворот кишок будет! Ни черта хорошего не везут, носороги!

Он сидел, сиротливо поджав коленки, смотрел в огонь, такой задумчиво скучный и притихший, что мне стало нестерпимо жаль Бориса. На его плечах застыли бугры мускулов, грудь тоже была крепкая, сильная, широкая, и на руках туго подрагивали бицепсы. Но почему-то я уже не завидовал этой мощи брата.

— Глупо,— сказал Борис, не спуская взгляда с огня, и пошевелил занемевшими пальцами ног.— До чего же все это глупо.

Я так и не понял, что хотел сказать брат, и, наверное, все бы тем и кончилось, он надел бы просохшую одежду, поворчал на неполадки, а наутро пошел на работу. А там, глядишь, и дожди перестали бы... Но тут черт дернул Марфу за язык.

— Мог бы и в доме жить, сам не захотел,— сказала она.

Вот и все, кажется, что было сказано, и ничего больше. Но этого было достаточно для Бориса. Он странно вдруг преобразился, задумчивость и печаль сразу исчезли с его лица. Он встряхнул длинными волосами.

— А как я должен был поступить? — Он все повышал голос.— С ребенком ведь она... Что я, не человек?

Я притих в уголке. Никогда не видел я брата таким.

— Человек,— пропела Марфа, но таким тоном, что всякому было бы ясно: не очень уж он стоящий человек.

— Марфа! — крикнул Борис, и лицо его исказилось от боли.

— Ну? Чего тебе?

И пошло, пошло. Если б даже у меня была память, как у счетной машины, не запомнил бы я всего того, что наговорили они друг другу. И кончилось все тем, что Борис вскочил с табурета и стал поспешно натягивать сырые штаны и рубаху, потом накинул брезентовую куртку, тоже насквозь пробитую дождем, открыл дверь — завизжал на проволоке кирпич, и где-то во тьме, за хлопнувшей дверью, зачавкали шаги по жидкой, расхлябанной земле.

Я сидел как оглушенный.

— Не хватало еще,— сказал дядя Федя,— все, кажется, было на месте, жили как люди, а тут на́ тебе... Неладно...— Он махнул рукой и ушел в свой закуток.

Вера, хранившая во время спора молчание, тоже бросила фразу:

— А чего он ко всему цепляется? Дай вашему брату слабину — на шею сядете.

Серега оказался менее многословным.

— Дураки,— бросил он,— делать больше нечего.

Марфа никому не отвечала, лицо у нее как-то странно застыло, губы сузились, поджались, и никак нельзя было понять, радуется она, что не отступила, не умолкла вовремя, или сожалеет об этом.

Ссорились в палатке довольно часто, и чаще всего тетя Вера с мужем. То он оставит в винном отделе магазина лишнюю десятку, то явится домой в полночь, но о том, насколько серьезно Борис поссорился с Марфой, я догадался только поздно вечером: брат не вернулся домой.

Вначале Марфа будто не обратила на это внимания, получше укрыла клеенкой от капель и дождевых струек книги, приготовила чай, прибралась. А потом я вдруг услышал за стенкой ее громкий шепот, всхлипывания и слова тети Поли:

— Не бойся, у товарищей обсушится... Не старый, ничего с ним не сделается.

Я не знал, как относиться к случившемуся. Конечно, Марфа права: куда лучше было бы жить в деревянном доме, но, с другой стороны, не следует особенно злить человека, мокрого и голодного, который четыре километра тащился по грязи с работы.

Ночью, просыпаясь, я слышал вздохи и всхлипывания Марфы: встала она с осунувшимся, побледневшим лицом. Борис не явился и на следующий день, и я слышал, как тетя Поля прошептала Марфе в своем закутке:

— Денег нет? А товарищи на что? Накормили, небось...

Но хотя тетя Поля и утешала ее, вернувшись к себе, Марфа села на койку, обхватила руками колени и стала напряженно смотреть в угол.

Еще через день ветер разогнал тучи, а возможно, они просто иссякли, как иссякает вода в рукомойнике: нажал поршенек, а воды нет — пусто, беги с ведром к будке. Так или иначе, но дождь прекратился, и солнце стало упорно исправлять все, что натворила непогода. Оно уже обсушило дорогу и доски тротуарчиков, выпило неглубокие лужицы и влагу с лужка, а Борис все не являлся в палатку. Правда, дядя Коля сообщал вслух — так чтоб и Марфа слышала,— что видал его в бригаде живым и здоровым, и это чуть успокоило меня.

Несколько раз уже обегал я все палатки в поисках Бориса, расспрашивал у знакомых мальчишек — брата в палаточном городке не было: очевидно, поселился где-нибудь в верхнем поселке, расположенном прямо в тайге.

И всякий раз, когда я прибегал ни с чем в палатку, я тоже не докладывал Марфе прямо: дескать, Борис нигде не обнаружен. Я отлично понимал, что ей не хочется показывать другим, как она волнуется и переживает. И потому что я хорошо знал это, я при Марфе говорил Коське:

— А ты знаешь, я Бориса искал, где только не был!..

— Не бойся, вернется,— отвечал Коська.

Ах, как хотелось стукнуть его по круглой башке, но я сдерживался.

— Сам знаю. Его видали в магазине и на почте.

И всякий раз после такой беседы я ловил на себе благодарный взгляд Марфы.

До чего же все получилось нелепо! Повздорили немного, подумаешь, велика беда, так нет же: хлопнул дверью и ушел. Обиделся, дескать. Живет себе

где-то, как подпольщик, на конспиративной квартире, и нет ему никакого дела, что Марфа плачет по ночам, а днем ходит с опухшим от слез лицом и делает вид, что ничего не случилось.

А разве думает он обо мне, своем брате?

Плевать ему, если попаду я под самосвал или утону в реке. Брат называется! Правда, я не из тех, которые тонут: после рейса через пороги мне все трын-трава! Но ведь надо же проявлять хоть маленькую заботу о братишке!..

Я сам себя утешал, крепился, пропускал мимо ушей наглые заявления мальчишек: «Ну как, беглец не вернулся?» Но все-таки до чего же опостылела мне жизнь без Бориса! За стенкой Серега пересмеивается с Катей, Вера бранится с дядей Колей, дядя Федя баском укоряет в чем-то тетю Полю, а здесь живи немым, как рыба, да гляди в грустные синие глаза Марфы! Даже брань в нашем закутке и то, кажется, обрадовала бы сейчас меня...

Нет, Борис, нельзя так.

И откуда было знать мне, что Борис вернулся в то время, когда Марфа полоскала в Ангаре белье? Я, исполнявший обязанности носильщика, смотрел, как Марфа, подоткнув подол старенького сарафана, с небольшого гладкого валуна полоскала мои и Борисовы майки и ковбойки, пускала по течению, резко двигала из стороны в сторону, выжимала и бросала в таз.

Я давно уже привык к натруженному, усталому реву порогов, к черным спинам тысяч камней, и убери сейчас этот шум — мне будет не хватать его. У грозных порогов паслись на привязи чьи-то козы, валялись битые бутылки и консервные банки. Я смотрел на них и вспоминал своего дружка Кольку, главного ракетостроителя нашего города, и было ясно одно: теперь бы я никогда не согласился быть у него на побегушках и уже не дрожал бы при скрипе калитки... А что касается сахарного гороха — пропади он пропадом!

Впрочем, сейчас и Кольке нечего пугаться: его сестру увез сюда Борис... Опять Борис... Ах, будь он неладен!

Потом я стал выжимать белье, уже сложенное в таз, и, напрягая все силы, добивался того, что выгонял из жгута по струйке воды. Не то что прежде: ни капли не мог выжать после Марфы!

А потом мы несли белье к палатке, нам повстречалась ватага мальчишек, и мне стало смешно оттого, что когда-то мы с Колькой стеснялись даже развешивать на веревках белье. Ну и дурачье!

А когда мы пришли в палатку, там сидел брат.

— Боря! — вскрикнула Марфа и чуть не уронила таз с бельем.

— Он самый.— Брат, не поднимая головы, листал за столом «Новый мир».

Марфа напряженно смотрела на него, и лицо ее каждое мгновение менялось.

Я застыл, ожидая, что будет дальше.

— Есть хочешь? — спросила Марфа.

— Нет.

«Только-то,— подумал я,— больше и сказать нечего, а не видались-то целых три дня».

Так до самой ночи ничего особого и не сказали они друг другу, а когда маленькая стрелка будильника подползла к двенадцати часам, меня стало клонить в сон, и я так и не узнал, состоялся ли разговор. А через неделю все пошло по-старому, и я забыл об их разладе.

Давно отгремел у Ангары чудовищный массовый взрыв, о котором я узнал от Сереги, когда был в бригаде. Между поселком и городом стали ходить еще два пассажирских автобуса, и сообщение более или менее наладилось. На домах появились три новеньких почтовых ящика, и теперь не нужно было бежать с письмом за километр. Просто странно было подумать, что когда-то мы жили без электричества: во все палатки провели и свет и радио, даже на улице и там загорелись фонари...

Однако острее всего запомнил я тот день в конце октября, когда сломали первую палатку. Я вернулся из школы и даже успел сделать уроки, когда ко мне прибежал дружок Иван.

— Ломают! — крикнул он.— Будут дрова!

Брезент палатки свернули и увезли на склад, а перегородки и полы разрешили пустить на топливо, и я приволок домой с десяток досок. У палатки я принялся рубить их топором.

Когда я разделывался с последней доской, подошел Борис в заляпанных грязью сапогах.

— Так ее, так... Скорей бы и до нашей добраться!

— Теперь уж недолго,— сказал я и набрал в охапку дров.

Настали холода, и вся жизнь ушла под брезент, в тесные клетушки. Женщины, устроив однажды субботник, тщательно залатали брезент, забили щели в полу паклей и кусками старых валенок. В октябре гнус исчез, и Марфа оказалась безработной. Она до весны пошла работать в столовую, до тех пор, пока не появятся ее «кормильцы» — мошки и комары. Осень была сухая, и я из школьных окон видел тайгу: литым золотом горели лиственницы перед тем, как сбросить свою мягкую узорчатую хвою, ярко рдели рябинки, и остроголовые сопки стали туманней, точно отдалились.

А однажды утром я вышел из палатки и замер, услышав свои шаги: они были тупые и твердые. Наступила зима. В воздухе носились снежинки.

С приходом холодов топили чаще. Печь была одна, большая, железная, но в палатке было несколько микроклиматов: у печи душила жара, у стенок, примыкавших к дощатым загородкам, было умеренно, градусов пятнадцать тепла, а вот у брезентовых стенок была холодина, на материи по утрам белел иней. Ночью, когда не топили, в палатке стоял мороз, и я боялся выпростать из-под одеяла руки. В непроливайке на столике замерзали чернила, оконце затягивало мохнатым льдом, и спросонья мне казалось, что мы спим под открытым небом, и было странно, почему не видно в небе звезд.

Но вот просыпалась тетя Катя — она всегда просыпалась первая в палатке. Она быстро одевалась, поеживаясь и часто дыша от холода, потом натягивала на себя телогрейку и под монотонный ритмичный перехрап мужа передвигала у печи дрова, чиркала спичкой. Я слышал пение огня, потрескивание дров и, скорчившись под одеялом, терпеливо ждал, когда волна тепла пройдет сквозь щели перегородки, достигнет нашего закутка, растопит на досках иней, и тогда наконец можно будет высунуться из-под одеяла. Печка из толстого железа накалялась быстро и решительно гнала тепло по всем углам палатки. А к тому времени, когда просыпались Марфа, Вера, а потом и мужчины, в палатке стояла оранжерейная теплынь, и умывались мы в одних майках.

С тех пор, как холода выпили лужи, выжгли слякоть и земля отвердела, Борис заметно повеселел: дорога в тайгу, где они прокладывали трассу к Ангаре, стала легче, и он быстро добирался с дядей Колей до бригады.

Народ в палатке был деятельный, шумный, и скучать мне не приходилось. По вечерам знакомо стучали костяшками домино, спорили до хрипоты, хохотали, в получку в складчину покупали вино с за-

кускoй, и от горластых песен палатка готова была подняться к облакам. Борис с Марфой тоже вносили свой пай, но пил брат неохотно, и дядя Федя с Сергеем подтрунивали над ним:

— Спиться боишься? При такой жинке эта опасность тебе не угрожает... Давай!

Марфа, пряча улыбку, нарезала колбасу и грудинку. Они выпивали, произнося множество тостов: и за будущий ордер на вселение в дома, и за здоровье каждого, и просто за доброе настроение... Мы с Коськой не принимали участия в этих вечерах. Мы сидели в нашей пустой каморке, слушали звон граненых стаканов, громкие голоса, переливы Серегиной гармошки и читали последний номер «Пионера».

С каждым днем холод крепчал. А однажды, проснувшись, я выглянул из палатки и зажмурил глаза: все занес снег. Яркий, слепучий, чистый. Он лежал на земле, на плоских, чуть провисших крышах палаток, на стоявших в отдалении помойках и уборных. Свежий, нестерпимо белый, пушистый. На его фоне отчетливей темнела тайга на взгорке, и Ангара, вчера еще зеленовато-коричневая, казалась густо-черной, и шум порогов в морозно-прозрачном воздухе оглушал, точно пороги передвинулись поближе к поселку.

Я выскочил из палатки, оставляя на снегу следы валенок, нагнулся, слепил из миллиона пушистых звездочек снежок и запустил в девчонку, тоже выскочившую из палатки. Девочка взвизгнула, вытряхнула из-за ворота снег и юркнула в палатку.

Ангара стала поздно, в конце декабря. Никакие морозы не могли схватить под уздцы ее, ошалело мчавшуюся из Байкала к Лене. Берега ее давно утонули в сугробах. Ледяные забереги, нарастая, все дальше тянулись к середине, но так и не могли перекинуть на ту сторону мост. По реке шла шуга, льдины взбирались друг на друга, въезжали со скрежетом и стоном на спины соседей, скоплялись в узких местах и замедляли ход. Потом какая-нибудь громаднейшая льдина тараном рушила ледяные скопления и весело проталкивала белое стадо...

И все же Ангара стала. Но, и остановившись, она сохранила на себе следы недавней битвы. Реки средней полосы России, откуда я приехал, замерзали мирно и гладенько: хоть каток устраивай! Не то было здесь. Река замерзла в схватке, в ожесточенной борьбе. И если мороз и одолел ее, так эта легкая на других реках победа здесь далась ему с трудом: через всю реку противотанковыми надолбами торчали ледяные торосы. И когда с левого берега на правый прокладывали дорогу, два бульдозера три дня потели, воняя на полкилометра горючим, срезая торосы, скрежеща сталью ножей, гремя гусеницами.

Зима победила Ангару, и только на самое жерло нижнего порога не могла она распространить свои законы. Этот кусочек реки был непобедим. Окутанная клубами пара, вода клокотала и пенилась, словно кричала: «Я жива еще, жива! Меня не победить!»

Прошел февраль. Были снегопады и маленькие вьюги. Но однажды, в начале марта, случилось такое, что я запомню, наверное, на всю жизнь.

Началось все с того, что днем, когда я шел из школы домой, повалил снег. Валил он густо и бесшумно, и я, пока добрался до палатки, был весь белый, как мельник. Борис, Марфа, дядя Федя и Серега, вернувшись с работы к вечеру, тоже долго отряхивались от снега.

— Черт побери! — пробасил бурильщик.— Откуда его столько там? — Он показал пальцем в небо.

— Весь зимний запас,— ответил Серега,— бог — прижимистый старикашка, чтоб товар не залежался на складе, пускает по дешевке...

Снег продолжал валить. Если днем он падал отвесно, то теперь поднялся ветерок, и хлопья летели косо. К ночи ветер окреп, и снег несся горизонтально. Ветер не поднимал истерики, не ныл в печурке, не свистел. С тихой, спокойной мощью дул он на поселок гидростроителей, забивая каждую отдушину, трещинку и пору снегом, выдувая тепло из палатки.

— Решето,— сказал дядя Федя. И все четыре отсека услышали его бас и ощутили, как быстро уходит из палатки тепло, заработанное таким несметным количеством дров.

На окнах шевелились ситцевые занавесочки, брезент скрипел и вздрагивал, было отчетливо слышно, как со всех сторон с шуршанием приваливается к стенке снег, точно медведь, мохнатый и неуклюжий, укладывается к палатке спать.

— Подбрось-ка,— скомандовал дядя Федя.

В печке застучали, сталкиваясь, полешки, захрустел древесиной огонь. Но знакомая волна тепла не спешила на этот раз захлестнуть палатку, проникнуть во все ее углы. Печка уже накалилась докрасна, обжигала глаза. Только тепла от нее заметно не было. Она с трудом удерживала в палатке прежнюю температуру.

— Подбрось-ка еще,— прозвучало опять.

Снова взревел в печи огонь. Он поднял серебряный столбик ртути только на одно деление — на миллиметр, а потом столбик провалился сразу на три деления.

За стенками шел ровный шуршащий шум. Плотный, уверенный.

— Отставить,— сказал Серега, подходя к печи,— так все спалим. На работу пойдем без чая. Спать...

— Постановили — решили,— баснул дядя Федя. В палатке защелкали выключатели, и стало слышно, как скрипят и охают непрочные казенные койки.

Я засыпал под сопение и возню над головой, под терпеливую и обстоятельную работу метели. Проснулся я от резкого вскрика. И сразу вскочил.

Кто-то дергал дверь и кричал:

— Беда! Беда!

Заскрипели койки, зашлепали по полу ноги, вспыхнули лампочки, раздались сонные голоса, ворчание.

— Чего там еще?

— У кого глотка луженая?!

— Спать не дают, окаянные! — выругалась Вера.

Но прежде чем, полусонный, я вник в смысл ее слов, я обратил внимание на то, что в палатке против обыкновения не холодно. Я быстро оделся и подошел к двери, где столпилось все население.

Серега бухал плечом в наружную дверь тамбура. Дверь не открывалась.

— Завалило! — Он двинул в дверь боком. Она не поддалась ни на сантиметр.

— По маковку забросало,— вздохнул дядя Коля.

— Что медведя в берлоге,— подтвердил дядя Федя сверху, так как возвышался над всеми. Он уперся ногами в порожек и, напружинившись так, что лицо все налилось кровью, нажал обеими ручищами на дверь.

Дверь скрипнула и чуть вдавилась в снег.

— Эх, отпиралась бы внутрь!..— сказал Серега, причмокнув языком.— Сидеть нам теперь под домашним арестом, пока не откопают...

Дядя Федя опять нажал и еще на палец открыл дверь.

— Геркуланум и Помпея,— бросил Борис, и я весело хмыкнул,— давай-ка вместе.

Бурильщик вытер рукавом мокрый лоб.

— А что это такое?

Борис вкратце рассказал о двух итальянских городах, погребенных под вулканическим пеплом Везувия много столетий назад.

— Похоже,— сказал Серега и хохотнул.— Как выбираться-то будем, а?

— А стоит ли разрывать? — спросила Марфа.— Хоть тепло. Еды бы вот хватило.

Мужчины заулыбались.

— Я же сказал, как в берлоге,— проговорил дядя Федя, готовясь к новому натиску на дверь.— Не хватит хлеба — лапу сосать будем.

Марфа улыбнулась, вспомнив, что и Борис когда-то говорил то же самое.

Щель была уже сантиметров в тридцать, и дядя Федя принялся шуровать снег деревянной лопатой.

— Сейчас пустим туда одного из огольцов,— сказал он,— пусть роет, как мышь, подземный ход... Ну, кто первый нырнет?

— Могу и я,— сказал я не очень уверенно и покосился на Коську: мне не хотелось нагло лезть вперед и присваивать себе всю славу. Однако Коська не выказывал ни малейшего желания лезть в снег.

Отец его между тем нагреб часть снега в тамбур, чтоб за дверью было где повернуться. Потом я бочком протиснулся в щель. Снег напирал со всех сторон. Только вверху, над головой, виднелось темное, все в звездах небо: снегопад прекратился, ветер упал.

Мне просунули лопату, и я принялся работать. В узкой ячее трудно было повернуться, сверху сыпался холодный, сухой снег, затекая за шиворот, попадая в валенки, таял на лице. Отгребать его было некуда, и я, напрягая все силы, лопатой отталкивал снег от двери, уплотняя и расширяя ячею у тамбура. Спина у меня намокла, ладони ныли, ворот противно тер вспотевшую шею. Время от времени сверху отваливались большие комья, осыпали меня. И тогда я отряхивался, отплевывался, вытирал лицо и продолжал орудовать лопатой.

Когда я разгреб снег настолько, что дверь могла открыться шире, дядя Федя втащил меня в тамбур, отобрал лопату и сам принялся разгребать снег. В пять минут он сделал то, на что мне понадобилось бы полчаса. За дверью слышался скрежет лопаты и тяжелое дыхание. Проход от палатки напоминал траншею. Ее рыли все: и дядя Коля, и Серега, и Марфа, и, конечно, Борис. Тетю Полю не пустили: и без нее хватало рабочих рук, а Вере нездоровилось — температура, покашливала.



И когда через час я вышел в школу по дну траншеи, мне вспомнился кинофильм о жизни полярников в Антарктиде: там вьюги наметают столько снега, что приходится вылезать на крышу через специальный люк и прокапывать к домикам вот такие же глубокие траншеи.

В этот день многие опоздали на работу: пришлось откапывать две девичьи палатки общежития, ремонтировать палатку шоферов, упавшую под тяжестью снега.

Больше такого снегопада не было до самой весны...

23

Колька писал не очень часто: примерно раз в два месяца — и писал не столько мне, сколько Марфе. На конверте стояла наша общая фамилия, но имя было ее. В письмах многое касалось меня, задавалась уйма вопросов, и Марфа всегда давала мне читать письма.

Сказать по правде, Колькины письма не очень волновали меня. Читая их, я вспоминал тихий городок с петушиными криками по утрам, с грохотом подвод по булыжным мостовым — со складов по магазинам развозили продукты,— с единственным металлургическим предприятием, как шутил брат Степан, слесарной мастерской и еще часовой мастерской «неТОЧНОЕ ВРЕМЯ» — «не» я приписал мелом. Наверное, уже давно стерли.

Ну чего интересного мог написать Колька мне, живущему в самом сердце Сибири, на реке Ангаре, где каждый день происходит что-то новое!

Если б я остался дома, мне б никогда не пришлось почувствовать на себе укусы мошки и ездить с «мошкодавами», помогать взрывникам отгребать от двери снег; я не мерз бы в палатке, спал бы в тепле и уюте, купался бы в теплой, можно сказать, кипяченой речушке Мутнянке, и все там было бы таким домашним, привычным, удобным...

Туда я всегда успею вернуться, там каждый дурак запросто проживет. А вот здесь...

Впрочем, последнее Колькино письмо — а пришло оно в апреле — разволновало меня. В нем сообщалось, что секретный завод окончательно закрывается, так и не выпустив ни одной космической ракеты. «Наш с тобой корабль,—

писал он,— не достиг бы не только Меркурия или Сатурна, но не долетел бы и до Мокрого леса». А до него не больше трех километров. Обо всем этом Колька узнал в кружке юных техников. «А наши с тобой чертежи годятся только на растопку печки, до того в них все напутано, переврано...»

Далее бывший директор «Ракетостроя» сообщал, что в наш век техники без точных наук — математики, физики, электроники и тому подобного — ни туды и ни сюды. Пора браться за ум и со всей яростью налечь на эти самые точные науки.

Отложив письмо, я задумался. А ведь это так. Абсолютно так. Это относится и ко мне, и может, куда больше, чем к Кольке. С точными науками у меня не очень дружеские отношения. А все-таки Колька умница. Надо немедленно написать ему ответ...

Я полез в тумбочку за бумагой.

Громкий разговор за стенкой заставил меня насторожиться.

— Спасибо! — сердито басил Борис.— Спасибо за совет, трактор сейчас на лед не поставишь. Еще с марта запретили ставить на лед больше пяти тонн.

— Чего ж до сих пор дремали? — спросил Серега.— Как только мы отвзрывали, нужно было тащить трос.

— А приказ был?

— А вы из детского сада? У самих мозги не шевелятся?

Я сразу все понял: в пяти километрах от поселка Борисова бригада поставила у Ангары опоры и подвезла трос, к этому тросу нужно было подвесить десятипарный кабель для телефонной связи Левого берега с Правым. Потом, еще в марте, из-за взрывных работ на берегу трос сняли, и вот теперь, в разгар апреля, когда быстро таяли сугробы, пахло прелью и теплой глиной, и по небу с протяжным качающимся криком клиньями тянулись гуси, и лед на Ангаре потемнел, набух, напружился,— вот теперь-то оказалось, что нужно срочно перебросить многопудовый трос на Правый берег.

— Да будет вам! — подал голос из другого закутка дядя Коля.— Лед еще ничего, как-нибудь на себе перетащим...

Я насторожился: как это — на себе?

— В бурлаки решил записаться. Ты, небось, тащить не будешь,— обрезал его Борис,— ваша бригада всегда в тепленьких местечках отсиживается...

— Успокойся,— раздался голос дяди Коли,— буду.

Я сидел на корточках и забыл, зачем хотел полезть в тумбочку. Так вот оно что значит! Завтра по слабому льду реки будут волоком тащить стальной трос. А я бы и не знал, если б не этот случайный разговор... Ну и ну!

За стенкой капало: даже к вечеру мороз уже не имел власти. Каждый день я обивал палкой огромные сосульки с краев палатки. За ночь они нарастали и оттягивали многострадальный брезент.

Вошел Борис. Провел рукой по жестким волосам, достал с полочки резиновый клей и принялся латать сапоги с высокими голенищами.

— Марф, посмотри-ка мои шерстяные носки. Не прохудились ли где?

Марфа чистила на завтрак картошку.

— Куда тебе их, теплынь такая на улице.

— А вода в Ангаре, по-твоему, теплая?

— Собираешься купаться?

— Ага.

Вечером я решил не приставать к Борису с вопросами, а утром попытался определенней разузнать у брата что-либо о месте работы. Но Борис, пробуя латки на резиновых сапогах, только буркнул:

— Отцепись.

На уроке географии я бросил на Коськину парту записку с предложением пуститься на поиски. Я в таких красках расписал это «мероприятие» на Ангаре, что у любого мало-мальски нормального человека глаза от удивления выскочили б на лоб.

Коська обернулся в мою сторону и покачал своей круглой головой: нет.

Гошка как назло в эти дни починял ограду возле дома. Конечно, мне ничего не стоило пойти и одному — чего бояться,— но с приятелем всегда веселее. И мне пришлось распроститься... Да, да, распроститься с одной из двух запасных батареек от карманного фонарика. Жаль, да что поделаешь!.. Вернувшись в палатку, я подарил батарейку Коське, и тот тотчас перестал сопротивляться. Хоть бы поломался немного для приличия. Так нет же...

В темных таежных овражках лежал тяжелый, усыпанный хвоей снег, а на открытых полянках журчали ручьи и, роясь, как кроты, в сугробах, скатывались к реке. В ноздри широко и откровенно бил запах сосновой смолы, размокшей коры и хвои. Следы сапог быстро наполнялись водой.

Местами, на прогретых солнцем взгорках, под ногами совсем по-летнему чавкала грязь. После длинной морозной зимы даже это хлюпающее чавканье было приятно.

Шли долго, выбирая дорогу поудобней. Скоро Коська устал, захныкал и потребовал отдыха. Затем минут через двадцать сказал, что дальше не пойдет: видно, заблудились, пора возвращаться.

— А батарейка,— крикнул я,— ты ведь поклялся, что не отступишь!

— Мало ли что. Я, может, нарочно.

— Нет, ты взаправду говорил. Нарочно не клянутся.

— А я играл,— ухмыльнулся Коська.

— В клятву не играют.

— А я играл.

— Знаешь, кто ты после этого! — закричал я, готовый стукнуть его.

— Можешь брать свою батарейку обратно. Я не дурак. Промочу ноги, заболею.

Вдали послышались голоса.

— Они! — Я не посмотрел даже на приятеля и ринулся в чащобу.

Я не хотел быть обнаруженным и шел, прячась за деревьями. Однако скоро понял: опасаться нечего, монтерам не до меня.

На отвесном берегу у огромной деревянной опоры стоял человек. Он был высок, в полушубке. Двумя руками травил он с большого барабана трос, а семеро монтеров тащили его на плечах по реке. Они шли, упираясь в бугры и ямки во льду, поскальзывались и падали.

Барабан на козлах медленно поворачивался, визжа и вздрагивая, и человек в полушубке, очевидно, бригадир, все время придерживал его рукой.

Я подошел к самому берегу и присел за толстой лиственницей. Вздрогнул, услышав сзади шорох: за мной стоял Коська. Ага, побоялся тащиться домой один!

Ярко светило солнце. Свежо пахло тающим снегом. Мокрый лед на реке ослепительно, до рези в глазах горел, и почему-то казалось: вот-вот расползется он, как сопревшая материя, растает под сильными лучами, и река, широко разлившись и затопив прибрежные луга, легко и быстро помчится к океану, играя на солнце сверкающими гребешками волн.

И вдруг я отчетливо увидел Бориса...

Впереди шел какой-то человек и шестом ощупывал промоины, темные пятна слабого льда, что-то кричал людям и, огибая опасные места, они сворачивали то вправо, то влево. За ним с тросом на плече шагал коротенький человек в треухе, а метрах в семидесяти от него шел Борис в распахнутой стеганке. Он был рослый, широкий. Если первый человек ступал согнувшись, то брат держался прямо. На нем были резиновые сапоги с голенищами до пояса и круглая кубанка на голове.

Дальше через каждые пятьдесят метров, двумя руками ухватив лежащий на плече трос, шли остальные монтеры. У последнего — а это был не кто иной, как дядя Коля,— трос лежал почти на спине, и шел он согнувшись в три погибели.

— Борис,— прошептал я.— И не боится... а?

— А чего бояться? — засопел у плеча Коська.— Подумаешь...

— Пустить бы тебя туда! — зло сказал я и сплюнул.

Ух, как я был зол в эти минуты на Коську!

— Гляди,— горячо засопел он,— упал!..

Я замер. Человек, следовавший за Борисом, поскользнулся и животом плюхнулся на лед. Выпустил трос, поднялся, отряхнул с ватника жидкую ледяную кашу, взвалил на плечо ношу и, слегка хромая, пошел дальше.



Извиваясь, оставляя глубокий, протертый в рыхлом льду след, трос потянулся дальше. Правый берег темнел в километре от Левого. Монтеры не преодолели и трети пути. Потом упал дядя Коля, упал под трос. Высвободившись, пригнулся, накатил его на плечо и двинулся вперед.

Борису не повезло: он угодил в лужу. Сверкнули на солнце брызги. Сапоги разошлись в стороны, руки разбросались, точно брата распяли на льду. Однако он быстро вскочил на ноги, присел, стащил левый сапог и принялся выжимать портянку.

Тело мое свела судорога, когда я увидел, как на лед льется струя воды.

Пока Борис наворачивал на ногу портянку, надевал сапог, отряхивал стеганку и сбивал с ватных штанов ледяной студень, товарищи ждали его, отдыхали. Кое-кто, улучив момент, закурил. И опять трос пополз по реке. Лед чернел промоинами, местами из них выступала вода и на вершок заливала сапоги монтеров.

Временами трос цеплялся за торчащие льдины, и тогда ближний монтер клал трос на лед, бежал к льдине и отцеплял. Случалось, трос заворачивался баранкой, и его приходилось распрямлять.

Шли спотыкаясь, падали на руки, грохались на спину, ныряли бочком, ухались на колени, подняв фонтаны брызг, зарывались головой в студеное жидкое крошево.

Я уже и счет потерял падениям. Один Борис упал пять раз. Люди уходили все дальше и дальше. Все слабее доносились их голоса.

Скоро путь монтерам преградила гряда торосов. Громадные льдины торчали вертикально, косо, как их положило во время ледостава. Они вспыхивали на солнце, мокрые, зеленоватые, истекающие под жаркими лучами влагой. Они растянулись метров на сто — не обойдешь.

Люди остановились. Шедший впереди с шестом махнул рукой и первым полез на торосы, выбирая путь получше. За ним полез второй, коротенький человек, потом Борис.

Он полз на коленях, держа одной рукой трос, другой подтягивая тело. Взобравшись на криво поставленную льдину, не удержался и пополз назад. Снова взобрался и снова съехал вниз.

Я смотрел на брата из-за лиственницы, и к моему горлу подкатывал ком. А я-то, я-то считал... Куда ему, думал я, до работы взрывника или лоцмана, буриль-

щика или шкипера на переправе. А выходит, выходит, не так...

— Слушай, Коська,— сказал я и вдруг сам услышал в своем голосе отчаянную решимость.

— Чего? — Коська поежился.

— Ты трус или нет? — спросил я.

— Ну, чего тебе? Чего? Придумал что-нибудь, да?

— Вот что,— сказал я.— Идем на лед.

— Это зачем еще? — Коська вытер нос.

— Поможем им, ну. Или мало чего там.

— Надают по шее. Очень мы им нужны.

— Коська!

— А если я утону, будешь отвечать?

— Трус несчастный!

Больше Коська не интересовал меня. Я вылез из укрытия и побежал по склону вниз. Ноги сами несли меня: если б я захотел остановиться, не смог бы.

Я перевалил торосы у берега и побежал вдоль толстого стального троса, слабо шевелившегося на льду. Я мчался по следам, сапоги проваливались в ледяную жижу, брызги попадали в лицо, мочили короткое бобриковое пальтецо.

Я не думал, что скажет мне брат, прогонят другие или нет. Я бежал. Я не мог оставаться сейчас на берегу, в укрытии, и ждать.

Когда я добрался до гряды огромных торосов, Борис уже одолел первую льдину, взобрался на вторую, подтянул трос и карабкался на новую мокрую льдину. Но тут он поскользнулся, угодил в щель между торосами и никак не мог вырвать глубоко застрявший сапог.

Я вцепился в сапог обеими руками и рванул.

Борис, лежавший на боку, покосился на меня.

— Вовка? — Но особого удивления в его голосе не было.— Подержи трос, а то ударит меня.

Я прижал к животу тяжелый и жесткий, толщиной в руку трос.

Борис выдернул ногу, вспозл на гигантскую льдину и перевел дыхание.

— Ох и тяжел! Ну, поехали дальше.

— Поехали,— сказал я, обхватывая витой мокрый трос, и мы поползли дальше.

Кожа на руках горела, сердце билось, как молот, но я ни на минуту не отпускал троса. В одном месте лед под ногами выкрошился, и я бы съехал вниз, если б не держался мертвой хваткой за трос. Трос тащился вперед, и вместе с ним тащился я, пока мои сапоги не нащупали новой опоры.

Медленно и мучительно на людских плечах и спинах, пригибая своей тяжестью ко льду, обдирая сквозь рукавицы кожу, переползал трос Ангару.

А вокруг — ни души. Дико и пустынно. Круто нависли над рекой поросшие тайгою берега. Блеск апрельского льда, хруст крошева под ногами, шорох ползущего троса и усталые голоса...

Перевалив еще две гряды торосов, монтеры собрались в кучку.

— Мой брательник,— Борис кивнул на меня,— знакомьтесь.

— Вовремя,— сказал кто-то, выкладывая из сумки банки с консервами и термос.— В самое время подоспел...

Уже поздно вечером в палатке, весь разбитый и горящий, стянутый какой-то странной натруженной болью, точно все тело было сплошной мозолью, вспоминал я, как мы пили на льду дымный чай, как дотащили потом трос до берега, подняли на скалу и натянули — он поднялся, тяжело провисая над рекой. Я вспоминал, как потом месили мы пять километров ноздреватый снег и грязь, и в лицо нам дул вешний ветер, хорошо пахнущий пóтом, солнцем и оттаявшей тайгой. Рядом, шурша брезентовыми куртками и стегаными штанами, шли взрослые, курили, на ходу вполголоса переговаривались. А я шел рядом с ними, шел, не разбирая дороги. Я не замечал, что в сапогах хлюпает вода, что ладони кровоточат, а спина так горит, точно меня прогнали сквозь строй и безжалостно исполосовали прутьями.

У палатки нас встретила Марфа.

— Ого, как вы загорели! — сказала она.

Борис и впрямь здорово загорел, обветрился, огрубел, и кожа на его лице шелушилась.

— И я тоже? — спросил я.

— И ты,— сказал Борис,— солнце-то одно, и работа одна.

— И то правда,— ответил я и подумал: а почему бы и в самом деле мне не загореть, как брату, не обветриться, почему бы и моим губам и щекам не шелушиться?

У палатки мы дощечками соскребли с сапог куски грязи, комья глины, перемешанной с хвоей, шагнули внутрь и стали стаскивать сапоги.

За стенкой слышались хохот и визг. Коська то мяукал, то пищал, как мышь, играя с котенком.

Борис раскрутил мокрые, сбившиеся портянки, подвигал красными расплющенными пальцами, снял носки и тяжелые, тоже наполовину промокшие стеганые штаны, пинком оттолкнул все это к двери и стал переодеваться в сухое.

А я, уже в сухом и теплом, смотрел на Бориса с Марфой и думал: до чего же все может меняться в жизни! Марфа — разве теперь узнаешь ее? А Борис? Тот ли это Борис, каким был он всего каких-то десять месяцев назад? Да, наверное, и я мало похож на того, кем был.

И все это сделала, если разобраться, река, на которую мы приехали, холодная и быстрая река.

Я понял: главное, что нужно человеку в жизни,— это мужество. Оно нужно всем. Даже официантке в столовой и бухгалтеру в управлении, чтоб работать хорошо и честно, так, чтоб тебя любили. И чтоб понять эту простую и ясную истину, надо было приехать сюда, в эту непомерную даль, и все это увидеть, услышать, почувствовать.

Глянув случайно на тумбочку, я вдруг вспомнил о Колькином письме. Достав двойной лист бумаги в клеточку, я окунул в чернильницу перо и стал писать. Я описывал все, что видел и слышал за последний месяц, и даже звал его сюда—посмотреть на тайгу и сопки. «А река моя Ангара такая быстрая и красивая...» — бежало по бумаге перо. И вдруг я смутился и вычеркнул «моя». Можно подумать, что я родился и вырос здесь и считаю себя коренным сибиряком, выдумал — «моя»! Ничуть она не моя. Какой хвастун!

Я вычеркнул всю строчку, и вычеркнул так густо, что ничего нельзя было прочесть. Потом отложил письмо, вспомнил все, что было, поморщил лоб, махнул рукой и заново, уже твердо и бесповоротно написал: «А река моя Ангара...»



Римма **КАНДЕЛАКИ**

Рисунки В. Цельмера.

ТАЙНА художника ГЕ

(Отрывок из книги «Рассказы о передвижниках»)

Низкие клочковатые тучи бежали над плоской равниной, задевая своими хвостами серые ветлы, убогие станционные строения и полосатый столб с двуглавым императорским орлом... Граница!

По одну сторону — соломенные крыши польской деревушки. По другую — красная черепица аккуратных немецких домиков.

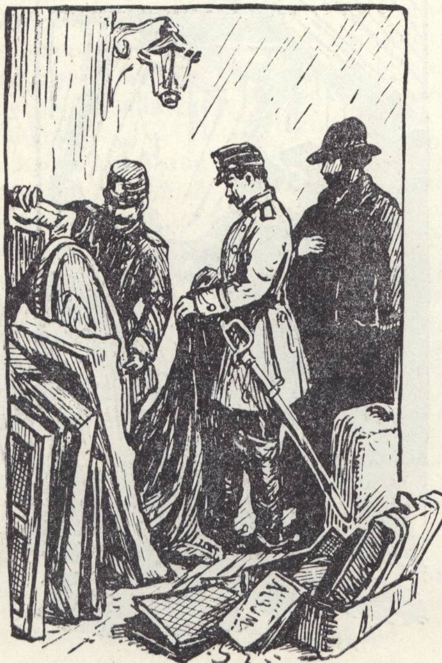
И по обе стороны границы — жандармы. Бравые, с грозными усами.

Усачи прусские провожали путешественников подозрительным взором. Таким же подозрительным взором встречали прибывающих усачи российские. Жандарм в голубом, как незабудка, мундире неторопливо проглядел паспорт прибывшего:

— «Профессор Санкт-Петербургской императорской Академии художеств Николай Николаевич Ге с семьей»,— прочел он вслух подорожную. Оглядел консульскую печать в паспорте. Окинул начальническим оком семью путешественника: стройную молодую женщину с двумя красивыми мальчуганами. И мигнул двум другим усачам:

— Багаж господина Ге досмотреть как положено.

Багаж возвращающегося в Россию из Флоренции академика Ге состоял исключительно из картин.



Того главного, на что с жадностью бросаются жандармы всех стран—книг, рукописей или писем,— в дорожных вещах художника не оказалось. Николай Николаевич Ге стоял со скучающим видом, закутавшись в свой неизменный черный плащ. Он бесстрастно наблюдал, как привычные к сыску грубые руки жандармов ощупывают переплеты альбомов, листают рисунки, ворошат этюды и картины, переворачивают и вытряхивают тюбики красок из ящиков.

Раза два у него вырвалось нетерпеливое восклицание:

— Осторожно! Это вам не сапожная вакса. Потише! Испортите ценный холст...

Не привыкшие к замечаниям путешественников, ищейки в голубых мундирах недоуменно вскидывали головы. Потом они снова продолжали осмотр. Роясь, как охотничьи псы, они более доверяли своему особенному нюху, чем зрению.

Однако искать, выходит, было нечего: перед ними проходили одни евангельские сцены, этюды и рисунки к ним. Головы апостолов, фигура Марии Магдалины, наброски различных сцен из «священной истории».

Это длилось почти два часа. В довершение пыт-

ки тоскливого ожидания с неба посыпал дождик, тонкий, как кисея, и окутал станцию непроницаемым туманом.

«Боже, как грустна наша Россия!» — вспомнилось Николаю Николаевичу пушкинское восклицание при чтении «Мертвых душ».

Усачи в голубых мундирах, разочарованные, недоуменно шептались между собой. «Только одно божественное»,— донеслось до Ге (Ага! Значит, ожидали другого!). Последним был осмотрен жандармами написанный масляными красками портрет библейского старца с каменной доской — скрижалью — в руках. Портрет окаймляла овальная рама из орехового дерева. Старец глядел из нее суровым, властным взглядом, пронзавшим зрителя насквозь.

— Это кто же, святой человек? — поинтересовался жандарм.

— Да. Святой человек.

— С каменной таблицей... Если по святому писанию,— это, стало быть, сам пророк Моисей? — блеснул эрудицией жандарм.

Ге подтвердил, что на холсте безусловно пророк. И утомленно зевнул, прикрыв ладонью рот. Осмотр поспешно заканчивали. Наконец граница позади!

Муж и жена стиснули друг другу пальцы и обменялись долгим, измученным, но вместе с тем радостным взглядом.

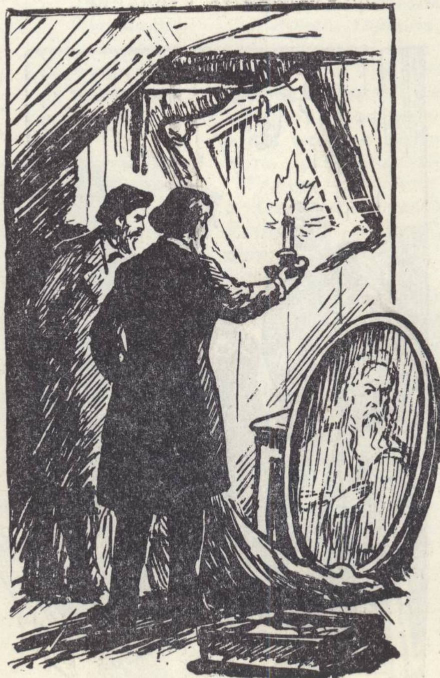
...Семья Ге остановилась в Петербурге, на 7-й линии Васильевского острова, в старинном домике, напоминавшем монастырскую ризницу. Внутри витую лестницу подпирали пузатые колонночки. Окна, заостренные вверху, были зарешечены, как в боярских теремах. Крашеные полы приятно лоснились.

Пахло олифой и палисандровым деревом. Тоже по-монастырски.

Едва разложив вещи и расставив холсты, Николай Николаевич Ге тотчас послал соседского мальчишку с запиской к художнику Ивану Николаевичу Крамскому, строго наказав шустрому гонцу:

— Передать письмецо только в собственные руки и без свидетелей! Помни! Так, чтобы никто не видал. Ни одна живая душа!

Парнишке пришлось трижды проделать путь к квартире Крамского и обратно.



Дважды он не заставал Ивана Николаевича дома. В третий раз натолкнулся на Крамского уже в воротах. Но Ивана Николаевича сопровождали ученики. Шла горячая беседа, вспыхивал смех. И парнишка отступил в тень ворот.

Только поздно вечером Софья Николаевна Крамская ввела замурзанную фигуру и сказала мужу, с трудом удерживаясь от смеха:

— К тебе, Ваня! Не то дипломат, не то фельдъегерь. Требует «самого», а со мной и объясняться не хочет!

Из сжатого кулака мальчишки Крамской извлек скомканную записку и, бросив взгляд на подпись, едва не подпрыгнул.

«Любезный Иван Николаевич, мы благополучно дома, придите ко мне для осмотра сегодня же, по возможности поздно. Если Стасов у вас, захватите Стасова, если нет, товарищей понадежнее, числом не более двух. Ваш сердечно любящий Н. Н.».

Схватив шапку одной рукой, другою потянув белоголового гонца за собой, Иван Николаевич, не отвечая на расспросы жены, быстро ушел.

Только с порога глазами ей показал: потерпи...

И вот он в домике Николая Николаевича Ге. Охвачен сперва приятным запахом и неизъяснимой теплотой старинного русского уюта. Окружен пузатыми колоннами, резными перильцами, изразцами толстобоких печей... Вслед за тем схвачен и сжат в крепких объятиях изящного бородача. Николай Николаевич был, как всегда, одет в черное, с отложным воротником — наподобие художников эпохи Возрождения.

Восклицания... Приветствия... Бестолковая сутолока первых минут, когда надо, но невозможно спросить сразу обо всем.

В столовую из коридора выглядывали физиономии двух любопытных и шустрых мальчишек, еще хранившие на лоснящихся здоровьем щеках отблеск итальянского лета. Оба были в матросках, с голыми шеями.

— Мои сыны! — представил Ге.

Крамской шагнул навстречу «сынам», но в удивлении остановился. В кори-

доре над дверями ему в глаза бросились две большие вывески. На одной стояло: «Мастерская столяра Петра Ге».

На другой:«Мастерская переплетчика Николая Ге».

— Вот этот сын у меня столяр, а вон тот — переплетчик,— серьезно пояснял Ге,— приучаю к ремеслам...

Потолковав немного с десятилетним столяром и восьмилетним переплетчиком, пообещав обоим «солидные заказы» от своей художественной артели (из-за чего хозяева мастерских подняли отнюдь не солидный, радостный визг), Крамской вопросительно глянул на Ге.

— Как... Пройдем в вашу мастерскую?

— В мастерскую потом, друг мой. Знаю, что более всего вас интересует, знаю! «Он» у меня содержится особо — в потайной кладовой.

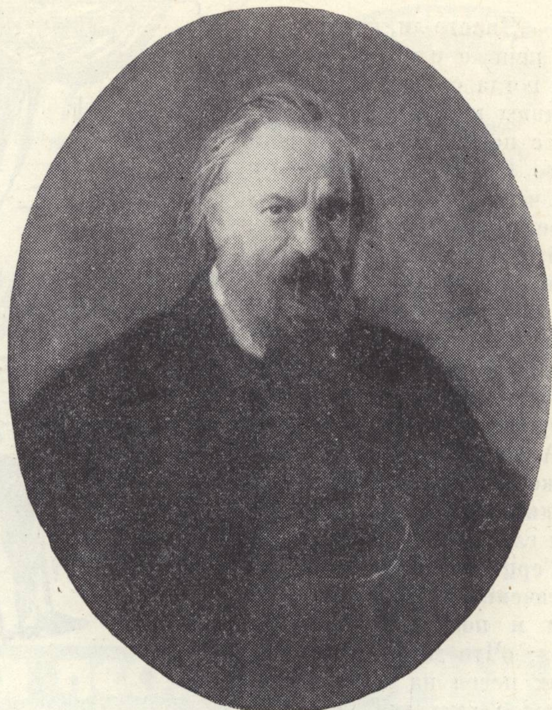
Сгорбившись, оба прошли по темноватой боковой лестнице к незаметной за всякой домашней утварью дверце чулана. Отсюда, бесшумно отомкнув замок, извлек Николай Николаевич на свет обернутый холстом портрет в овальной раме. Развернул тряпки, посветил свечой.

Грозно глянул на вошедших библейский Моисей — величавый, со струящимся каскадом белой бороды. Каменной доской — скрижалью, казалось, он угрожал нечестивцам, нарушившим его покой.

— Внимание! Сейчас мы подержим картину над паром — и тонкая, наклеенная сверх холста бумага сама отлипнет,— спокойно разъяснял Николай Николаевич,— тогда вы увидите живопись. Потаенному способу сделать истинный портрет Герцена «невидимкой» для жандармов научил меня во Флоренции француз Деманже, старый революционер-эмигрант. Уж это ли не конспиратор! Все умеет: изготовить невидимые чернила, шкатулки с двойным, тройным дном, сложнейшие шифры...

И вот над паром отпали маскировочные слои тонкой бумаги, плотно прикрывавшей истинный портрет. Нет больше ни белой бороды, ни каменной скрижали, ничего постороннего нет. И глядит прямо в глаза посетителю лицо великого борца и создателя «Колокола», чей могучий набат достигал родной стороны с другого берега. Сквозь ночь, туман, крепостные стены, сквозь жандармские канцелярии и тюремные заграждения российской империи проникало из эмиграции могучее слово Александра Герцена. Крамскому особенно вспомнилась в ту минуту герценовская прокламация об «освобождении» крестьян от крепостного права:

«...О если б слова мои могли дойти до тебя, труженик и страдалец земли русской... если б до тебя дошел мой голос, как я научил бы тебя презирать твоих духовных пастырей, поставленных над тобою петербургским синодом и немецким царем. Ты их не знаешь, ты обманут их облачением, ты смущен их евангельским словом,— пора их вывести на свежую воду! Ты ненавидишь помещика, ненавидишь подьячего, боишься их — и совершенно прав; но веришь еще в царя и в архиерея... не верь им! Царь с ними, и они его... он облыжным освобождением сам взялся раскрыть народу глаза и для ускорения послал во все четыре стороны Руси флигель-адъютантов, пули и розги».



Портрет А. И. Герцена.

Тот, кто писал эти огненные слова, глядит теперь на них с полотна: сильная, выразительная голова революционного пророка.

Большой лоб мыслителя. Волосы с проседью закинуты назад без пробора. Живые, умные глаза глядят энергично и проницательно. Между бровей залегла суровая складка.

Нос широкий, русский (как он сам называл), с двумя резкими чертами по бокам. И горькая складка рта, не скрытая седеющими усами европейца.

— Расскажите же, расскажите побольше о Герцене: какой он?

Ге вздохнул и задул свечу. Взял гостя под руку.

— Пойдемте вниз. Нелегко рассказывать у него на глазах.

* * *

Революционным псевдонимом Герцена было имя «Искандер». В переводе с арабского — «Александр».

— Знаете ли, каковы были первые слова Искандера, когда он во Флоренции пришел к нам в дом? Прямо с порога горячо, торопливо бросил нам: «Есть у вас что-нибудь русское, русское почитать? Дайте же, дайте скорее!..» Я дал ему «Песни» Тараса Шевченко в переводе на русский язык — другой книги под рукой не было. Он сел, поджав ногу, в качалку и погрузился в чтение.

А мы с женой стояли, пораженные, обрадованные, и пожирали нежданного гостя глазами.

Герцен дочитал стихи Шевченко до конца, вздохнул и положил книгу на стол: «Что за прелесть! От этих песен на меня сразу повеяло чистотой, нетронутой степью... эта ширь, эта свобода — да разве у них здесь в Европе что-нибудь похожее найдешь?»



И сразу же открылось приезжим из Петербурга: этот блестящий публицист, этот уважаемый в Европе великий русский революционер-демократ, навеки порвавший с царской Россией,— какой же он глубоко несчастный в повседневной жизни человек! Они увидели в нем безграничную любовь к Родине, навечно для него закрытой, и отвращение ко всему, что окружало его на Западе. Чуждо было ему в Европе, мелко! По-мещански упорядоченно, лицемерно-убого... Герцен томился, тосковал. Нелегальную русскую типографию в Лондоне ему пришлось в конце концов (под нажимом английских властей) все-таки закрыть. Герцен надеялся перенести ее в Женеву и там продолжать выпуск свободного русского журнала «Колокол», набата которого так боялись цари и жандармы.

Много было у «Колокола» тайных корреспондентов из России: писали об издевательствах российских держиморд, о казнокрадах, о хапугах, о взяточниках. И Александр Герцен печатал в «Колоколе» эти жгучие человеческие документы.

Так за рубежом родилось вольное русское слово.

Ге закашлялся и долго раскуривал свою трубку.

...— Мы говорили с ним допоздна. Потом провожали друг друга через мост: я его, он меня. Герцен грустно улыбался: «Что же, так и будем ходить целую ночь?» Тогда я набрался смелости и сказал самое важное: «Александр Иванович, не для вас, не для себя, но для всех, кому вы дороги как человек и писатель, для потомства нашего, разрешите, я напишу ваш портрет!»

Герцен колебался. Я настаивал. Я привел в пример, что живопись не оставила нам прижизненных портретов Чернышевского, Белинского, Добролюбова. Зато сколько она оставила изображений человеческого хлама, портретов всяких надутых ничтожеств — вельмож, царей, богачей, — чем полны все галереи мира!

Герцен расхохотался: с этим он был согласен.

Я написал его портрет в пять сеансов. Писал самозабвенно. С любовью, преданностью, верой...

Потом мне случалось не раз наблюдать Искандера в былом блеске. Наши две семьи — как мы говорили, «два русских гнезда во Флоренции» — сдружились. Мы встречались ежедневно. Мне посчастливилось слышать его блестящие полемические речи. Сколько раз мы прислушивались к рыканию этого стареющего неповерженного льва! Да, это был настоящий трибун, вождь... Но все же кисть художника послушна первому впечатлению. И написал я Герцена таким, каким вы видели его сейчас там, наверху: несчастный изгнанник, одинокий человек. Орел с обрезанными крыльями...

Никому о портрете не рассказывайте, кроме самых верных друзей! Узнает тайная полиция — и тогда всему конец: и вам, и мне, и портрету! Приводите ко мне тех, кто хочет поглядеть. До самой смерти моей он будет у меня как моя величайшая тайна.

...Долгие, долгие годы прошли, пока Павел Михайлович Третьяков, создатель галереи — сокровищницы русского искусства,— получил наконец возможность показать друзьям русского искусства единственный в живописи XIX столетия портрет революционера.

Портрет, созданный художником Ге в глубокой тайне. Портрет, написанный «с любовью, преданностью, верой».

Такие живут в веках.
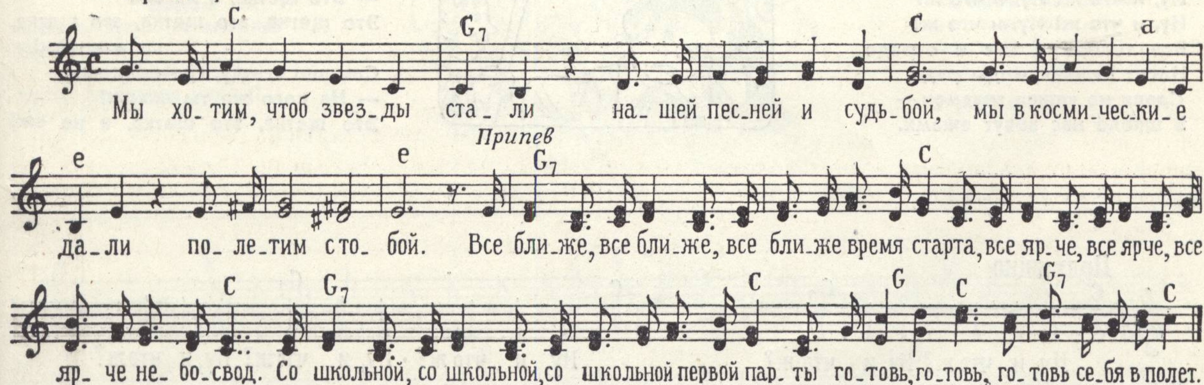
Встанем в круг! — Слева — друг, и справа — друг!



Уже зажглись первые лагерные костры, уже готовятся певцы и танцоры к первому лагерному празднику,— ведь лето в этом году особенное, юбилейное! Для вас, для вашего праздника мы печатаем в летних номерах журнала песни, игры и танцы пионеров стран народной демократии.

Пусть у лагерного костра вместе с песнями первых пионеров прозвучат песни наших друзей!

Пионерская песня о звёздах





Мы хотим, чтоб звезды стали
Нашей песней и судьбой,
Мы в космические дали
Полетим с тобой.

Припев:

Все ближе, все ближе, все ближе время старта,
Все ярче, все ярче, все ярче небосвод.
Со школьной, со школьной, со школьной первой парты
Готовь, готовь, готовь себя в полет.

Слова Д. Светлина.

Музыка П. Ступела.

Русский текст Я. Серпина.

Болгария

Пусть вселенские просторы
Необъятны и темны —
Путь проложат нам приборы
Прямо до Луны.

Припев.

Звездный мир таким знакомым
Станет нам когда-нибудь!
Рядом с нашим новым домом
Ляжет Млечный Путь!

Припев.

Польша

Это щётка или ёж?

Слова Р. Писарского.
Русский текст Ю. Хазанова.
Музыка Е. Вазовского.

1. Ну, и что ж!
Ну, и что ж! Ну, и что ж!
Ну, и что ж! Ну, и что ж!
Ежик — парень был
пригожий,
Он носил прическу «ежик».
Каждый спрашивал без счета:
— Это ежик или щетка!!
На кого же ты похож!
Это щетка или еж!
Это щетка, это щетка, это щетка
или еж!
Хоть на диво ты хорош,
На кого же ты похож!
Это щетка, это щетка или еж!

2. Ну, и что ж!
Ну, и что ж! Ну, и что ж!
Ну, и что ж! Ну, и что ж!
Все теперь у нас в отряде
Носят «ежик» моды ради,
Сдали на «ежа» экзамен —
В школе нас зовут ежами.





— На кого отряд похож!
Это щетка или еж!
Это щетка, это щетка, это щетка
или еж!
Хоть на диво он хорош,
На кого же он похож!
Это щетка, это щетка или еж!

3. Ну, и что ж!
Ну, и что ж, Ну, и что ж!
Ну, и что ж! Ну и что ж!
Как приятно пионерам
Для ежей служить примером...
Но потом мы загрустили:
В «щетки» нас перекрестили!
Слышно всюду, где пойдешь:
— Это щетка, а не еж!
Это щетка, это щетка, это щетка,
а не еж!
Слышно всюду, где пойдешь:
— На кого же ты похож!
Это щетка, это щетка, а не еж!

Подвижно
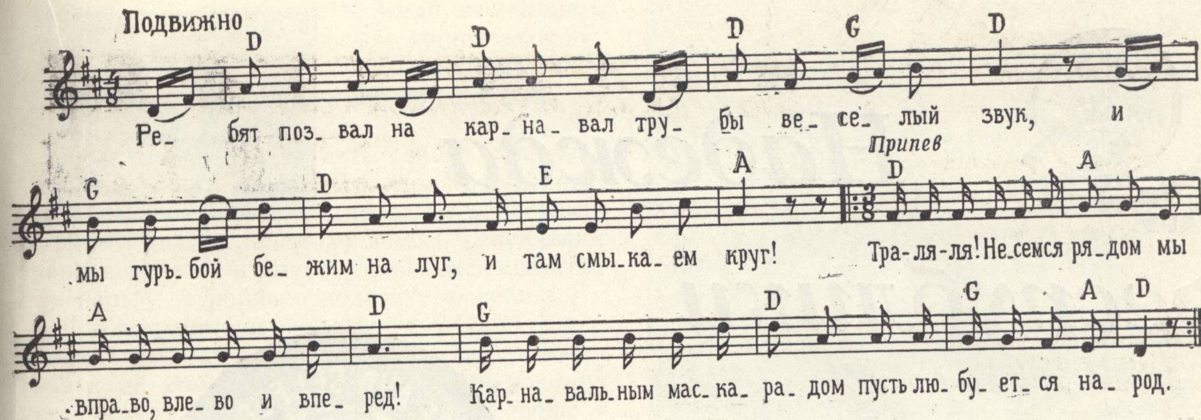
C G7 C G7
Ну, и что ж? Ну, и что ж? Ну, и что ж? · Ну, и что ж? Ну, и что ж?

C G7 G7 C C
Е_жик па_рень был при_го_жий, он но_сил при_чес_ку „е_жик." Каж_дый спраши_вал без

G g D7 G G7 C A7
сче_та: э_то е_жик и_ли щет_ка? На ко_го же ты по_хож - э_то

d G7 C G7
щет_ка и_ли еж? Э_то щет_ка, э_то щет_ка, э_то щет_ка и_ли еж? Хоть на

C A7 d G7 C
ди_во ты хо_рош, на ко_го же ты по_хож? Э_то щет_ка, э_то щет_ка и_ли еж?



Карнавал

ГДР

Музыка К. Тайхмана. Обработка Р. Бойко.
Слова Л. Фельбах. Русский текст Т. Сикорской.

Ребят позвал
на карнавал
трубы веселый звук,
и мы гурьбой
бежим на луг
и там смыкаем круг.

Припев:

Тра-ля-ля! Несемся
рядом мы
вправо, влево и вперед!
Карнавальным
маскарадом
пусть любуется народ!

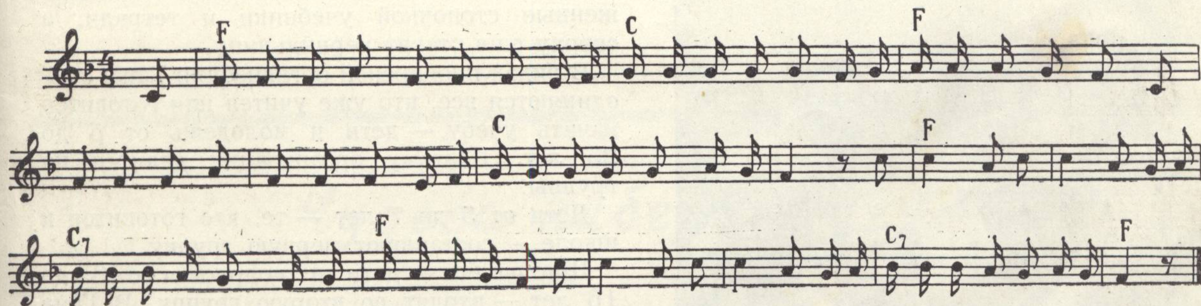


Кружит с Куклой
Серый Волк,
а с Бабочкой — Олень.
Стучат сапожки:
щелк-щелк-щелк!
Мы пляшем целый день.

Припев.

До самой тьмы
пропляшем мы
на проводах зимы,
а кто устал,
покинул бал,
над тем смеемся мы!

Припев.



ТАНЦУЮТ ДЕТИ

Международная пионерская игра

А рим-джим-джим,
А рам-джам-джам!
В ясный, солнечный денек
выходите на лужок!

А рим-джим-джим,
А рам-джам-джам!
Собирайтесь поскорее во кружок!

А рим-джим,
А рам-джам,
Лето — славная пора,
Собирайся, детвора!

А рим-джим,
А рам-джам,
Пусть веселая начнется игра!

Все становятся в кружок и поют песню, прихлопывая в ладоши. «Водящий» под музыку первых двух куплетов бежит по кругу, держа за концы платок и слегка покручивая его. Он как бы выбирает, на кого накинуть платок. К началу третьего куплета «водящий» останавливается перед тем, кого он выбрал. Оба они на слова «А рим-джим» (в третьем и четвертом куплетах) наклоняются друг к другу и немного вправо, а на слова «А рам-джам» — влево. После наклонов (в конце последнего куплета) «водящий» накидывает платок на того, кого он выбрал, и тот становится «водящим». Игра начинается снова, а песенка повторяется без перерыва.



Надежда республики



«Бескорыстно служить Родине» — таков девиз юных пионеров Ганы.

Родина... Одно из самых молодых государств мира, страна, впервые за всю свою историю завоевавшая свободу, — независимая Республика Гана. Каждый пионер республики знает, что, может быть, больше, чем станки и машины, нужны сейчас стране грамотные люди, знающие специалисты.

И юные пионеры настойчиво учатся, овладевают грамотой, знаниями — всем, чего веками был лишен народ Африки. Каждое утро спешат к своим школам и училищам ребята городов и селений страны. Часто школу заменяет доска, прибитая к дереву, а ребята усаживаются прямо на землю. Школьников всегда легко узнать: они носят на голове сложенные стопочкой учебники и тетради, а сверху еще ставят чернильницу.



Нагрудный значок пионеров Ганы.



Пионеры Ганы в международном пионерском лагере в Чехословакии.

В рядах пионерской организации Ганы объединяются все, кто уже учится или готовится начать учебу, — дети и молодежь от 5 до 25 лет. Поэтому организация делится на группы.

Дети от 5 до 7 лет — те, кто готовится к школе, — составляют первую группу.

Школьники — дети и подростки с 8 до 16 лет — входят во вторую группу. В Гане сейчас учится 500 тысяч человек! А ведь отцы сегодняшних школьников не могли и мечтать раньше о школах для своих детей, да еще и бесплатных!

Старшие пионеры — от 17 до 25 лет — составляют третью группу. Они не только учатся, но и работают на стройках и фермах. Молодежь из разных районов республики каждый год приезжает в специальный учебный центр около города Тамале. Здесь им рассказывают и показывают, как правильно вести

хозяйство, строить дома. Каждый, вернувшись домой, должен передать свои знания соседям. Пионеры, обучившие грамоте нескольких человек, получают значок с изображением факела.

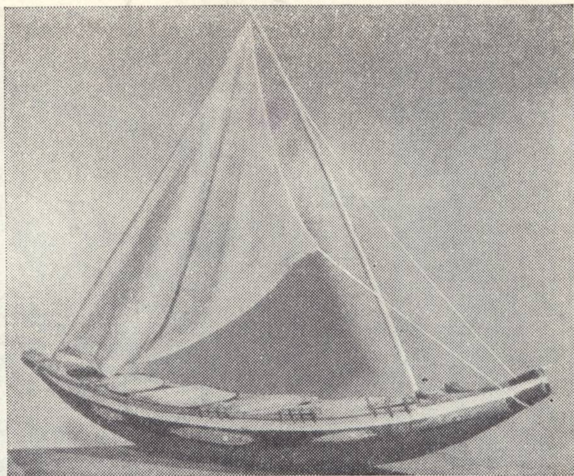
Пионерские отряды есть сейчас в каждой школе, даже в самых отдаленных деревнях. Пионеры занимаются народными ремеслами, морским делом, авиамоделизмом, разучивают народные песни и танцы, увлекаются спортом. Пионеры — стройные, подтянутые ребята.

При встрече они салютуют друг другу, поднимая к плечу правую ладонь со сжатыми пальцами. Это значит, что нет у пионеров других, более высоких целей, кроме свободы и единства всех народов Африки.



Здесь и на 66-й страничке марки Республики Гана.

Пионерский галстук и значок трехцветные, и государственное знамя республики тоже трехцветное. Зеленая полоса на знамени символизирует тропические, вечнозеленые леса, желтая — золото. Недаром англичане во времена своего владычества называли Гану «Золотой Берег». Красный цвет на знамени — кровь борцов, павших за свободу. Черная пятиконечная звезда — знак единства народов Африки.



Эту модель пионеры Ганы прислали в подарок московским друзьям.

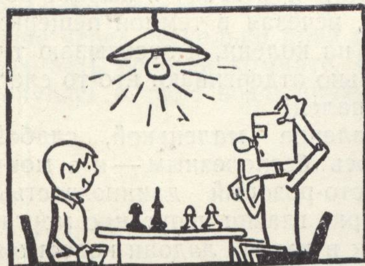
У пионеров — белые рубашки, белые брюки и юбки и белые панамы. Галстук красный с зелено-белой окантовкой. Значок пионеры носят на левой стороне груди. В центре значка — портрет президента Республики Гана Кваме Нкрума. Орел на зеленом поле символизирует стремительный взлет освобожденной страны. Значение черной звезды и красного цвета вам уже известно. На значке вы сможете прочитать название организации и ее девиз.

Уверенно шагает вперед народ свободной Ганы, рядом со старшими их верные помощники — пионеры Ганы, надежда и будущее республики.

З. Шнекендорф

Чудеса кибернетики

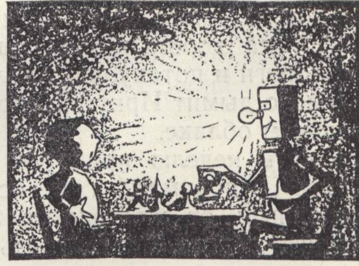
Рисунки А. Шабанова.



Мы играли.



Свет погас.



Робот спас!



Пешая птичка

М. ЗВЕРЕВ

Рисунки И. Кузнецова.

Хорошо провести за городом морозный зимний день! Лицо раскраснеется, горит, рукавицы давно в карманах, воротник расстегнут. А ноги к концу дня «гудят», и ломит в коленях.

Пора домой!

Как легко идти без лыж по накатанной дороге! Ноги так сами собой и переступают. Но с каждым километром лыжи делаются тяжелей, все чаще приходится перемещать их с одного плеча на другое.

Из леса дорога вышла к полотну железной дороги и потянулась вдоль него. Совсем недалеко дымит Иркутск, скрытый в черном угольном облаке.

«Опять неделю придется дышать в этой копоти»,— подумал я и остановился как вкопанный: от железнодорожного полотна поперек дороги протянулась по снегу тропинка, сделанная крошечными птичьими лапками. Это было настолько удивительно, что любой бы на моем месте свернул по тропе, чтобы узнать, какая это птичка наследила здесь. Вправо, около полотна железной дороги, тропинка рассыпалась веером мелких следов. Они исчезли на свободном от снега полотне дороги. Значит, пешая птичка прибегает сюда кормиться по своей тропе, а сама ночует в другом конце. Скорей туда!

Тропа приводит к сугробу и ныряет под снежный надув, исчезая в темной пещерке.

Опустившись на колени, я засовываю туда руку и невольно отдергиваю: кто-то слегка ущипнул за палец!

Но сопротивление маленькой, слабой птички оказалось бесполезным — и в моих руках серебристо-розовый длиннохвостый снегирь! Его карие глазки испуганно моргают, слышно, как в теплой ладони колотится крошечное сердечко. Но птичка не делает ни малейших попыток вырваться. Снегирь

так худ, что кажется, он ничего не весит. Для проверки я осторожно посадил птичку на ее тропу. Снегирь бойко запрыгал по ней в сторону железнодорожного полотна. Но лететь он не мог, почему-то утратив эту способность, хотя никаких повреждений у него не было заметно. Я без труда поймал пешую птичку.

В вязаной мягкой рукавице я принес снегиря домой. Не оставлять же его на верную гибель от первой вороны! Они не схватили его только потому, что привыкли считать пустым занятием ловлю мелких птичек. Снегирь на железнодорожной насыпи в поисках корма только поэтому и прожил до встречи со мной. У себя в комнате я выпустил снегиря на пол. Электрический свет для него, вероятно, показался ярким, солнечным днем. Птичка запрыгала по полу, вороша толстым клювиком все, что ей попадалось. Снегирю хотелось есть!

Одним духом я слетал на четвертый этаж, к старичку, который держал щеглов, и принес горсть конопли. Надо было видеть, как набросился на корм снегирь,— он даже полузакрыл глаза от наслаждения.

На первый раз я дал ему конопли с четверть чайной ложки, чтобы он не объелся после долгого поста. Снегирь склевал все, напился из блюдечка воды и запрыгал в угол. Там он долго прихорашивался, а затем заснул, обратившись в пушистый шарик. Вероятно, он видел чудесные сны в тепле. Он был сыт в первый раз после того, как почему-то не смог больше летать.

Так и жили мы с ним вдвоем в комнате. Снегирь забавно гонялся за мной по полу, прося есть, и едва слышно постукивал коготками. Он съедал за день так много, что первое время это приводило меня в изумление. Недели через две птичка стала заметно тяжелее того «ничего», чем была при первом знакомстве.

Однажды, ложась спать, я случайно взглянул в угол комнаты, и рука, поднятая к выключателю, замерла в воздухе: пушистого шарика не было на обычном месте! Оказалось, снегирь спал на спинке стула, а еще через несколько дней он стал перепархивать по всей комнате. Пешая птичка вернулась в свою воздушную стихию!



Весной я выпустил снегиря там, где поймал его зимой в снежной норке. Порхающим полетом он скрылся в зеленой дымке березового леса навстречу чудесному аромату молоденьких клейких листиков.

Прощай, бывшая пешая птичка!



ОТОВСЮДУ и ОБО ВСЕМ

Концерт для бобов

Всем известно, что у растений нет ушей, но не все знают, что растения... слушают музыку и даже любят ее. Это доказали своими опытами индийские ученые Сингх и Панниах.

Сначала они играли определенную мелодию для водяного растения гидрилла вертицилята. И во время концерта в клетках растения жизненные процессы шли активнее.

Потом музыку слушала «стыдливая мимоза» — по двадцать пять минут в день. И кусты этой мимозы стали выше, пышнее, чем кусты ее сверстниц, росших в тиши.

Работами индийских ученых заинтересовалась американская ученая Мери Лор. Ей хотелось узнать, какую же музыку больше всего любят растения. Она взяла для опыта четыре делянки обыкновенных бобов. Над первой делянкой звучали мелодии Шопена, на второй бобы росли под звуки джаза, третья ежедневно слушала вокалистов, а четвертая росла без концертов. И выяснилось, что бобы предпочитают джазы, к романсам они остались безучастны.

Подобные исследования ведутся теперь во многих странах. И кто знает, быть может, в будущем радиопередачи будут вестись не только для людей, но и для пшеницы, помидоров или хлопчатника!

Н. Харьковский

Укрощение норд-оста

Многие из вас, ребята, наверно, слышали об ураганном ветре бора́, или норд-осте, который часто проносится над Новороссийском, выворачивая с корнем вековые деревья и телеграфные столбы, срывая с причала и угоняя в море суда.

Рождается бора в Сальских степях. Оттуда воздушные массы устремляются к теплому Черному морю. Но на пути воздушного потока встают Кавказские горы. Остается единственный проход — через ложбину, прорезающую горный хребет у Новороссийска. И вот по этому скалистому коридору с огромной скоростью мчится ураганный ветер, круша все на своем пути.

Много лет ученые думали над тем, как обуздать ураганный ветер. Было много проектов. Одни советовали выстроить в ложбине на пути боры высокую плотину, другие предлагали прорыть в горах туннели, выходящие в море, минуя Новороссийск.

Недавно начальник Центральной лаборатории ветроиспользования В. О. Сидоров создал новый проект укрощения боры. Он предложил поставить вдоль девяностокилометровой лощины огромные ветряные колеса, диаметром до пятидесяти метров. Ветер, вращая колеса, потеряет около двух третей своей разрушительной энергии, и скорость его уменьшится. А обессиленный ветер уже не страшен.

Машины преобразуют энергию ветра в электрическую. Каждая машина даст около шести тысяч киловатт в год, а со всей ветроэлектрической системы удастся получить до семи миллионов киловатт дешевой электроэнергии, столько, сколько дают три волжских ГЭС.

Первые опытные образцы ветряных колес уже строятся.

И. Григорьев

Трактор-скороход



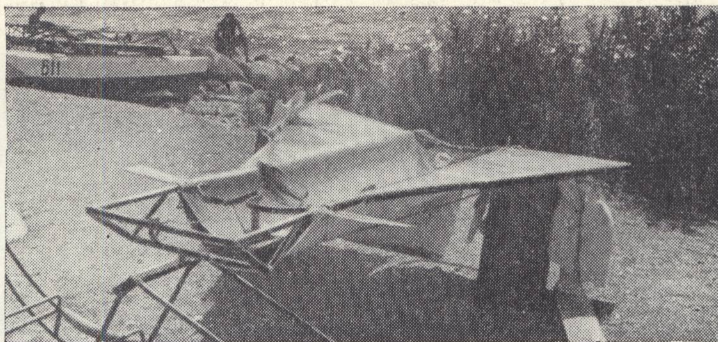
По разбухшей от дождей дороге с трудом ползет мощный грузовик «ЗИЛ-110». Стрелка его спидометра колеблется на первых делениях: он проходит не больше десяти — пятнадцати километров в час.

Вдруг позади слышится грохот трактора. Вскоре совсем обыкновенный с виду трактор обгоняет грузовик и уходит далеко вперед.

На фотографии вы видите этот быстроходный трактор «Т-40», выпущенный Липецким заводом. Скорость его — около двадцати километров в час, в пять раз больше скорости обыкновенных тракторов.

Г. Иванов

Подводный планер

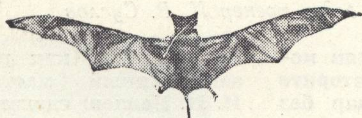


Золотистая машина, бесшумно разрезая толщу воды, плавно пошла в глубину. Испуганные рыбешки метнулись в стороны. Плотно прижавшись к телу планера, человек в маске и с аквалангом за плечами внимательно всматривается в заросли зелено-бурых водорослей. А послушный рулям планер продолжает свой путь, набирая скорость. Что это? Фантазия? Нет! Так проходили испытания подводного планера (вот он на фотографии), сделанного студентами Московского авиационного института. Он может развивать скорость до двадцати пяти километров в час, на нем даже можно делать фигуры высшего пилотажа, как делают в воздухе.

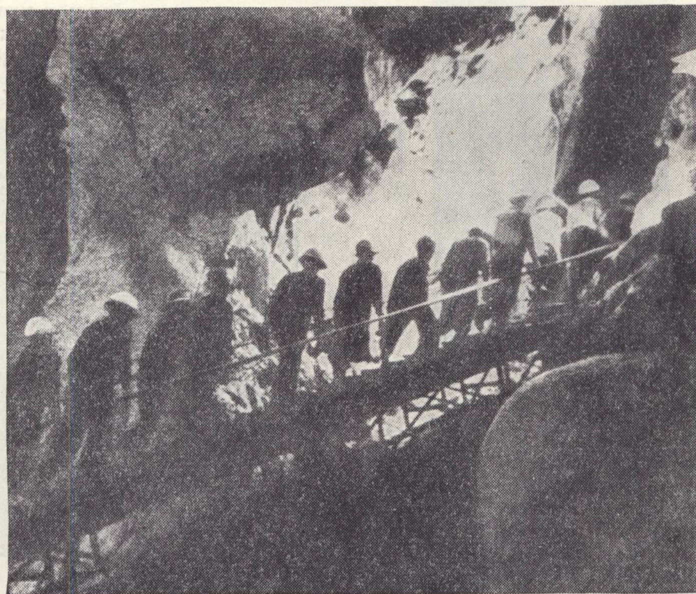
З. Коваленко

Домашний питон

Один индонезиец, житель острова Флорес, поймал маленького питона. Он кормил его молоком и фруктами и постепенно приручил. Когда питон вырос и превратился в огромную змею длиной 6 метров и весом 140 килограммов, он по-прежнему был покорным и даже помогал своему хозяину в работе. Когда поспевали фрукты или кокосовые орехи, питон забирался на деревья и тряс их, а хозяин внизу собирал фрукты или орехи.



Клад в пещерах



Холмистое плато Сьера де Кубела на острове Куба славится своими пещерами. Их здесь более двух тысяч. В этих пещерах обнаружены богатейшие залежи замечательного удобрения, которое может сделать даже самые бедные почвы плодородными.

Создатели удобрения — небольшие крылатые зверьки, неслышно летающие теплыми летними вечерами, охотясь за вредными насекомыми. Рисунок вам уже, наверно, подсказал, что речь идет о летучих мышах.

Тысячелетиями ютились они в темных пещерах. Тысячелетиями накапливался здесь их помет, и теперь он лежит в пещерах толстым слоем.

Уже началась добыча удобрения в одной из пещер, Эль Чиркуло. На фотографии вы видите рабочих, идущих на работу в эту пещеру.







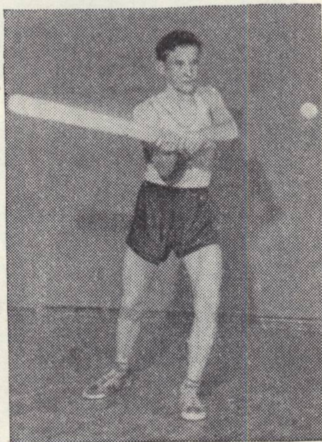
Эти снимки сделаны на тренировках в восьмилетней школе поселка Переделкино. Команда мальчиков этой школы в прошлом году стала чемпионом РСФСР.

ЛАПТА

Занятие ведет тренер И. В. Суслов

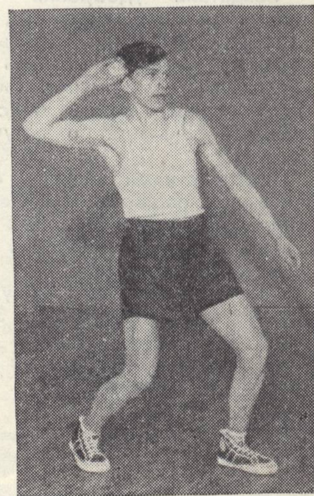


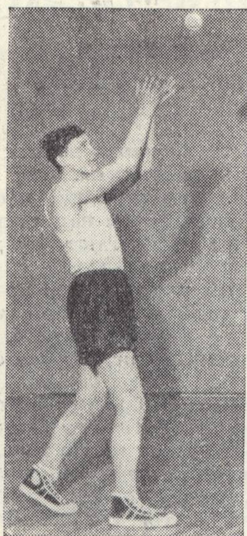
Вот игрок из команды бьющих начинает замах для удара по мячу. На соседнем снимке — заключительная фаза этого движения: в следующее мгновение рука бьющего выпрямится, вес тела полностью перенесется с правой ноги на левую, а лапта ударит по мячу. Некоторые игроки бьют, держа лапту одной рукой. Правилами это не запрещено, но удар получается слабее. Лучше переучиваться на двуручный удар. Разучивание начните с того, что, заняв исходное положение, повторите много раз замах и удар без мяча. На следующих двух-трех занятиях тренируйтесь в ударах по мячу, подвешенному на шнуре. И лишь затем — по подброшенному. Не стремитесь на первых порах к сильным ударам, а добивайтесь правильных движений и попадания по мячу концом лапты.

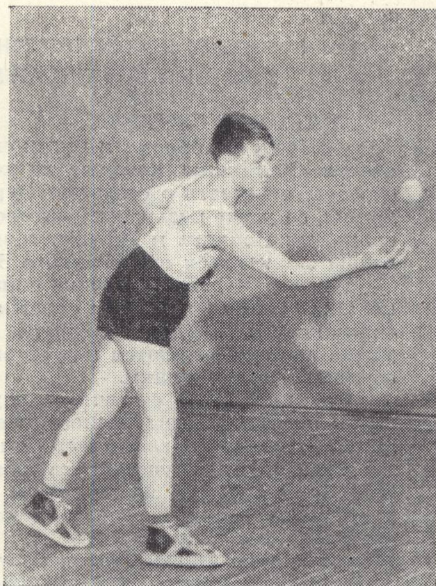


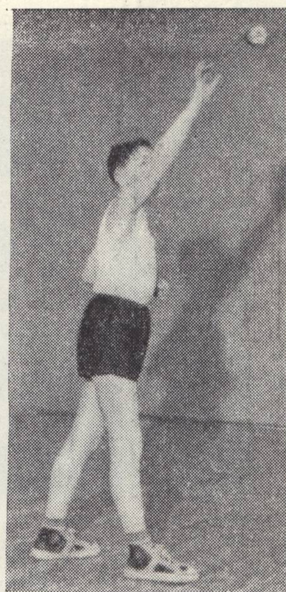
Для осаливания лучше всего бросать мяч, как рекомендует заслуженный мастер спорта И. Н. Беляев: сделать короткий замах, подняв над плечом руку, согнутую в локте, и держа мяч около уха, как у мальчика на третьем фото. Из такой позиции резким движением руки вперед мяч посылается в нужном направлении. Такой способ дает необходимую при осаливании точность.

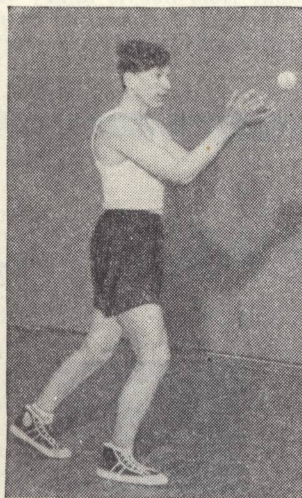
Ну, а как передавать мяч дру-











гому игроку своей команды? Это лучше всего делать так, как вас учат на уроках физкультуры метать теннисный мяч. Но запомните хорошенько: при любом способе броска мяч надо держать, охватив раздвинутыми пальцами с упором не в ямку, а в верхний край ладони.

Остальные четыре снимка показывают, как ловить мяч двумя руками и одной рукой.

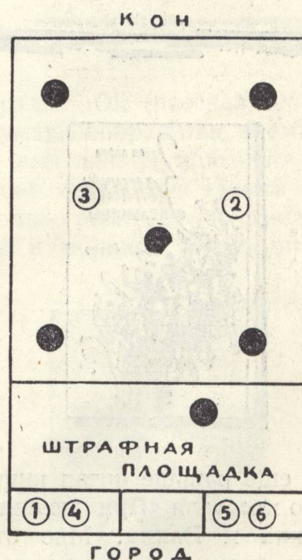
А теперь о тактике

Взгляните на схему внизу. Два игрока бьющей команды делают перебежку: игрок № 3 — из города в кон, а игрок № 2 — назад в город. Кого же из них салить? Конечно, игрока № 2. Ведь он, как говорят лаптисты, «несет очко».

Итак, объект для осаливания выбран. Замах, бросок. Но... мяч, не задев перебегающего, упал далеко за боковой линией поля. Промах. К мячу устремляется один из игроков водящей команды. Тем временем игрок № 2 бьющих успевает достигнуть города, а номера 1 и 4 бьющей команды, выжидавшие удобного момента, уже начали перебежку. Вот к чему привела грубая ошибка одного из игроков водящей команды. Заключалась она не в промахе, а в том, что мяч был брошен слишком сильно, ушел далеко, и много времени было потеряно.

А когда пробивают мяч, безразлично ли, в какое место поля он полетит?

Конечно, нет! Если игроку бьющей команды надо сделать перебежку из города в кон, мяч лучше всего пробить так, чтобы



он упал у боковой линии, невдалеке от штрафной площадки, выкатился за пределы поля близ города. Если же у бьющей команды игроки, делающие перебежку, возвращаются в город, лучше пробить мяч далеко.

ПИСАТЕЛИ РАССКАЗЫВАЮТ





НАШ КОРРЕСПОНДЕНТ Н. ЛОМОВ ПОБЫВАЛ У ЛИТОВСКОГО ПИСАТЕЛЯ МИКОЛАСА СЛУЦКИСА.

МИКОЛАС СЛУЦКИС:

— Последнее время я писал сказки. Самая большая из них называется «Великаны, которые не хотели быть королями». Это целая сказочная повесть о создании Нeринговой косы — огромной песчаной дамбы, ее у нас называют «литовской Сахарой». Герои наших легенд, великаны Неринга и Наглис, своими руками воздвигают эту дамбу, чтобы защититься от коварного Змея.

Неринга — девушка-великанша. Ей самый высокий лес по колено. Она бродит по морю и руками загоняет рыбу в сети. Но сама она очень несчастна. Ни потанцевать с парнями — ей обуть нечего, ни по улице пройти — смеются над ее высоким ростом, а ведь у нее сердце обыкновенной девушки.

Однажды море сжалилось над Нерингой и выбросило огромный кусок янтаря. Птицы разнесли весть, что у Неринги нет башмаков. Мастер-великан Наглис сделал ей клумпы и пустил их по воде.

Неринга уже чувствовала себя счастливой, но угроза нависла над ней: Змей задумал жениться на Неринге. Он преградил путь рыбе, и Неринга, которой счастье людей дороже всего, думает: «Может, выйти за него замуж?»

Тем временем мастер Наглис ищет девушку, которая носит сделанные им клумпы. Он встречает Нерингу, когда ей уже срезают ее девичьи косы...

Наглис с Нерингой побеждают Змея. Народ предлагает им стать королем и королевой, но они от этого отказываются и по-прежнему помогают людям.

Это сказка. А были из тяжелого прошлого составят мою новую книгу «Как разбилось солнце». Вы спросите, почему она так называется?.. Мечта, как солнце. Разбивается мечта мальчика из рабочей семьи, который живет, как и я в детстве, в маленьком литовском городке.

Советую



Я еще раньше читал книгу этого писателя **«Приключения Карика и Вали»**. Мне эта книга показалась хорошей. Ну и я, как увидел, что **«Записки школьницы»** написал **Ларри**, заинтересовался. Название такое заманчивое. Часто бывает, что название заманчивое, а книга неувлекательная. Но здесь так не получилось. Ларри весело рассказывает о дружбе ребят в классе, а это всегда очень волнует. Такие ребята, как Пыжик, Галя Сологубова, Птицын, есть и у нас в классе; таких, как Марго, нет, но если бы были, то и мы бы их исправили. Когда читаешь, хочется, чтобы у тебя в классе было так же весело и дружно. Я за то, чтобы таких книг было больше.

Костя Синченко, 6-й класс.



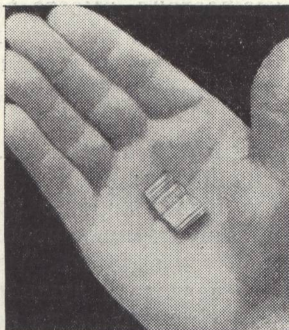
В книге **М. Ильина «100 000 почему»** описывается, ну, все-все... Когда я ее не читала, я не так хорошо все знала, а теперь я знаю гораздо больше. Я не знала, например, что в человеке есть вода. Бывают книги, конечно, полезные, но скучные. А эта книга еще и весело, интересно написана...

Ира Кондракова, 5-й класс.

КНИГА ВЕСОМ В ПОЛТОРА ГРАММА

На раскрытой ладони лежит книга. Такая крошечная, что в спичечной коробке поместилось бы сорок пять таких книг. В ней 207 страниц. Весит она всего полтора грамма.

Под сине-серой обложкой четыре тысячи слов — письмо знаменитого физика, механика и астронома Галилео Галилея, написанное в 1615 году Кристине Лоренской.



Всего шесть экземпляров этой книги было напечатано в 1897 году в городе Падуя, где долгие годы жил и работал Галилей.

Сейчас в Италии найдены только два из шести экземпляров этой самой маленькой в мире книги.

ОДИН ИЗ АВТОГРАФОВ

На титульном листе альманаха «Северные цветы» рукой Пушкина написано: «Плетневу от Пушкина. В память Дельвига. 1832, 15 февр. С. П. Б.».

Вы, наверно, знаете, что Антон Антонович Дельвиг — поэт, лицейский друг Пушкина. Он издавал ежегодный альманах «Северные цветы».

Когда в 1831 году Дельвиг умер, его семья осталась без средств. Пушкин писал Вяземскому: «У Дельвига осталось два брата без гроша денег на руках у вдовы, потерявшей большую часть маленького своего имения. Нынешний год мы выдадим «Северные цветы» в пользу двух сирот. Ты пришли мне стихов и прозы». Сам Пушкин поместил в сборнике свои произведения «Моцарт и Сальери», «Дорожные жалобы», «Эхо», «Анчар», «Бесы» и другие стихотворения. В выпуске книги Пушкину помогал поэт Плетнев.

Вот что скрывается за этой дарственной надписью.

Экземпляр альманаха с автографом Пушкина у внука Плетнева приобрел известный пушкинист П. Е. Щеголев, от него книга перешла к его сыну, а потом — к И. С. Зильберштейну.

Коллекции бывают разные. И. С. Зильберштейн давно собирает автографы. Бережно, с огромным знанием дела коллекционирует он книги, письма, альбомы, историческая ценность которых безмерно велика. Чьих только автографов здесь нет: Жуковского, Чехова, Лескова, Гончарова, Григоровича, Брюсова, Блока!.. И у каждого автографа своя история, которую не всегда легко, но всегда интересно раскрывать.

О. Грудцова



прочитать!

Я советую прочитать книгу **Югова «Отважное сердце»**. Там очень хорошо рассказывается об Александре Невском, как он дружил с Гринькой, простым крестьянским мальчиком. Они были не как господин и слуга, а как настоящие друзья... И как они друг другу спасали жизнь... И как русские князья ненавидели это татаро-монгольское иго, и как они хотели сбросить его поскорее.



Никита Шевцов, 4-й класс.

Прочитайте книгу **Юхана Смуула «Мурка-моряк»**! Она интересная. Там очень хорошо рассказывается о морской жизни, о том, как там люди относятся к морским псам. Там есть и веселые рассказы — как Мурка с капитаном дрался. Он (рассказ этот), я думаю, понравится всем. Ух, и веселый! Думаю, что всем понравится эта книга — не только ребятам, которые о море и моряках любят читать.



На обложке нарисован Мурка. Правда, хороший пес?

Володя Скородумов, 5-й класс.



ДОРОГА В ЖИЗНЬ

Ю. НОВИКОВА

Девочки в белых платочках, в скромной рабочей одежде — на поле; в нарядных платьицах и туфельках на каблуках вечером — на танцах. Обыкновенные пареньки — сдержанные, насмешливые, подчас слегка грубоватые. Такие, как все. Только лица у них загорели, да в глазах особый блеск. Такие глаза бывают у человека, узнавшего радость творчества.

Да, все они творцы, каждый в отдельности и, главное, все сообща. Полновесное золотое зерно, кукуруза гвардейского роста, густое, вкусное молоко, надоенное от красивых, выхоленных коров,— вот плоды их творческого труда. Славно поработали производственно-ученические бригады Ставрополья, Сибири, Казахстана!..

Но книга, изданная недавно Детгизом, говорит не только о производственных успехах — недаром она называется **«В сердце живет мечта»**. Речь здесь идет не о цифрах, а о человеческом сердце. Не только о высоких урожаях рассказывают писатели и журналисты, совершившие «оптимистические путешествия» в колхозы и совхозы, где работают школьники. Здесь приезжие повстречались лицом к лицу с новым человеком, человеком коммунистического Завтра.

Это совсем особый человек. Он не любит приходить на готовое и не терпит легкой работы, она ему просто-напросто неинтересна. Он самостоятелен в своем мнении и, решив что-нибудь, не отступит от решения, что бы ни говорили вокруг. А ведь иным из ребят приходилось не раз слышать от своих родителей слова: «Стоило ли кончать одиннадцать классов, чтобы доить коров?» Ребята опровергают это утверждение всей своей работой.

Новый человек стремится повсюду быть первым. Но только не один, а вместе с друзьями. Завоевав первенство, он подтягивает за собой остальных. Ведь в большой, дружной работе самый способный человек не достигнет ничего в одиночку.

Здесь, в бригадах, растет прекрасная дружба. Ребята жить не могут друг без друга даже на отдыхе: все вместе отправляются в южные путешествия, вместе веселятся на чудесных, новых праздниках — празднике «выхода в поле», «празднике первого початка» — романтических праздниках труда.

Вот как описывает работу в поле сибирская школьница Елена Дятел:

«Трудно и все-таки очень хорошо работать в поле. Куда ни посмотришь, простор. Такой простор, что хочется взлететь. А воздух! Нигде нет такого легкого и душистого воздуха! А жаворонки! Приходишь на поле, а они уж заливаются, уходишь, они все поют, поют... А кажется, что воздух звенит...»

Но, любя родные места, ребята ощущают свою неразрывную связь со всем миром — это тоже особенность нового человека. Кубанскому школьнику близки дела кубинских ребят. «Кубань» и «Куба» — разве это не родные сестры?

В большом сердце живет большая мечта. Мечта учиться дальше, стремление изучить любимую специальность только укрепляется за два года работы. Она проверяется временем. Если за эти годы ты не передумал, значит, ты действительно верно понял твое призвание и со временем станешь тем специалистом, в котором нуждается завтрашний день: будешь не только знать, но и уметь. Два года работы для ребят — настоящая дорога в жизнь...

...«Проклюнулась! Проклюнулась!» — радостно кричат ребята, увидев на черном поле первые зеленые клювики кукурузы. Примерно то же чувство испытываешь, читая эту книгу. Вот они, зеленые ростки будущего, черты нового человека-творца.



ИНТЕРЕСНО И ВЕСЕЛО

Где бы вы ни оказались летом — в деревне или в городе,— вам не раз захочется, отдыхая, мастерить и придумывать всякие затеи. Без этого бывает как-то скучно. Но кто научит вас десяткам развлечений, простых и легких, таких, которые мог бы устроить каждый? Книга. Книга **М. Гершензона «Веселый час»**. Она выпущена в библиотечке пионера «Знай и умей» Государственным издательством детской литературы. Возьмите в руки эту книжку — и вы узнаете много интересных развлечений и сможете сами их устроить. Вас ждут веселые и увлекательные часы.



ПОБЕДИТЕЛИ МОЕГО КОНКУРСА

Более тысячи ребят, любителей шахматного искусства, приняли участие в конкурсе, который мы объявили в прошлом году в журнале № 10

Так много было писем, интересных анализов, различных вариантов решений, что совсем не просто было определить победителей нашего заочного соревнования.

Вот какое письмо прислали ребята из совхоза «Ревдинский» (Свердловской обл.).

«У нас в школе,— пишут ребята,— только первый год работает шахматная секция, но уже пятьдесят три пионера получили спортивные разряды. Недавно команда нашей школы заняла третье место в массовом турнире, который проводился в городе Ревда. Мы получили диплом. Это наша первая спортивная награда.

В работе секции принимают участие много девочек. Они хорошо играют. Катя Васильева, например, заняла первое место в турнире девочек города Ревда.

Задания конкурса мы решали вместе. Проверяли варианты, спорили и как будто во всем разобрались».

Да, друзья. Вы правильно разобрались во всех заданиях конкурса. Так всегда бывает, когда ребята помогают друг другу, работают вместе.

Теперь у вас уже будет две спортивные награды. Награждаю грамотой «Ферзя и ладьи» шахматную секцию школы совхоза «Ревдинский», председателя этой секции Гену Утюмова и лучшую шахматистку Катю Васильеву.

Грамотой «Ферзя и ладьи» награждаю также шахматную секцию детского санатория имени Боброва (Алупка), Голодьковской школы (Хмельницкий район, Винницкой обл.), Янишевской школы (Чувашской АССР).

Грамоту получает также Леня Губенко (с. Веселая Балка, Николаевской обл.), москвичи Оля и Леня Ромм, Роберт Овсепян (Ереван), Алексей Дягилев (п. Обедово, Ивановской обл.), Коля Шишкин (Пермь), Коля Сердюков (г. Коркино, Челябинской обл.), Володя Крупенько (Даугавпилс), Витя Шишканов (г. Ружаны, Брестской обл.), Вадим Ефимов (ст. Киялы, Северо-Казахстанской обл.), Витя Вольский (г. Углегорск, Сахалинской обл.), Слава Кривых (Даугавпилс), Валерий Харченко (с. Копанки, Харьковской обл.) и другие ребята.

КАК РЕШАЮТСЯ ЗАДАНИЯ КОНКУРСА

А вот решения задач и этюдов, включенных в конкурс:

«Король в клетке». 1. f3!ef 2. Крf1 f2 3. e4! de 4. Кр : f2 e3+ 5. Кр e1 e2 6. d5 cd 7. Кр : e2 d4 8. Кр d2 d3 9. c6 bc 10. Кр : d3 c5 11. Кр c4 и т. д.

«Шесть и одна». 1. Кра8 Сh2 2. g3 С : g3 3. f4 С : f4 4. e5 С : e5 5. d6 С : d6 6.b8Ф+ С : b8 7. c7.

«Ладья и конь» 1. Лd1! d5 2. Лf1.

«Хитрое в простом». 1. h5 a5 2. h6 a4 3. Сg8 Кр : g8 4. h7+Кр h8 5. Кр g2 a3 6. Кр f1 a2 7. Кр e2 a1Ф Пат.

КОВАРНАЯ ЗАДАЧА

Очень крепким орешком оказалась задача И. Бетиньша, помещенная в журнале № 12. Многие ребята даже стали сомневаться, решается ли эта задача.

«Нет ли опечатки в диаграмме?» — спрашивает Валя Слободинский (Ленинград).

Никакой опечатки нет, Валя. Вот положение фигур и пешек в задаче. Белые: Крe1, Сh3, Сd6, Кe3, п. b2, e2, f2, f5. Черные: Крd4, п. e4, f6, h5.

Мат в 4 хода достигается так: 1. Сg4! hg 2. Крd1 g3 3. fg Кр : e3 4. Сc5× или 1... h4 2. Сh5 h3 3. Сf7 h2 4. Кc2×.

КАКАЯ КОМАНДА СИЛЬНЕЕ

Какая школьная команда шахматистов самая сильная и дружная?

Комиссия по заочным соревнованиям Шахматной федерации СССР и редакция нашего журнала решили провести заочное соревнование школьных шахматных команд.

В эти соревнования по переписке принимаются только шахматные секции, насчитывающие не менее двадцати человек. Соревнование начнется в октябре 1962 года.

Для того, чтобы включиться в турнир, надо прислать в редакцию заявку и коротко рассказать о работе школьной шахматной секции.

Победители соревнования будут награждены дипломами и грамотами «Ферзя и ладьи».

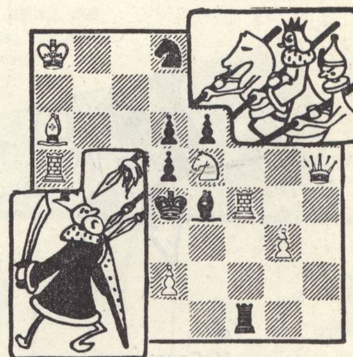
НОВЫЙ КОНКУРС

Объявляем также новый массовый конкурс решений задач и этюдов. В этот конкурс включаются четыре задания.

Участники конкурса должны также ответить на два вопроса.

КОРОЛЬ В ОСАДЕ

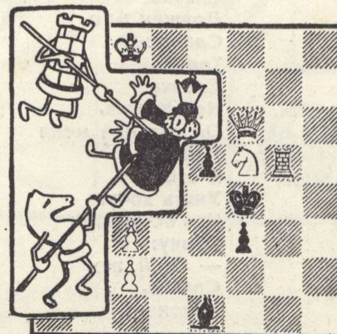
Со всех сторон окружили черного короля белые фигуры. Но и черные защищаются упорно.



Найдите, как в этом положении белые дают мат в два хода черному королю.

ПОД ПЕРЕКРЕСТНЫМ ОГНЕМ

А здесь положение черного короля еще тревожнее: ферзь, ладья и конь белых бросились в

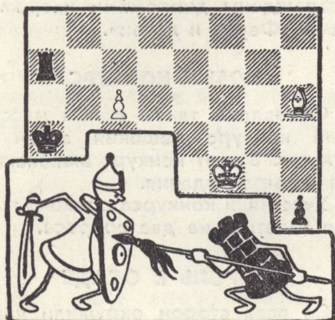


атаку. Только одна фигура у черных — слон. Но работает он на славу, прикрывая подступы к своему королю.

Здесь белые дают мат черному королю лишь в три хода.

ЛАДЬЯ И СЛОН

Интересный поединок между ладьей и слоном вы видите на следующей диаграмме.



Как избежать здесь белым поражения? Как увести слона в безопасное место? Найдите, как белые делают ничью.

НА КРАЮ ПРОПАСТИ

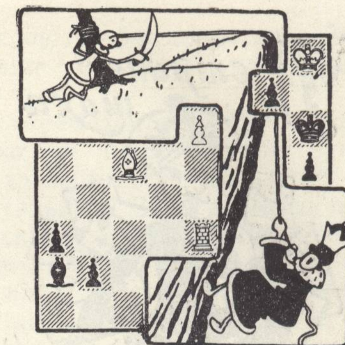
На краю пропасти находятся черные в позиции следующей диаграммы. У белых лишняя ладья, но черные упорно продолжают бороться, возлагая надежды на свою проходную пешку.

Начиная игру, белые добиваются победы. Каким образом?

Учтите, ребята, что во всех заданиях конкурса игру начинают белые.

Решения надо будет прислать не позднее 20 сентября. Для того, чтобы получить грамоту «Ферзя и ладьи», надо также ответить на два вопроса.

Какому советскому мастеру за успехи в шахматах было присвоено звание заслуженного деятеля искусств?



Какой великий русский ученый был большим любителем шахмат?

РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ, ЖУРНАЛ № 3

Задачи Джамедина Аскерова: I. 1. Фа4; II 1. Ка3.

И. ХОЛИН



Я и Славка



Рисунки Е. Ведерникова.

Я
И Славка,
Мой дружок,
В школе
Осенью вступили
В драматический
Кружок.
Раз
В большую перемену
Вызывают нас на сцену.
Я по роли
Должен драться.
Славка
Должен мне
Сдаваться.
Только
Славка
Не сдается,
Он сильней меня
Дерется.
Я его
Унять хочу,
Что есть мочи
Кричу:
— Стой же,
Славка,
Наконец!
Я
Буденновский боец!
В зале хохот,
В зале гам,
В зале грохот,
Тарарам.
Растащили нас
С трудом.
Вытер пот
Я
Рукавом.
У меня
Разбита бровь.
У него
Из носа кровь.
Мы стоим,
Остолбенели:
Мы же драться
Не хотели.



В ЧАСЫ ДОСУГА



Вы, вероятно, знаете Вову Пуговкина? Так вот, мы получили от него письмо. Он рассказывает о событиях, с ним случившихся.

«Я сидел дома,— пишет он,— и делал уроки. Неожиданно в комнате появилась фея-волшебница.

— Здравствуй, Вова! — сказала она.— И охота тебе тратить время на такие пустяки? Возьми-ка вот эту волшебную ручку-самописку и положи ее на тетрадку, а сам иди гулять. И не беспокойся за уроки — она напишет за тебя все, что задано.

Я так и сделал. И что же вы думаете? Тотчас волшебная ручка-самописка забегала по раскрытой тетради. Вмиг написала она и арифметические примеры и упражнение по грамматике. Вот это да!

Потом фея дала мне небольшую коробочку с волшебными пилюлями.

— Принимай, Вова, по одной штуке перед тем, как идти в школу,— и отличная отметка тебе обеспечена.

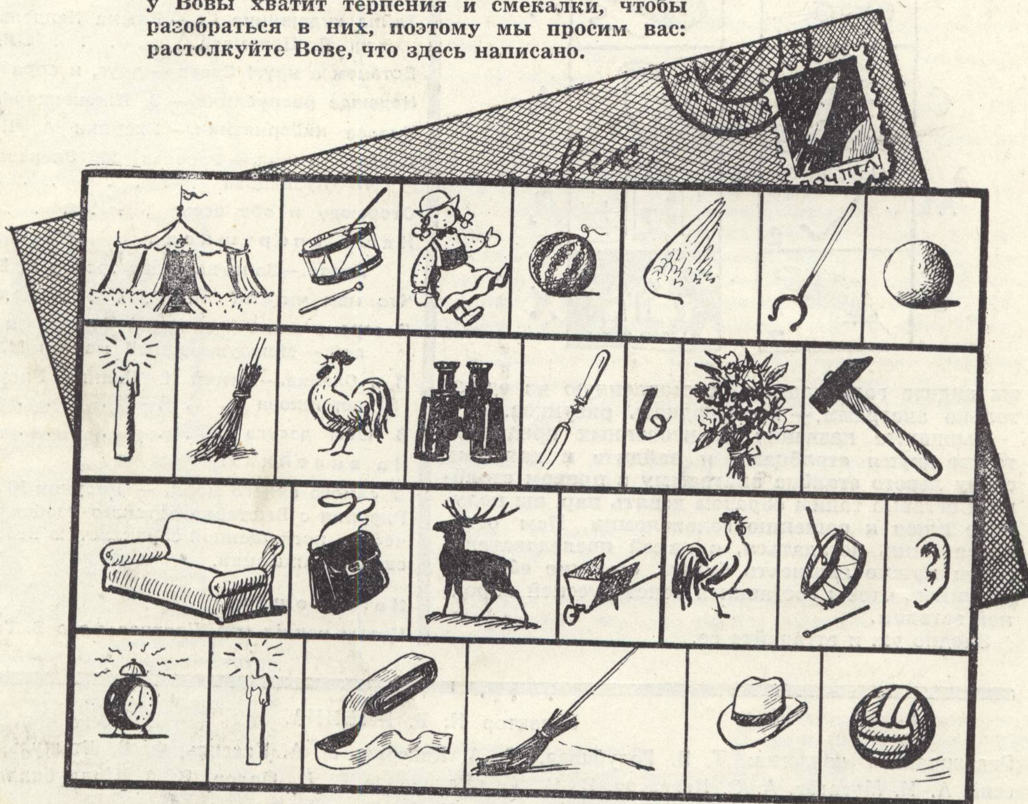
Пилюли тоже не подвели. На другой день меня вызывали к доске, и я так здорово отвечал, что Лидия Игнатьевна просто удивилась. «Ну и молодец же ты, Пуговкин!» — сказала она и поставила мне пять с плюсом.

И еще подарила мне фея боксерские перчатки.

— Дарю тебе,— сказала она,— эти волшебные перчатки. Знаю, что ты никогда не занимался боксом, но что из того? В этих перчатках ты будешь непобедим на ринге.

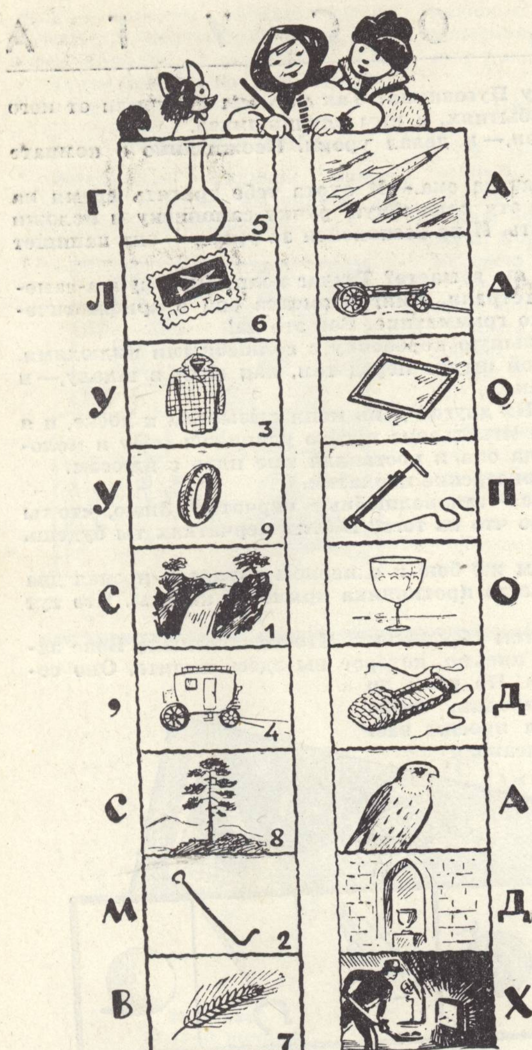
Так оно и вышло. В первом же бою и в первом раунде я провел два неотразимых удара и бросил своего противника прямо за канаты. Что тут было!.. Меня...»

К сожалению, письмо на этом обрывалось. Что-то помешало Вове закончить его. Мы написали ему письмо, которое вы здесь видите. Оно состоит почти из одних картинок. Но вряд ли у Вовы хватит терпения и смекалки, чтобы разобраться в них, поэтому мы просим вас: растолкуйте Вове, что здесь написано.



КАКАЯ ЭТО ЗАГАДКА?

Если из какого-либо слова, переставив в нем буквы, можно получить другое слово, то это второе слово будет называться анаграммой. Здесь



вы видите головоломку, составленную из одних только анаграмм,— восемнадцать рисунков.

Выпишите названия нарисованных предметов также двумя столбцами и найдите к каждому слову левого столбца анаграмму в правом столбце. Составив таким образом девять пар, вы получите ключ к решению головоломки. Вам остается лишь догадаться, в какой последовательности нужно выписать буквы, стоящие сбоку у рисунков, чтобы составился текст русской народной загадки.

Заодно уж и отгадайте ее.

Содержание

Редактор **Н. В. ИЛЬИНА.**

Редакционная коллегия: **Т. В. Голубцова, В. А. Каверин, Л. А. Кассиль, Ф. В. Лемкуль, А. И. Мошковский, А. И. Мусатов, А. С. Некрасов, В. Н. Орджоникидзе, В. И. Орлов, В. А. Поддубная** (ответственный секретарь), **М. П. Прилежаева.**

Адрес редакции: **Москва, А-47, 1-я улица Ямского поля, дом 28. Телефон Д 3-30-73.**

Рукописи не возвращаются.

Технический редактор **О. Швова.**

Художественный редактор **П. Кузьмичев.**

А 00112. Подписано к печати 12/VI 1962 г. Тираж 565 000 экз. Изд. № 1092. Заказ № 1332.

Форм. бум. 84 × 108 1/16. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, Москва, А-47, ул. «Правды», 24.



ПИСАТЕЛИ
НАШЕЙ РОДИНЫ
АЛЬБОМ
ПОЧТОВЫХ МАРОК

МАРКИ ДЛЯ КОЛЛЕКЦИЙ



1. Пакет № 497 — 44-й Октябрь. 25 лет Конституции СССР. Памятники Щорсу и Котовскому. Р. Тагор, А. Захаров, А. Иманов, Ф. Лист. Оборона Одессы.
9 гашеных марок — цена 17 коп.

2. Пакет № 498 — Всемирный форум молодежи. 10 лет федерации борцов Сопротивления. Учиться работать и жить по-коммунистически. Молодежь на ударных стройках семилетки.
10 гашеных марок — цена 16 коп.

3. Пакет № 499 — Русские сказки. Косуля. Уфа. Элиста, Нахичевань. 300 лет Иркутску. Неделя письма.
9 гашеных марок — цена 18 коп.

4. Пакет № 500 — 40 лет Монгольской революции. V Всемирный конгресс профсоюзов. 15 лет Болгарии. Нансен Ф.
9 гашеных марок — цена 16 коп.

5. Пакет № 501 — Ломоносов. Казахские костюмы. Оборона Москвы. Советский балет. А. Пумпур.
8 гашеных марок — цена 17 коп.

6. Тематические наборы в целлофановых пакетах. Марки СССР:

Дорога в космос 11 гашеных марок — цена 22 коп.
Дружба народов 12 гашеных марок — цена 17 коп.
Природа СССР 6 гашеных марок — цена 15 коп.
Счастливое детство 13 гашеных марок — цена 12 коп.
Скульптура, памятники 13 гашеных марок—цена 18 коп.
Семилетка в действии 10 гашеных марок—цена 12 коп.
Костюмы народов СССР 10 гашеных марок—цена 17 коп.

7. Альбом почтовых марок «Писатели нашей Родины» с иллюстрациями марок СССР и стран народной демократии, в художественном оформлении, в переплете — цена 2 р. 05 к.

8. Кляссеры для вкладывания и хранения марок, 8-створчатые 14,5×19 — цена 1 р. 60 к.

Заказы высылаются наложенным платежом. Оплата на почте при получении.

Адрес магазина: Москва, Ж-4, Б. Факельный пер., дом 2/22. Магазин № 111 «Москниги».















Цена 25 коп.





На этой обложке — цветы наших гор. Стройная желтая лилия растет на альпийских лугах Кавказа. Крокусы, пробившиеся из-под рассыпчатого, словно сахар, снега,— ее земляки. Жаркй раскрывают свои огненные венчики по всей Сибири: и на Алтае, и на Саянах, и в Прибайкалье. Розовато сиреневатый эритрониум с пятнистыми листьями и грациозно склоненным цветком встречается всюду, где и жаркй и синие рогатые водосборы. А нежные, почти прозрачные цветы альпийского мака, недолговечные, как мотыльки, раскрылись за Полярным кругом, в горных тундрах Кольского полуострова.

Фото В. Гиппенрейтера.

